

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
Литературно-художественный журнал

№ 6 2022

12+

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА СЕРГЕЯ КОНДРАТЬЕВА

«Деревня за окном». 2010 год

«Сбор яблок». 2015 год

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 6 2022

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)

САРАТОВ
2022

№ 6 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Евгений СЕМИЧЕВ. На русском берегу	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей СОЛОНИЦЫН. Казнь	8
ПОЭТОГРАД	
Светлана КРЮКОВА. Бабочка на стеклянном ветру	20
СТАТЬИ	
Геннадий КРАСНИКОВ. На пути в невозможное	24
ОТРАЖЕНИЯ	
Игорь ГОЛУБЬ. Красота	27
ПОЭТОГРАД	
Ксения ВАЩЕНКО. Весною радости просты...	35
КАМЕРА АБСУРДА	
Сергей ПЫЛЁВ. Есть ли жизнь на антресолях?	40
ПОЭТОГРАД	
Екатерина МАНТУРОВА. Радиограмма любви	62
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Елена ОБУХОВА. Одинокие люди сбиваются в стаи	66
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Лариса НЕПОВИННЫХ. Под крылом небес	71
ОТРАЖЕНИЯ	
Валерий АРШАНСКИЙ. Альтанка	75
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ	
Юрий КОЗЛОВ. Певец Волги и воли	103
СТАТЬИ	
Наталья ЛЕВАНИНА. Лети, «Чайка», лети!	115
РЕЦЕНЗИИ	
Эдуард АНАШКИН. Заветам Суворова верны...	129
Солнце, неподвластное тьме...	132
Александр ЕВСЮКОВ. Слом Героя	134
Андрей ПЕТРОВ. «Душе моей одно лекарство — целебный труд!»	136
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Андрей ЛЕОПОЛЬДОВ. Путевые заметки от Саратова до Самары	140
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Елена ТУРОВЕЦ. «Искусство имеет свои корни и плоды...»	149
«Светлое стремление быть художником...» (Воспоминания о Сергее Кондратьеве)	166
ИТОГИ КОНКУРСА	
Дмитрий ЗОТОВ, Ольга КОЛОКОЛЬЦЕВА.	177
Петровск — первый город Петра Великого	181
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕВА	
Любовь ЧИРКОВА. «Поэт русского возрождения»	188

**Евгений
Семичев**

НА РУССКОМ БЕРЕГУ

ФЛАГ РОДИНЫ

Мы русские.
Мы знаем,
Что русских нас роднит.
Флаг Родины над нами,
Взлетающий в зенит.

Какой восторг, смотрите!
Какой в душе простор!
Сияет на орбите
Наш русский триколор.

И доблесть, и отвага
Живут у нас в крови.
И нету выше флага
Для счастья и любви.

Лёд вековечный тает.
А гордый русский флаг
Под небосвод взлетает,
Рассеивая мрак.

И зреет в поле колос,
И ласточки парят.
И Русский мир и космос
По-русски говорят.

Вот и закачалось мирозданье
Мерно, словно птица на лету.
Юность мне назначила свиданье
На летучем подвесном мосту.

-
- Евгений Николаевич Семичев – выдающийся русский поэт, внесённый в список классиков XX века Пушкинским домом Российской академии наук. Автор книг «Соколики русской земли», «Великий верх», «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Небесная крепь» и др., а также множества публикаций в российских центральных, зарубежных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Живёт в Самарской области.

Под мостом плывут вольготно утки.
Над мостом взлетают сизари.
Этот мост парит два раза в сутки
Высоко, на уровне зари.

Ангельской своей улыбкой кроткой
В пламени горячих юных дней,
Плавающей лодочки походкой
Выкликают девушки парней.

Этот мост, летящий над рекою,
Позволял подняться в полный рост
И дрожащей, трепетной рукою
Доставать до самых ярких звёзд.

Где теперь те годы заревые?
У небесной бездны на краю.
Здесь бесстрашно, нежно и впервые
Целовал я девочку свою.

Здесь, пылая лихо и азартно,
Красный день за красную черту
В прошлое, бывшее безвозвратно
Уходил по красному мосту.

Зима ступает робко
В стихи мои и сны.
Засеребрилась тропка
Длиною до луны.

Забористый морозец
Сковал покров земли.
А я – канатоходец
Межзвёздной колеи.

Присыпан снежной пылью
В завьюженном пылу,
Раскинув руки-крылья,
Иду, скользя, во мглу.

Моей стезей влюблённой
Петляет колея.
А лёд совсем зелёный,
Такой же, как и я.

В зеленоглазых звёздах
Ночная тишина.
В зелёных искрах воздух.
Зелёная луна.

Река в хрустальных звонах.
Попал я сам не свой
В мир грёз своих зелёных,
Как в омут с головой.

Но мне уже не страшно
Загинуть под водой.
Такой я бесшабашный.
Такой я молодой.

Моя клубится тропка
По гибельному льду.
Зима ступает робко.
Неробко я иду

Через миры-планеты,
Вселенною ведом..
И щуки, как кометы,
Всплывают подо льдом.

Ночных небес колодец
В космической пыли.
А я – канатоходец
Межзвёздной колеи.

Меня к тому крылечку
Выносит колея,
Где за хрустальной речкой
Живёт любовь моя.

Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я – твои глаза
На волжском берегу.

Горючей не жалея воды,
Греми над головой.
Сегодня я – твой поводырь
И зрячий посох твой.

Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надёжная рука
Порукой будем нам.

Блистайте, молнии, оплечь.
И ветер вольный – вей!..
Куётся в грозном горне меч
Для Родины моей.

Пускай летит во все концы
Над Божьим Миром весть:
Лихие злато-кузнецы
Ещё в России есть!

Во имя мира и любви
И на позор врагу –
Господь, меня благослови
На русском берегу!..

Когда слышу в спину: «Жень!» –
Окликает детство.
Счастья полную сажень
Загрывает сердце.

Визг щенячий пацанья.
Дружеская свалка.
Боже! Это не меня.
Господи, как жалко.

Но в небесной глубине
Свет не убывает.
Отче! Это же ко мне
Ангел мой взывает.

Потерял я белого коня
И свои заветные полцарства.
Не судите, девочки, меня
За мои беспутные мытарства.

У меня ещё есть красный конь
И вторая половина царства.
Красный конь – безжалостный огонь.
Значит, для манёвра есть пространство.

А ещё в запасе чёрный конь.
Им по жизни хвастать не пристало.
Чёрный конь, немного охолонь!
Просто твоё время не настало.

А пока мне песня по плечу
И за всё про всё одна расплата.
Я к своей любимой прилечу
На крыле багрового заката.

Привяжу крылатого коня
И верну утраченное царство.
Не ругай, зазнобушка, меня
За моё загульное мытарство.

Над Россией, стена в голос,
В небе мечется птичий клин.
Косит жатву холера морбус...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Просыпается бодр и весел
И здоров. Ай да сукин сын! –
Отправляет письмо невесте...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
Шлёт, как истовый семьянин.
Облетает лучинник в роще...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Он работает как вельможа,
Презирая тоску и сплин.
Сочиняет и пишет лёжа...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Что задумано между строчек,
Знает в мире лишь он один
Да крылатый, искристый росчерк...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
Сей сиятельный господин
С визгом плещется в банной бочке...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

На коне златогривом скачет
Вдоль родных золотых куртин.
И восторга любви не прячет...
Пушкин.
Болдино.
Карантин.

**Алексей
СОЛОНИЦЫН**

КАЗНЬ

*Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

Александр Твардовский

1

– Вась, а Вась, поел бы, – лейтенант Сергей Терентьев, командир группы спецназа, протянул банку с тушёнкой сидящему чуть в сторонке от него Васе Ведрову. – Хорошая тушёнка. Слышь, Кирка, подтверди.

Кирка, он же Кирилл Диденко, ловкий, быстрый боец, способный запросто пролезть в форточку, прожевал мясо, сглотнул его и сказал:

– Натюрлих.

– Слышишь, грамотей что говорит, – устало вымолвил Терентьев и опять посмотрел на замкнувшегося Васю Ведрова.

Тот молчал уже третий день и почти ничего не ел.

Терентьев понимал, что надо Василия вернуть к жизни, снять стресс, в котором он находился после того, как узнал, что погибли его жена Таисия и дочка Маринка. Василий съездил в Волноваху, похоронил родных и неожиданно быстро вернулся в Мариуполь, на передовую. Сказал, что быть здесь для него лучшее лекарство.

Терентьев убеждал Василия, что ему надо ехать к хорошим врачам, к какому-нибудь опытному психиатру, что ли.

Но Ведров уезжать категорически отказался.

Бои шли почти без передышки, следовали один за другим. Приходилось биться за каждую улицу, каждый дом, и это был главный аргумент Василия, почему он оставался здесь. Командир

-
- Алексей Алексеевич Солоницын – писатель, кинодраматург, родился в 1938 году в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960 году, много ездил по стране, работал в газетах Киргизии, Латвии, на телевидении, в кино. С 1973 года живёт в Самаре. С 1972 года – член Союза писателей России, с 1984-го – член Союза кинематографистов России. За 55 лет творческой деятельности в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах России и зарубежья издано, включая переиздания, более пятидесяти книг писателя. По его сценариям снято более сорока документальных фильмов. Дипломант Патриаршей литературной премии св. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых всероссийских литературных премий им. Александра Невского (С.-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва).

смирился, потому что хорошо понимал, что замену Ведрову найти можно, но не нужно. Он свой, воюет умело. Неслучайно полковник направляет штурмовую группу Терентьева в места, где бои идут затяжные, и снайперы врага, поддержанные умело прикрытыми танками, пушками, скрытыми за какими-нибудь преградами, вроде детсада или роддома, ещё и поваленных деревьев, и камней, вдруг палят почти в упор.

Комната, где они расположились после боя, была по всем приметам командным пунктом врага – оборудована и приборами связи, и всем необходимым для жизни: кроватями, полками с оружием.

При бегстве враг всё оставил в беспорядке: на постелях и полу валялись обмундирование, боеприпасы, и запасы еды, и бутылки с водой. Посуда грязная, пол замусорен. Пришлось хорошенько потрудиться, чтобы привести эту двухкомнатную квартиру, приспособленную для управления боем, в более-менее приличный вид.

Прежде чем пить чай, Терентьев достал из своего вещмешка флягу, отвинтил крышку и приложился к горлышку, несколько раз хлебнув. Не поморщился даже, протянул флягу Василию:

– От родимой-то не откажешься?

Василий кивнул утвердительно, сделал пару глотков.

Передал флягу Кирке. Тот тоже хлебнул и передал флягу другим бойцам – всего в штурмовой группе числилось пять бойцов: были ещё Тахир Гибматулин и Валька Меняйло, спецназовцы из Казани. Они вошли в группу месяц назад, после гибели рязанских ребят, павших при переправе через Северский Донец.

Чай пили из своих кружек, хорошо заваренный. Услышав шорох за окном, слухач Тахир тут же схватил «калаш» и, пригнувшись, пополз к окну. Кирка загасил настольную лампочку, а все остальные бойцы заняли оборонительную позицию: кто взял на прицел входную дверь, кто окна, кто потолок, где находился люк, который обследовали ещё при занятии этого командного пункта. Оказалось, что люк прикрывал схрон, где начальство «укропов» хранило награбленные ценности: дорогую домашнюю утварь, подсвечники, коробки с украшениями.

Терентьев подтолкнул Кирку и шепнул: «Дверь» – и тот пополз по-пластунски, бесшумно выскользнул в прихожую, приподнявшись, присмотрелся к ночной темени во дворе, образованном пятиэтажками и одной девятиэтажкой в дальнем конце двора, где и укрылись снайперы. Посреди двора рос огромный тополь, который разделялся на два ствола посередине, а затем поднимался выше, множась уже стволами поменьше, со своими ветвями, выравнивался по высоте с пятиэтажками.

Апрельская ночь была не так темна, как в марте, и Кирка разглядел остов сгоревших «Жигулей», за которым могли прятаться враги, несколько врызг разбитых снарядами гаражей, пустое пространство двора, где прежде была детская площадка, а сейчас остались лишь покореженные качели и горка, по которой детишкам нравилось весело съезжать вниз.

Кирка никого не обнаружил.

Но вот из остова «Жигулей» выглянула чья-то настороженная тень.

К Кирке подполз Валька Меняйло и тронул его за плечо.

– Свои, – шепнул. – Терентий из разведроты звонил. Кого-то с собой ведёт.

Из остова «Жигулей» выполз кто-то, наверное, тот самый разведчик Терентий. За ним не так проворно, но всё же быстро выполз ещё один человек – грузный, неловко шлёпнувшийся о землю.

Ползком оба стали пробираться к тополю. Укрылись за ним вовремя, потому что автоматная очередь полоснула по могучему стволу.

– Снайпер, – шепнул Валька. – С девятиэтажки.

– Угловое окно, – уточнил Кирка. – Поможем разведке.

И он пополз к разбитому гаражу, выбрал позицию, откуда, по его опыту, пули из «калаша» достанут до углового окна девятиэтажки.

И он дал короткую очередь по бдительному снайперу.

Разведчик Терентий, поняв, что его прикрывают, подтолкнул грузного человека, показав, куда бежать, а потом и сам направился к дому, где находились штурмовики.

Снайпер не стал молчать – дал несколько очередей по бегущим. Но пули пролетели мимо. Валька Меняйло обстрелял и вторую позицию снайпера.

Разведчик и его спутник успели добежать до спасительного подъезда и войти в дом.

Тучный спутник разведчика оказался священником. Усевшись на предложенный ему стул, он тяжело дышал и вытирал обильный пот с большого лба. Он снял скуфейку и стал большим платком промокать почти лысую голову, на которой лишь по бокам да сзади росли мокрые сейчас волосы.

– Слава Тебе, Боже, слава Тебе, – сказал он громко и внятно, быстро крестясь.

– Да вы меховушку-то снимите, – посоветовал Кирка.

– Верно, она у меня тёплая, матушка в прошлом годе по случаю приобрела... – И он снял безрукавку-меховушку. – Не те у меня года, чтобы как зайцу бегать...

– А что за нужда такая – в ночь к нам пробираться? – спросил Терентьев. – Вы, простите, отец..

– Гавриил или просто Гаврила – как больше нравится, – подсказал священник. – Вот раб Божий согласился меня сопроводить до нашего храма Покрова Божией Матери. Так как там никого из священнослужителей нет, а завтра праздник Благовещения. Я и отслужу как положено.

– Понятно. Намерения у вас, отец Гавриил, отличные. И бойцам, кто от боевых действий будет свободен, очень даже будет полезно присутствовать на вашей службе, – одобрил Терентьев.

– А вы, смею заметить, командир здесь будете? – отец Гавриил покосился своими карими глазами на погоны лейтенанта.

– Так точно, лейтенант народно-освободительной армии Терентьев. А для вас – раб Божий Сергей.

– О, да вы верующий!

– На войне неверующих нет, батюшка. Отдыхались? Чайку не желаете?

– Ну что же, я с удовольствием, – отец Гавриил улыбнулся, показав крепкие белые зубы.

От всей его фигуры, большой, крепкой, от взгляда тёмно-карих глаз, сейчас лучившихся радостью, исходило обаяние сильного, надёжного человека, который и в таких вот обстоятельствах только что ползком и перебежками убегал от смерти, а сейчас радовался и крепкому горячему чаю да ещё сладкому, с печеньем.

За окошком опять послышался шорох.

Кирка мгновенно оказался у двери. Ползком добрался до другой двери, входной. Тихонечко её приоткрыл, выставив снизу автомат.

И увидел чёрную, с белыми пятнами собаку, исхудавшую, со впалыми боками, с узкой длинной мордой.

– Вот те раз, – хохотнул он. – Ну иди, раз пришла.

И Кирка впустил собаку в дом.

2

Снайперскую позицию в доме, куда в подвал загнали жильцов, занимала Ирма, приехавшая воевать с русскими вместе со своим избранником Ричардом, офицером. Напарником Ирме дали опытного стрелка Мишу Порожняка – Ричарда срочно отправили на «Азовсталь», мощно укреплённый ещё в годы советской власти.

Насколько поняла Ирма, Ричард понадобился кому-то из начальства обороны.

Ричард свободно говорил по-английски и немного по-французски, потому и направили именно его – ведь просто опытных бойцов-снайперов, засевших на крышах и на верхних этажах многоэтажек, в городе сейчас немало.

Выходит, Ричард должен встретиться с кем-то из зарубежных инструкторов, которые, судя по всему, и руководили обороной.

Прошло уже двое суток, как ушёл Ричард, вестей от него никаких, хотя связь есть. Их позиция с этим Мишей Порожняком обнаружена, но палить снарядами по дому из танковых орудий или пушек русские не будут, потому что в подвале набито не менее полусотни заложников.

Миша Порожняк, крепкий, здоровый парень, стрелок отличный и, хотя даёт понять, что он и сам знает, как вести бой и что делать в экстремальных ситуациях, слушается Ирму, хотя иногда и криво улыбается, когда она отдаёт приказы.

Поползновений к любовным утехам он не позволял, потому что слышал о Ричарде и Ирме – нечасто среди инструкторов и «бойцов удачи» встретишь пару любовников, всё равно как супругов.

Всё же кое-какие мыслишки у Миши возникали, особенно ночью, когда наступало затишье и заложники в подвале сидели тихо под замком. И главное, больше не «пырхались», как говорил Миша, однажды ранивший бойкого мужичка, который пытался убежать на волю. Мужичок охнул, схватился за ногу и, нелепо хромая, подскакивая на одной ноге, всё же двинулся не к подъезду, а по двору, к сгоревшим «Жигулям».

– От собака-москаляка..

И Порожняк, прицелившись, ещё раз выстрелил в мужичка, который уже перебирался через выбитое окошко в кабину «Жигулей».

Мужичок выгнулся и рухнул в чёрное нутро машины.

Попыталась ещё выйти из подвала одна женщина, махала белым платком и поднимала над головой бидончик, показывая, что идёт за водой. Что-то кричала, Ирма не поняла, что вода нужна для ребёнка, выстрелила, попав прямо в бидончик.

Женщина испуганно вскрикнула и засемила к подъезду, смешно виляя толстым задом.

Порожняк захохотал, Ирма улыбнулась, и между ними установился контакт – их боевые намерения были подтверждены снайперскими выстрелами.

Вот тогда-то Миша Порожняк подумал, что неплохо бы сойтись с Ирмой поближе – девка гарная, высокая, всё при ней. К тому же из настоящей Европы. А с Ричардом мало ли что может случиться – война, да и вряд ли он сюда вернётся. Судя по всему, бои на «Азовстали» будут затяжными. Да и не супруги они – это Миша понял, переговариваясь с Ирмой в часы затишья и после того, как ему удалось закрыть люк, ведущий в подвал, на хороший висячий замок.

Бесшумный звонок можно определить по вибрации трубки рации.

Ирма включила связь.

– Говорит «Якорь», – услышала она речь с явным акцентом. Голос баритональный, чёткий.

Это оттуда.

– То, что скажу, примите как воин. Я знаю, мужество у вас есть.

Ирма поняла, что речь идёт о Ричарде.

– Положение сложное. Подкрепление идёт, но мы сражаемся одни. Отряд смелых пошёл на прорыв сегодня ночью. В неравном бою герои бились до последнего патрона. Два часа назад мы получили последнюю вест.

– Погибли? В плену? – голос Ирмы неожиданно сел.

– Слава героям! – Голос с той стороны по-прежнему твёрд, чётко. – Скорбим вместе с вами. Держитесь.

И связь закончилась.

Ирма сидела на матрасе, расстеленном под окном, где на треноге укреплена снайперская винтовка. На полу лежали заряженный пистолет-автомат, несколько коробок с патронами для обоих оружий.

В комнате сумеречно. Свет полной луны – лампа для их пристанища. Сколько ещё сидеть здесь? И где обещанное подкрепление?

Она пыталась осмыслить сказанное, по-видимому, командиром инструкторов, которые руководят обороной на этом проклятом заводе. Ричард говорил, что там подземные бетонные помещения уходят под землю на пять этажей и практически нельзя их сокрушить. Так зачем же идти на прорыв? Значит, отсиживаться уже невозможно? Но ведь Ричард говорил, что там несколько тысяч бойцов, боеприпасы, еда, вода – всё есть. Так в чём же дело?

Но вдруг все её размышления о боевых действиях, их обстоятельствах пронзила одна мысль – стремительная, острая, ужалившая прямо в сердце.

Ричард убит.

Его нет.

НЕТ? КАК ЭТО?

Ползком к её ложу приблизился Порожняк.

Сел на полу, поджав под себя ноги по-азиатски.

– Шо за новости?

Луна переместилась за окном вправо, стала хорошо видна – круглая, белая. Она осветила лицо Ирмы, сейчас бело-синее, мертвенное, застывшее.

– Ты шо? – спросил он почему-то тихо, шёпотом.

Она продолжала молчать, сидела не шевелясь.

Порожняк понял, что случилось.

– Они бачили дурну новость? О ней накаляли?

Он придвинулся к ней, тронул за плечо.

Она посмотрела на него.

Лицо серо-белое, с шотландской бородкой. Причёска модная, короткая, чёлочка на узком лбу, виски выбриты. Одет в камуфляжку, на груди «калаш».

Большой, сильный, грубый солдат. Дурак на всю голову.

Вот с кем она осталась вместо капитана Ричарда, с которым должны были пожениться после этой войны. Заработать, как он говорил, хорошие деньги и тогда купить дом где-нибудь на взморье, хоть в Паланге, хоть на Куршской косе, что отделяет залив от Балтийского моря. Часть песчаной косы с сосновыми рощами литовская, часть – российская. В сосновых рощах есть чудные уголки, там и будет их дом. А если денег заработать побольше, можно обзавестись домом хоть в Англии, хоть во Франции, где она пожелает. И тогда она родит сына, которого давно хочет. Потому что устала воевать, устала убивать – сначала в Сирии, куда увёз

её капитан Ричард, высокий, стройный, с прядью седых волос. Он подошёл к ней после соревнований по стрельбе в Каунасе, где она завоевала золотую медаль чемпиона. В него невозможно было не влюбиться – именно такого она и ждала, а парни, что были до него, все какие-то не такие, не герои. И вот он явился и сказал, что ей на роду написано быть снайпером, воевать за свободу и демократию, жить настоящей жизнью, полной приключений и большого смысла.

И она пошла за ним, думая, что он женится на ней и что они, конечно, повоюют, проживут романтической жизнью с приключениями, но потом заведут свой дом, будут жить семьёй, с сыночком, о котором она в глубине души мечтала.

Один раз он даже явился ей во сне – с чистым личиком, белокурый, с вихром на лбу, с голубыми глазками – ангелочек, да и только.

И вот Ричарда нет.

А это значит, что ничего нет.

– Ты шо, Ирма? – опять спросил Порожняк, ещё ближе придвинувшись к ней. – Очухайся!

Она оттолкнула его.

– Уйди. А то могу что-нибудь сделать.

– Да я ведь ничё... Я ведь к тебе всей душой... А Ричарда забудь. Если его и того... убили... так это ничё. Война – она и есть война.

– Уйди, говорю!

– Я понятливый. Щас лучше всего для тебя – утешиться лаской. Поверь, я знаю.

Он придвинулся к ней вплотную, обнял за талию крепкой рукой и стал искать губами её губы.

– Гарная ты дивчина... Я тебе на руках носить буду...

Он целовал её щёки, гладил длинные белокурые волосы.

Повалил на матрац.

Не видел, что она нашарила свой пистолет-автомат и, резко отстранившись от него, уперлась дулом в его живот.

– Да ты шо? Сдурела?

Он попытался отвести от себя автомат, но тщетно.

Руки у Ирмы были тренированные, сильные.

Она нажала на спусковой крючок.

От выстрела луна качнулась, а потом опять с любопытством заглянула в комнату на девятом этаже.

И замерла от ужаса. Круглая, белая.

3

Рассвет наступал медленно. Сизые полосы тумана таяли, обнажая искорёженные лавочки, качели, горку для детей, другие благоустройства двора, о которых ещё недавно с гордостью писали в отчётах чиновники местной администрации. Но даже и в таком виде в предутренней тишине двор таил в себе загадку и что-то непознанное, тайное.

Но спецназовцы оценивали каждый участок двора, который предстояло преодолеть, с военной, а не с бытовой точки зрения, где понятиям об удобствах для жильцов и их детей не было места.

От двери до ствола тополя добраться можно беспрепятственно. Но дальше – опасность. От тополя до разбитого ряда гаражей метров пятнадцать. Надежда на то, что снайперы в это время ещё не готовы к бою и могут прозевать манёвр спецназовцев. С четырёх часов утра до пяти – самое удобное

время для начала штурма. Но кто знает, как тренированы снайперы. Может, они бодрствуют без проблем.

От гаражей до груды всякого хлама метров десять, но преодолеть их сложно. Здесь вероятность попасть под обстрел не меньше, чем на предыдущем отрезке пути. Но Вася Ведров и Кирка Диденко должны справиться. Их будут прикрывать Тахир и Валентин Меняйло. Им предстоит укрыться за мусорными баками, до которых от тополя надо бежать вправо метров десять.

А он, Сергей Терентьев, перебежит ещё правее, до детской песочницы и горки, откуда всё же можно автоматными очередями достать до окошка снайпера. Правда, здесь вероятность быть подстреленным больше. Зато есть возможность быстрее добежать до остова «Жигулей» и бросить оттуда дымовую шашку, чтобы прикрыть Васю и Кирку, которые должны проскочить до подъезда и вбежать в дом.

Перекрестившись, Терентьев сказал привычное: «Поехали. С Богом».

Ирма в это время, оттащив тело Порожняка к ванной комнате, подошла ближе к окну, чтобы вдохнуть утренний воздух. Увидела бойцов, которые от подъезда дома за тополем бросились в три разные стороны.

Она мгновенно взялась за снайперскую винтовку и припала к прицелу, наводя перекрестье окуляра на угол гаражей, откуда, как она ещё прежде вычислила, могут добираться штурмовики до груды хлама.

Точно. Первый выстрел – туда.

А второй...

Так, ещё двое побежали к мусорным бакам. Этим достать будет полегче.

Она выбросила из головы, как учил её Ричард, всё, что не связано с боем.

Первый выстрел.

Ага, «колорад» успел укрыться за углом гаража, но пуля пробилла железо. Возможно, она ранила штурмовика.

На самом деле снайперская пуля задела край каски Васи, не пробив её.

– Не спит, зараза, – выругался он.

– Сейчас Тахир покажет, как надо стрелять, – ответил Кирка, приготовившись бежать к свалке.

И как только Тахир дал очередь от мусорных баков по окну снайпера, Кирка, глянув на друга, сказал:

– Вася, на прогулку! Вперёд!

По окну теперь бил и Валька Меняйло.

Ирму теперь должен поддерживать Порожняк, но он лежал на полу, и кровь стекла из-под него, образуя лужицу.

Ирма заметила это, перебегая на вторую позицию и высматривая, не покажется ли каска из-за баков или свалки.

До остова «Жигулей» пока им не добраться, они будут бежать именно туда. Мишка ещё сказал, что это удобное прикрытие для «сепоров» – так он ещё называл противников. Смеясь, объяснил, что «колорады» они потому, что носят оранжево-чёрные ленточки, похожие на спинки колорадских жуков.

«Эх, Мишка, дурак ты дурак», – мелькнуло в её сознании, но она тут же выбросила мысль о нём, увидев, что двое бегут из-за баков к остову машины. Выстрел.

Один из бегущих упал.

Второй тут же подхватил его и потащил обратно за баки.

Она хотела добить и второго, но тут в её окно со свистом влетели пули. Она едва успела пригнуть голову и стала перемещаться на третью позицию, к другому угловому окну.

Здесь должен быть Ричард.

Но теперь ей одной надо стрелять со всех позиций.

Она выжидала, прильнув к резиновому наглазнику: когда из-за баков появится один из врагов, наверняка потащит раненого к себе в логово. А если она убила первого, тогда второй побежит к подъезду дома – мстить.

Пока целилась, Кирка и Вася успели перебежать до машины, укрыться за ней, лёжа на земле.

Ирма увидела ещё одного врага – он бежал слева от детской песочницы и горки.

Успел плюхнуться на землю прежде, чем она открыла огонь.

Тахир, обнаружив третью позицию снайперов, бил короткими очередями без передышки. Видел, что Валька лежит недвижим, и ярость закипала в его сердце.

Терентьев бросил дымовую шашку, и дым окутал пространство перед подъездом, куда побежали Кирка и Вася.

Они успели укрыться под бетонным козырьком, нависшим над входом в дом.

Василий рванул на себя дверь.

Она завизжала противно, но не поддалась.

– Закрыта изнутри, – определил Ведров.

– Пригнись, я на плечи тебе залезу! – запыхаясь, выдохнул Кирка.

– Подстрелят!

– Не, сюда не достанет!

– А если достанет?

– Я быстро! Там окно! Давай, Вася, давай!

И Василий согласился – другого выхода у них не было.

Кирка влез на бетонный козырёк, разбил окно и спрыгнул на площадку второго этажа. По ступенькам сбежал к входной двери, выбил балку, которая подпирала дверь.

Василий влетел в подъезд – пули не зацепили его.

Зато досталось Терентьеву – снайперская пуля попала в плечо, когда он бежал к подъезду.

Он успел толкнуть дверь, она открылась, и Терентьев, схватившись за перила лестницы, опустился на бетонные ступеньки. Вытащил из нагрудного кармана рацию, передал на командный пункт, что есть раненые, нужно подкрепление. И после этого, зажав раненое плечо, стал подниматься по ступенькам к лифту.

Тахир знал, что он у снайпера на прицеле. И всё же попробовал обмануть его. Ползком он перебрался к другому краю баков, а потом перекатом по земле направил своё гибкое и сильное тело к остову «Жигулей».

Катился он быстро, натренировался так перебираться. И уберётся от пуль, хотя Ирма дважды выстрелила по нему.

Ей опять пришлось менять позицию – пули ложились рядом. Это Тахир дал прицельную очередь из-за «Жигулей».

Между тем Василий и Кирка, поднявшись на девятый этаж, решали, как действовать дальше.

Дождались командира. Они увидели красное пятно, выступившее на его плече.

– Ничего, – успокоил он, – дотерплю. – Ждём Валю и Тахира.

Долго ждать не пришлось.

Тахир добрался до друзей, перепрыгивая через три, реже через две ступеньки. Так он тренировался у себя дома, в Казани, готовясь к поступлению в десантное училище.

Дышал не тяжело, но прерывисто.

На вопросительные взгляды друзей коротко сказал:

– Убит Валентин.

Горевать было некогда.

– Они знают, что мы здесь, – сказал лейтенант, стараясь не морщиться от боли. – Кирка, ты навверх. Через неё, – он показал на крышку люка, ведущую на чердак, – на крышу. Через балкон – в квартиру. Идёте вместе с Тахиром. А мы с Василием – отсюда. Учтите, победим только быстротой.

– Давайте сделаю перевязку, командир, – предложил Василий. – Кровь...

– Некогда. Ну, братцы, с Богом!

Кирилл полез по лестнице к люку первым, за ним Тахир.

Они скрылись в проёме люка.

Василий приложил ухо к двери. Но ничего не услышал.

Ирма в это время, прикрывшись дверью, ведущей в большую комнату, встала напротив балконной стеклянной двери, нацелив в неё пистолет-автомат.

Она знала, что враги взломают входную дверь, но, как только они появятся в комнате, она даст очередь им в спину. А если кто появится в балконной двери, тоже получит своё.

Но она не учла, что Кирка и Тахир предусмотрели, какую она займёт позицию – не в первый раз им пришлось вести бой в городе, среди типовых многоэтажек. Поэтому с крыши решили спускаться не на балкон, а к соседнему с ним окну спальни комнаты, куда успешно и добрались.

Кирка аккуратно вырезал оконное стекло, тихонько открыл ручку – всё было стандартное, пластиковое, так что открыть окно для Кирки не составило особого труда.

Из приоткрытой двери спальни комнаты Кирка увидел спину снайпера, который стоял, целясь автоматом на балконное окно.

Тахир отстранил Кирку и в два прыжка оказался около снайпера. Одной рукой обхватил его за горло, а другой направил автомат врага в пол.

Ирма успела нажать на спусковой крючок, раздалась короткая очередь.

В следующее мгновение её рука от нестерпимой боли непроизвольно выпустила автомат.

Тахир вывернул и вторую руку Ирмы и упёр её лицом к стене.

В это время Василий выломал входную дверь, и вместе с Терентьевым они ворвались в комнату.

Увидели одного снайпера, которого крепко держал Тахир, а другой лежал на полу в луже крови.

У снайпера длинные белокурые волосы опускались на плечи. Удивился не только Кирка, но и Терентьев с Тахиром, немало повидавшими на своём бойцовском веку.

Лишь Василий криво улыбался, крепче сжимая свой «калаш»: как ему сказали, именно снайпер-женщина подстрелила его Таисию, санитарку, которая пыталась спасти раненого бойца и ползла к нему по земле по двору, похожему на этот, где они сейчас вели бой. Потом снайпер убил и Маринку, высушившуюся из подъезда, чтобы узнать, что с матерью и не надо ли ей помочь.

Того снайпера в Волновахе пришлось ликвидировать сразу – она не хотела прекращать огонь.

А эта попалась.

Что ж, теперь у Василия есть шанс поквитаться, посмотрев этой змеюке в глаза, прежде чем он нажмёт на спусковой крючок автомата.

Большой амбарный замок выстрелами из автомата сбили с двери люка, ведущего в подвал.

Крикнув: «Свои!», Кирка первым спустился по лесенке, фонарём осветив пространство подвала.

За ним спустился и Тахир. Василий в это время перевязывал рану командиру. Сделал ему укол от столбняка – в его амуниции был санитарный комплект на случай, если нужна будет срочная помощь. Лечащий врач, отпуская Василия воевать, строго наказал, что необходимые лекарства всегда должны быть у Василия с собой.

– Выходите, вы свободны, – сказал Кирка, оглядывая сидящих и лежащих у стен подвала узников.

Вид у них был такой, что Кирка невольно тяжело выдохнул.

Тахир сжал зубы, как от боли:

– Да что же они, поганые? Как могли такое сотворить?

– Десятый день сидим, – отозвался мужчина в пальто, в шапке-ушанке.

Он, щурясь, вглядывался в лица бойцов, не веря, что это освободители, свои, русские, а не мучители. Камуфляжная форма как у спецназовцев, так и у врагов, одинаковая, каски надвинуты на самые глаза, да ещё темнота – не разглядишь, кто это пришёл в подвал.

– Давайте, давайте на выход. Мамаша, вставайте, я помогу, – Кирка взял под руку пожилую женщину, вручив фонарь мужчине в пальто.

– Вы правда наши? – испуганно спросила она.

– Свои, свои, – Кирка повёл женщину к лесенке. – Скорее отсюда. Уж очень здесь нехорошо...

– В аду и то, поди, такого ужаса нет, – сказала ещё одна женщина, пытаясь поднять с подстилки соседку по этажу, которая держала на руках своего сына, мальчонку лет пяти-шести. – Вставай, милая, вставай. Это наши пришли. Я по голосу их определила.

Мужчина, которому вручили фонарь, высоко поднял его над головой, осветив место, где томились узники. Они стали подниматься со своих лежанок. В центре чернели остатки костерка – на нём пытались что-нибудь приготовить: у кого-то из жильцов дома оказались пакетики с кашей быстрого приготовления, у кого-то – картофельное пюре, но всей этой горячей еды хватило лишь на несколько приготовлений.

Кончились и найденные в подвале фанерные ящики, и всевозможный хлам, который шёл на растопку. Сидеть в темноте и холоде пришлось и без чая, потому что и вода скоро кончилась.

Когда стучали в дверь, закрывающую подвал, слишком настойчиво, приходил кто-то из охраны. Ругался матерно, грозился. Воды принесли один раз в ведре. Из еды выдавали по три буханки хлеба сначала ровно в три дня, а потом по одной буханке тоже в три дня.

И всё.

Дмитрий Фёдорович с пятого этажа, майор в отставке, предложил всю еду, которую успели захватить с собой заложники, соединить и распределять понемногу на всех. Нашлись и такие, кто не согласился, ел отдельно. Они и расположились отдельно, в дальнем углу.

На шестой день майор выдал по две ложки холодной каши.

Нина Матвеевна, со второго этажа, скончалась. У неё сахарный диабет, а инсулин кончился.

Скончался и преподаватель из техникума Мирский, которого звали «профессором» – он всегда был «при галстукe и шляпe», как отзывались о нём бабушки, любившие посидеть на лавочке у подъезда и обсуждавшие всех, кто проходил к себе домой вечерами после работы.

Бабушки, к удивлению многих, выжили – их насчитывалось «четыре штуки», как шутили мальчишки, которых бабули то и дело одёргивали за шалости, которые они устраивали во дворе.

Умерших вынесли из подвала в последнюю очередь. Положили в ряд – их оказалось трое.

Выжившие стояли полукругом, как их выстроил Кирка.

Он старался приободрить освобождённых. Даже попробовал шутить, и на некоторых грязных, измождённых лицах появилось нечто похожее на улыбки.

Но вот дверь подъезда распахнулась – и вышла Ирма. А за ней – Тахир, с автоматом, которым он подталкивал её в спину.

Остановил её в нескольких шагах от ступенек подъезда.

– Ждём машину. Сейчас приедут, – сказал подошедший Терентьев.

Левая рука у него была на перевязи, на ногах держится твёрдо, хотя голова время от времени шла кругом.

Он с любопытством разглядывал снайпершу. Это она целилась в него. Полчаса не прошло, как могла его убить.

Разглядывали Ирму и недавние заключённые, страдающие от голода и жажды. Она оказалась в их полукруге, и он всё теснее сжимался вокруг неё.

Ирма затравленно, но всё же с кривой улыбкой взглядывала на людей, пристально смотревших на неё.

Неожиданно кто-то выкрикнул:

– Расступись!

Полукольцо разомкнулось.

На свободное место вышла женщина с малышом на руках.

Она остановилась в нескольких шагах от снайперши.

Одетая в тёплую вязаную кофту, в платке, повязанном почти до бровей, из-под которых глядели скорбные тёмные глаза.

Она смотрела в упор на убийцу сына, лежащего у неё на руках.

Перед ней стояла высокая, стройная, белокурая женщина, в камуфляжной военной форме, и улыбка постепенно сползла с её молодого, ухоженного, надменного лица.

Она поняла, что мать держит мёртвого ребёнка.

И по глазам видно, зачем мать вышла и встала перед ней. Неожиданно вперёд выдвинулся Василий и вскинул автомат.

– Это тебе за смерть наших детей и матерей, подлюка!

И только он хотел выстрелить, как к нему бросился отец Гавриил и встал перед ним.

– Нельзя! Самосудом нельзя!

– Уйди! Уйди, гово-р-р-ю-у!

– Нельзя, грех! – всем тучным телом батюшка прижался к Василию. – Мы – не они! Мы не должны быть как они!

– Уйди, говорю! – Василию всё же удалось отбиться от отца Гавриила.

Хромая, встал перед ним Сергей Терентьев.

– Нельзя, Василий! Получится самосуд!

– Пусть! – выкрикнул Василий. – Я отвечу! Вот за этого ребёночка, за жену и дочь моих я её расстреляю!

– Нет! – отец Гавриил опять выдвинулся вперёд. – Будет суд над всеми ими! Будет! А сейчас нельзя, сынок, остановись! Сынок, я понимаю твоё горе! Твою скорбь и скорбь матери понимаю! Но вот у апостола Павла написано, что если простишь врага – соберёшь горящие угли на его голову!

– Да как можно такую суку простить! – крикнул тот пожилой мужчина в зимнем пальто, в шапке-ушанке. – Да вы посмотрите на неё! Посмотрите! Она же над нами издевается! Они все за людей нас не считают!

Но Ирма и не думала издеваться над этими людьми.

Они сейчас её казнят. Этого военного не остановишь. Он даст очередь из автомата – и всё.

Ну и пусть.

Сейчас всё её внимание было приковано вот к этому мальчонке, что на руках у матери.

Она видела его лицо. Белое такое. Нет, он не умер.

ТАКОЙ НЕ МОЖЕТ УМЕРЕТЬ!

Чубчик у него беленький.

И вихор.

Она видела этого мальчика!

Но где?

Неужели видела в самом деле?

Она приблизилась к матери на два шага.

Ещё раз внимательно посмотрела на мальчонку.

Вспомнила!

Да, видела, видела его!

Это он!

Потому что и вихор, и лоб, и глаза...

Но почему они закрыты?

ПОЧЕМУ?

Неужели это она их закрыла?

Неужели?

Ведь это...

Она взглянула на русскую мать.

Какие у неё глаза.

И их она как будто тоже видела.

Но не во сне, как своего сыночка, сейчас наяву увиденного. А где-то...

Где?

А, в Вильнюсе, на старой улочке, над воротами висит икона Богоматери... Мама туда её водила... Как же она называется? Да, вспомнила! Богоматерь Остробрамская... Потому так названа, что висит над воротами, которые зовутся Острыми...

Но ведь Она литовская... А эта женщина русская...

Перед Ней молятся о рождении детей... Празднование её как раз в апреле, на Благовещение... Это случайное совпадение?..

Она почувствовала внезапную слабость.

Все силы ушли в один момент.

Ноги подкосились, она упала на колени.

Ну что же этот солдат не стреляет?

Что же он медлит?

Она подняла голову и отыскала взглядом Василия.

Рядом с ним стоял крупного телосложения священник.

И офицер с рукой на перевязи. Они смотрели на неё.

И все люди русские смотрели на эту европейскую женщину, стоящую перед ними на коленях.

**Светлана
КРЮКОВА**

БАБОЧКА НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Пламя осеннего ветра – листва взлетела.
И ты, мой попутный ветер, и попутные птицы,
мы так устали – нас долго держали в неволе.
Вот так идти бы, идти, пока не закончится осень.
У бабочки нет крыльев, лишь ветер и трепет,
бабочки нет! Это лист, сорванный ветром, светотень...

Тихое, даже временем не назовёшь.
Белые камни – альбиносы среди иных камней,
их тела младенчески мягки.
Внутри камня медленные течения снов
сливаются с птичьими голосами.
«Кто я, откуда?..» В памяти только солнце.

К центру Земли
осыпаются стрелки песочных часов,
ветер выводит мелодию песка,
стеклянные звуки – россыпью...
Будут долго водить по пустыне,
пока не полюбишь эти пески,
а как только полюбишь –
отнимут.

-
- Светлана Степановна Крюкова – поэт, эссеист. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор пьесы «Жизнь несовершенного вида» (2016–2017 гг.), стихотворной книги «Интерактивное небо» (2018). Лауреат премии Литературного института им. А. М. Горького «Новые имена – 2019». Лонг-лист Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион», 2020. Стихи, переводы, эссе публиковались в альманахах: «Пятью пять», «День поэзии – XXI век» (2006–2017 гг.), «День поэзии – XXI век» (2018–2019 гг.); «Литературная газета» (2019–2021 гг.); журналах: «Арион» (2010 г.), «Плавучий мост» (2019, 2020, 2022 гг.), «Нижний Новгород» (2021), «Топос» (2013–2021 гг.), «Журнал ПОэтов» (2010 г.), «Улитка» (2017 г.) и др.

КОГДА ЗАПОЁТ ПТИЦА

Вхожу в холодные зеркала, ищу тебя,
но лишь отражения вижу.
Я расчёсываю свои волосы, свои длинные волосы,
тысячи лиц смотрят на меня, мои руки легки.
Тысячи моих лиц смотрят мне вслед,
когда иду к тебе – всё это разные зеркала.
Ходила как вода за тобой, следом ходила,
пока рекой не стала. Гляжусь в речную гладь –
зеркальные нити вплетаются в мои волосы,
золотые корни овивают меня, уносят на запад,
уносят на юг, но всякий раз вздыхаю у той же реки.
Мне бы уйти к тебе и не возвращаться,
следить за медленным течением,
сплетать волосы жгутом и ждать, когда запоёт птица.

ИНОЕ НЕБО

Острроверхие крыши, поросшие мхом,
туи, тяжёлое небо, ветер находит меня и там,
где я говорю с Богом. Слышу, как в чужом доме
выроненная из рук кружка ударилась об пол,
как на далёкой планете сорвался камень с горы,
как ветер шумит в верхушках сосен
на Курильских островах. Изю дня в день
за ускользящим солнцем посреди раскалённого неба
одной-единственной дорогой.
Кто-то рисует нимбы надо мной, кто-то – овалы..
Мне бы донести до тебя эту капельку,
что зовётся душой.

СЕРДЦЕ МОЁ

Прозрачное, как солнце, твоё лицо.
Бабочка казалась невесомой,
пока не ударилась о камень стекла.
Сердце моё – бабочка на стеклянном ветру.

Лети над каменистой землёй,
над горизонтальной поверхностью моря.
Где-то далеко под меренговым¹ солнцем
мечутся зелёные тени трав.

¹ Меренговый – связанный, соотносящийся по значению с существительным меренга – (фр. baiser – поцелуй; фр. meringue – меренга), цвета беже.

ПОТЕРЯННЫЕ ОБЛАКА

Роня лепестки, вечер налегке спускается к морю,
где само время – окаменелость прошлой секунды.
Уплыть на лодке в дали,
где в тёмных глубинах мокнут рыбы,
где глаза старцев вглядываются в бесконечность,
где холодно и зябко, но так близко к небу –
потерянные облака плывут сквозь туманное время,
потерянное время таится в облаках.

Что было болью – стало былью,
пылью стало...
На грани звука и тишины осыпаются
ненужные слова.

Невнятные запахи –
пыль отцвела, и пчела пролетела мимо,
ты коснулся моей руки – а я уже не люблю.

Мяч, брошенный вверх, летит вниз,
холоден день, призрачен... прозрачен.
Слова твои – слова, что в них?
Немного бы раньше.

Ты идёшь, под ногами пепел,
может, ветер его надул?
Дверь на крышу срывается с петель,
затихает уличный гул.

Сам не знаешь, откуда слышишь
эти тихие голоса,
и поёшь на железной крыше
в заколоченные небеса.

Выцветший луг, солнце едва видно...
Обратная сторона холста.
...То, что не стало цветами –
пылью легло под ногами;
то, что не стало музыкой –
растворилось в пустоте.

В сердце моём не было счастья –
это ветер пролетал мимо и задел прядь волос,
это твоя рука коснулась моей –
и стало светло и понятно.
Следить отсутствующим взглядом
за тонко осыпающимися песчинками, думать о нас.
Всеми виной гроза. Сказанное тобой
можно отпустить на волю – это дождь
говорил твоими словами,
это молнии врезались в моё сердце!
Был бы спасением, если бы не был любовью.

Солнце в высоком окне – окно нараспашку,
сонливая кошка караулит пташку,
вдали громыхнуло, темнеет, надвигается дождь,
пора в дом.

Пора бы привыкнуть
к вечернему свету распахнутых окон,
дождю проливному, потокам воды в стёклах,
закрыться давно бы пора – душа нараспашку...

Солнечный залив, каменное плато,
высоко улетает душа!
И тебе пели птицы, солнце глаза слепило.
Когда мне снится снег, летящий с неба,
или ветер – я думаю о тебе.
Этот день был нам обещан, уже слышны твои шаги...
Когда придумаю себя, когда мои сны твоими станут,
настанет время нас.

ЗЕРКАЛО

Боялась зеркал – и напрасно:
всё те же глаза у моих отражений. Непросто
переносить пространство из секунды в секунду,
чтобы не сломалось, не застряло в дверном проёме.
Зеркало старого шкафа хранит в амальгаме
девочку-подростка с золотыми, как осень, глазами.

**Геннадий
КРАСНИКОВ**

НА ПУТИ В НЕВОЗМОЖНОЕ

Когда в поэзии – тем более в нынешней, усреднённой, как всё современное – возникает такое необычное и даже странное явление, как Светлана Крюкова, хочется понять, найти истоки этой необычности и странности.

Это поразительное сочетание в её стихах абсолютных и зримо фактурных реалий мира с прорывом в иные, неведанные и часто непонятные пространства, переводимые автором на незнакомый и новый поэтический язык, который кому-то наверняка покажется вызывающе непоэтическим. Читатель как будто в некоей машине пространства и времени, часто даже в пределах одного и того же стихотворения, перемещается из глубин микромира в безмерность макромира либо, наоборот, из ледяного космоса макромира попадает в плотную ткань микромира.

Столь же стремительно меняется и язык этих пространственных перемещений и переходов, язык, который можно определить блоковским оксюмороном как «жар холодных числ». Её главный приём – метафора, сложный образ. В каждом её верлибре не только спрессованные метафорические ряды, но и логически жёстко выстроенные цепочки смыслов, в которых нет места банальностям и пустотам. Светлана Крюкова постоянно в поиске новых открытий, в её творчестве преобладает рациональное начало, метод исследователя, путём алгебры приближающегося к озарениям поэзии.

Росинка в траве, ещё и ещё.

В каждой – своё солнце – тяжёлое, зрелое.

Иные росинки с привкусом дейтерия, иные – счастья,

а вот в этой подсолнух Винсента,

или туманность Кольцо, или нановселенная...

Не свести к одному Богу моих сомнений.

Мы видим, сколь объёмно и зримо многомерное, словно расширяющаяся Вселенная, пространство этой восьмистрочной миниатюры – от росинки в траве до солнца, от губительной капли дейтерия до счастья, от подсолнуха Ван Гога до туманности Кольцо, от необъятной пространственно-временной бесконеч-

● Геннадий Николаевич Красников – поэт, литературный критик, эссеист, публицист, переводчик; доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького.

ности миров до нановселенной... И над всем этим – переживаемый экзистенциальный трагизм человека, на новом витке истории зеркально повторяющий паскалевскую тревогу и беспокойство: «Не свести к одному Богу моих сомнений».

Тут уместно вспомнить слова Ю. Тынянова, писавшего когда-то о том, что «Хлебников – единственный наш поэт-эпик XX века. Его лирические малые вещи – это тот же почерк бабочки; внезапные, «бесконечные», продолженные вдаль записки, наблюдения, которые войдут в эпос – или сами, или их родственники». Следует признать, что стихи Светланы Крюковой, её «лирические малые вещи» (а она в основном является поэтом малых форм) также «войдут в эпос» нашего века. Удивительная и неясная, но символическая переключка двух таких разных, но в «поэтической системе Лобачевского» (Ю. Тынянов) близких поэтов, двух пересекающихся параллельных.

Так, В. Хлебников пишет:

*Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника.*

В стихотворении С. Крюковой «День бабочек» читаем:

*Вначале они кажутся разными:
торжество индивидуальности и полиморфии,
но вскоре – одним неделимым
гипермногоцветным
интеллектуальным целым.
Циклическая переадресация:
от крыла до крыла один пиксель пустоты.*

Неизвестно, в историческом времени микро- и макромира «один пиксель пустоты» – это много или мало, но, как видим, в поэтической системе от поэта до поэта, как от крыла до крыла бабочки, порою действительно всего «один пиксель пустоты»...

Можно сказать, что стихи С. Крюковой – своего рода поэтическая фантастика, антиутопия, новая мифология современного мира. Импульсы её сюжетов каждый может домысливать и дорисовывать сам, подбирать к ним собственный словарь, как подбирала его эпоха Андрея Вознесенского, называя новых технократических зверей нового времени синхрофазотронами.

Но над всем этим наступающим и радостно приветствуемым будущим атомным апокалипсисом у Вознесенского уже была пророческая трагическая «тьень птицы», быть может, последней птицы на Земле...

Поэзия С. Крюковой афористична и парадоксальна, она стремится к предельной лаконичности, в её стихах от одной до нескольких строк (несмотря на кажущуюся порою эффектную игру слов) сосредоточена серьёзная энергия смысла, интеллектуальных подтекстов, реминисценций, личного опыта, сталкивающихся больших психологических и эмоциональных драм. Вот несколько образцов такой поэзии С. Крюковой: однострочное стихотворение «Космос» – «Глубинное одиночество»; «Хирургическая оплошность» – «Кто-то забыл во мне огонь»; «Будущее» – «Мир без мембран, молитвы на арамейском»; «Время меня меняет – меня нет...»; «Рубленные лица глазами к небу – будто бы издревле, будто бы навсегда... Бог знает,

когда ты перестаёшь молиться»; «Всего-то и нужно было: пройти, порадоваться, возлюбить»...

Иногда строки С. Крюковой завораживают живой разговорной интонацией, словно есть в ней какая-то необъяснимая тайна:

*Экскурсия по древней Земле
имеет коммерческий успех.
Тощая инопланетянка, брезгливо поджав губы,
нарисованные на бесстрастном лице,
направляет указку в нашу сторону:
«Эти двое пожелали остановить мгновение,
посмотрите, что из этого получилось!»*

Но за всеми парадоксами, культурологическими, книжными и земными образами, за всеми гроздьями метафор, за смешением семантических, стилистических и лексических пластов всегда стоит некий знак предупреждения, знак тревоги, по которому проходит метафизическая граница, столь остро осязаемая Светланой Крюковой своим творчеством, словно посылающей человечеству сигнал опасности. Поэт предупреждает:

*Строишь ли ты дом в горах, селишься у вулкана...
Однажды он напомнит свой нрав,
наполнит воздух ужасом, виной – иная реальность.*

И тут снова уместно высказывание Ю. Тынянова о поэтике Хлебникова: «Все поэты, даже частично менявшие семантические системы, бывали объявляемы бессмысленными, а потом становились понятными – не сами по себе, а потому что читатели поднимались на их семантическую систему». Кстати, какой бы непривычной и перегруженной ни казалась поэтика Светланы Крюковой, поэтесса всё-таки не теряет корневой связи с землёй, с первой реальностью, хранящей остатки тепла и человеческой памяти:

*Маленькая родительская вселенная.
Солнце – огненный одуванчик.
Однажды облысеет, станет старым,
однажды умрёт совсем... со всем, что рядом.
В мире замкнутых систем нет места бесконечности.
...Быть большим,
как это небо, это море, пески и ветер.
Ветер обязательно!
И чтобы девочка
в розовом облаке улыбнулась тебе...*

Светлана Крюкова знает, что всё остальное несущественно. Иногда надо возвращаться к «маленькой родительской вселенной» в тёплый мир «замкнутых систем», иначе однажды можно не найти обратной дороги из «иной реальности»...

Безусловно, считаю стихи Светланы Крюковой явлением в нашей поэзии.

Игорь
ГОЛУБЬ

КРАСОТА

ЖИТЬ

Улица Победы продувалась всеми ветрами. Старые низкие домики с черепичными крышами ползли по ней до спуска к реке и водонапорной башни, дальше была уже окраина городка с типовыми пятиэтажками.

Семёновна очень любила свой дом. Конечно, его не ремонтировали с послевоенного времени, черепица уже местами готовилась сыпаться на асфальтированную дорожку или утоптаный грунт двора, где стоял перекошенный сарайчик. Но каждый угол дома был ею любим. И хоть годы брали своё, она по субботам делала традиционную уборку, шаркая старыми тапками по оранжевому полу, переставляя белое ведро, полное воды, по всем комнатам. Ну а потом присядет на диван, застеленный полосатым покрывалом, выдохнет, посмотрит довольно в окно. Или уставится на портрет мужа, который уже пять лет как преставился, и скажет дрожащим голосом: «Видишь, дед, как чисто у нас, дом наш ещё долго простоит, видит Боженька!».

И дом стоял, радовал старую хозяйку. Под окнами постоянно вертелась ребятя из соседнего высокого старинного особняка, что через дорогу, детский смех очень радовал Семёновну. Собрётся нехотя в магазин да на рынок за свёклой или капустой, возвращается домой, а ребята на велосипедах несутся мимо. «Ух, чертята!» – выкрикнет Семёновна, а у самой на душе светло, вот она, жизнь, городок живёт. И большие липы под порывами ветра кивают ей вслед, идущей к родному порогу.

А тут и Вероника Николаевна из управляющей компании в гости зашла. Не нравилось это Семёновне, ой как не нравилось: всё говорила гостья, что дому нужен ремонт. «Знаю я вас, ничего хорошего не сделаете, ироды! – голосила хозяйка и недоважно постукивала ногой по полу, сидя в любимом кресле у окна. – Черепицу мою всю побьёте, положите абы что взамен,

-
- Игорь Владимирович Голубь родился в 1984 году. Поэт, прозаик, член Союза писателей России. Редактор всероссийского молодёжного литературного журнала «Веретено», составитель антологии молодёжной поэзии России «111» (2020). Автор семи поэтических сборников (2014–2022), сборников рассказов «Жить» (2020) и «Волна» (2021). Публиковался в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «Волга–XXI век», «Наш современник», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Симбирск», альманахах «Образ», «Молодой Петербург», «Арина», «Кострома», «Тамбовский альманах». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018). Живёт в Калининграде.

ваты своей на фасад наклеите, а я потом летом помирать от жары тут буду! Ничего, дом мой ещё вас переживёт, внуки вон сюда с радостью приезжают». Вероника Николаевна злилась, нервничала, но уже давно не пыталась спорить с Семёновной, та её и слушать не хотела. Но в доме и вправду была небольшая трещина, крыша прохудилась местами, штукатурка облетала – как же такое не заметить. Работу свою она любила, вот и ходила в надежде, что пожилая женщина одумается, примет другое решение. Семёновна была непреклонна.

Посидит у окна пару часов, почитает свежие новости городка в тоненькой местной газетёнке, а потом пошаркает на рынок возле автовокзала, там и свежие петрушка с укропом, и плотву у рыбаков можно купить свежую, только в реке, поди, выловили, пожарит дома – мелочь, а радостно. Или возьмёт вечером томик Достоевского – любил дед читать его книги, – полистает, головой помотает, тяжело вздохнёт и положит книгу на подоконник. Одиноко ей, внуки-то приезжают, да редко, скучно им в маленьком городке, всё норовят в областной центр вернуться поскорее, к делам, к суете. Дочь Люда так вообще только пару раз в год навестит, и то бубнит постоянно, мол, деревня, хорошо, что уехали отсюда.

Так и жила Семёновна размеренно, с разочарованиями и маленькими радостями, как все жила. Жить-то надо, одна она, жизнь. Иногда ходила на кладбище к деду бороться с травой, тяпку возьмёт, поворчит, а потом посмотрит на плиту, слёзы вытрет платочком и подумает, что, хоть и морщины совсем лицо съели, рано ей ещё сюда. Дед, поди, ждёт, а рано. Подует свежий ветер с реки, огромные деревья заскрипят, где-то в кроне птица мелкая запоёт – жизнь она такая, всюду она, в каждой детали, в каждом движении.

А у двери снова будет ждать Вероника Николаевна, нет-нет да зайдёт снова, заглянет. Но в эту пятницу пришла она с дурными новостями – сносить дом будут. Боятся власти, что рухнет он, а им потом отвечать. А Семёновну переселят в новый дом, квартиру хорошую дадут – светлую, большую.

Разозлило это старую женщину больше прежнего, махнула рукой стогрыча: «Иди отсюда! Да передай своим умникам, что дом не отдам никому! Я тут всю жизнь прожила, здесь и Богу душу отдам. – Семёновна сделала угрожающий шаг навстречу Веронике Николаевне и сморщила брови так, что глаз почти не было видно. – Иди-иди!».

Обсуждали этот вопрос потом в управляющей компании, даже мэру звонили, да так и решили, что поднимут его позже. В который раз так решали, больно уж Семёновну уважали все в городке: она и войну в окопах провела, солдат сколько раненых спасла. Потому и название родной улицы для неё было не просто названием – она салют победный помнила, да и лица тех солдат, которых тащила в медсанбат, помнила хорошо. Святое это дело – Победа, вон внуки ленточек на праздник себе привяжут на сумку и ходят, а она носила под сердцем эту ленту, глубоко носила.

Но не всегда на улице было спокойно, порой местные парни шумели, выпьют водки и кричат, что им, окаянным, горло-то лужёное. Гоняла их Семёновна. Возьмёт палку и машет ей, поднять уже над головой не может, годы не те, а всё же характер есть. Парни смеялись, конечно, но стариков уважать мать их учила, вставали со скамейки во дворе и шли прочь, к реке, там и продолжали.

Но всё чаще уезжали молодые из городка, всё больше пьющая молодёжь оставалась тут. Намедни на Советской старый дом сгорел почти дотла, даже тушить не стал никто, пьющие муж с женой выскочить успели – про-

снулись вовремя. Сколько вещей в том пожаре сгорело! Бояться стала Семёновна, что подожгут её дом, волновала её эта мысль и не давала покоя. То к одному окну подойдёт, что во двор, посмотрит на сарай, то к другому, что на дорогу, – машина пронесётся мимо, собака залает, фонари к вечеру зажгутся... Успокоится немного старая женщина, сядет в кресло, выдохнет и уснёт. Часто она засыпала в кресле, хоть уже и спина болела люто, а что уж там, у старого человека времени на отдых много. Огород давно она продала за копейки – после смерти деда сил работать там не было уже. В магазин сходить да с соседкой новости обсудить – а и незачем на улицу больше ходить, разве что иногда вот на кладбище, к деду.

Так и шла жизнь. На выходные собралась приехать дочка с внуками, оставаться с ночёвкой не захотела – холодно, мол, в комнате. То ли дело в городе – все удобства, трёхкомнатная квартира, вид из окна на весь квартал. Семёновна не стала перечить, внуков обняла, чай поставила с вареньем малиновым, внуки – Колька и Димка – любили на батон его мазать поверх масла, ели так, что за ушами трещало. Они и добавку просили, ей на радость.

Вечером, когда мальчики уже одевались, чтобы спуститься на улицу и сесть в машину, Семёновна решила поговорить с дочкой. Люда не была рада задержке, переминалась с ноги на ногу недовольно, но встала в дверях и слушала мать. Семёновна решила, что надо старый дом оставить внукам. Чтобы приезжали сюда, на реку ходили, на велосипедах катались, в лес вон за грибами или за брусникой, леса-то богатые! Люда слушала и косилась на портрет деда, вздыхала громко, а потом резко выронила: «Нет, мам, ты меня прости, но дом мы продавать будем!». Сказала – как отрезала. «Ты подожди, меня, что, хоронить вздумала? – в недоумении крикнула Семёновна. – Я пока ещё жива! Ты вон как та настырная Николаевна из управляющей компании. Не дам я дом продавать, поняла?!» Последние слова Семёновна выкрикнула хриплым голосом. Люда фыркнула и вышла на улицу. Так и висело в коридоре гробовое молчание. Семёновна ещё долго смотрела на дверь, понимая, что не скоро дочь приедет снова, внуков теперь видеть реже будет. Плохо ей на душе стало, мутно, уселась в кресло, платок в руках сжала, вытирая частые слёзы.

За окном густели сумерки. Шумные дети убежали по домам с площадки, которая находилась как раз за старым сараем. Улица медленно засыпала, погружалась в привычный тихий весенний полумрак. Заснула и Семёновна в любимом кресле. Снилось ей, что дед в гости пришёл, на кухне снова началась радостная возня, на сковородке трещала яичница, чайник зашипел. Жизнь, такая пёстрая и разная, снилась ей.

А утром снова пришла Вероника Николаевна обсуждать снос дома. Звонила в дверь долго и настырно, но никто не открыл. Только лестница поскрипывала под ногами Вероники Николаевны, будто всхлипывая. Дом – он ведь тоже живёт. Бывает, что радость в нём, а бывает, что слёзы.

МОЛЧАНИЕ

Мама молчала. В полупустом автобусе было жарко и даже душно, кондуктор неохотно вставала обилечивать пассажиров, а потом возвращалась на свой обшарпанный трон и украдкой наблюдала за водителем.

Артур смотрел в окно старого автобуса, оно было мутным, но всё же меняющиеся картинки не могли не казаться мальчику маленьким волшеб-

ством. Вот фонтан у театра, с модными парнями и хохочущими девчонками, а вот и мэрия, серая и невзрачная. Люди на остановке о чём-то шепчутся, иногда ругаются, топчутся на месте. Магазин «Океан», в нём всегда свежая скумбрия, лучшая в городе, на секунду Артуру даже показалось, что он чувствует запах копчёной рыбы...

Артур повернул голову и снова глянул на маму. Та угрюмо и безразлично смотрела в окно, как будто мальчика и не было рядом. Полчаса назад, дома, они с мамой в очередной раз поссорились, но Артур совершенно не понимал причину маминой злости и всё больше расстраивался. «Я отвезу тебя в детдом!» – крикнула она ему и стала швырять на диван его вещи, спешно выдернутые из шкафа. Каждую минуту вся эта странная и даже страшная сцена ссоры становилась для Артура менее понятной, она словно размывалась волной мыслей. Что скажет папа? Он сейчас в порту, уставший, как всегда, разгружает на погрузчике корабль из Перу или Китая, наверно. Неужели он согласен, чтобы его сына увезли в такое страшное место? Артур и не понимал до конца, что это за место и что его там ждёт, знал только, что оно находится в Исаково. Совсем недалеко оттуда у бабушки была дача, он не раз ловил карасей в маленьком местном пруду, любил огромные тополя, словно вколоченные в землю у кирпичной школы. Но сейчас всё больше в его голове роились мысли, проносились по кругу, как на рулетке, давили на него всё суровее. Постепенно проползающие за окном деревья и магазинчики перестали волновать Артура, он смотрел вниз, на мамины туфли, подкатывали слёзы, руки начали дрожать.

Мама молчала. Она взяла сумку и стала там что-то искать, долго копалась в ней, но так ничего и не достала оттуда. Потом снова отвернулась к окну и тяжело вздохнула. Неужели всё так и случится? Может, это вообще кошмарный сон и нужно поскорее проснуться?! Артур ущипнул себя за руку и понял, что не спит.

Автобус № 101 выехал на окружную дорогу, обсаженную с обеих сторон невысокими липами, и ускорил свой бег. 101 – какая красивая цифра, даже если её прочитать с обратной стороны, выйдет тоже 101. Всё казалось Артуру сейчас странным и неправильным, каждая мелочь обрела краски и глубину, потому что была поводом уйти от пугающей, страшной пустоты, ждущей его впереди. Справа замаячил форт, он быстро остался позади, совсем скоро автобус должен был приехать в Исаково. Поплыли дачные домики с шиферными крышами, а вот и та самая кирпичная школа, прячущаяся за тополиными спинами. Автобус повернул направо. Всё внутри Артура словно сплющилось, было тяжело дышать, ноги стали ватными. Он всё чаще косился на маму, которая наконец бросила на сына злой взгляд. Долгая дорога унесла её мысли очень далеко, она и сама, кажется, не понимала, зачем автобус привёз их сюда, на самую окраину города.

Вот 101-й остановился, ржавые местами двери с грохотом открылись, мама схватила Артура за руку и повела за собой на улицу. Слова метались в голове мальчика, превращались в комья, он вздрагивал и пытался вдохнуть глубже, но не получалось. «Ма-а-ама, мам, не надо! Я не хочу туда», – наконец выронил мальчик и почувствовал, как по его лицу градом покатились слёзы ужаса и обиды. Мать уверенно вела сына вдоль дороги, казалось, она старалась найти подходящие слова, но в этой ситуации таких слов быть словно не могло. «Так тебе и надо, выродок, хватит реветь!» – последние слова она выкрикнула с редкой и пугающей злобой. Артур попытался вырваться, стал дёргать её руку и всё больше плакал, буквально захлёбываясь слезами. «Мама-а-а, не на-а-а-до!». Слова закончились, Артур почувство-

вал, что готов вырваться и убежать от неё, даже ударить, если нужно, но он ни за что не пойдёт в детдом. Ни за что!

Когда они дошли до поворота, мать резко остановилась и повела сына к пешеходному переходу. А потом внезапно повернула к автобусной остановке. Артур уже слабо понимал, что происходит и что его ждёт. На улице было по-июньски жарко, но на лице мальчика выступил холодный пот, ноги перестали слушаться. Он просто смотрел под ноги и всхлипывал. 101-й вернулся с автобусного кольца и открыл со знакомым грохотом старые двери. Мать затащила сына в автобус, они снова сели у окна. Неужели всё кончилось? Они едут домой, кажется...

Мама молчала. Артур почти не дышал, боялся проронить даже короткое слово, спугнуть этот момент, подаривший ему дорогу домой. Снова тополя за окном, потом липы и огромный форт. Те же картинки, которые Артур помнил с самого раннего возраста. Но всё казалось ему уже совсем другим – холодным, чужим, неестественным и бессмысленным. Артур посмотрел на маму. Она была такой же холодной, как и весь этот город, весь мир, плывущий за окном. Молчание висело в воздухе, как воздушный шарик, который вот-вот должен был лопнуть, задев острый угол одной из автобусных полок. Но оно не прерывалось. И хорошо. Зачем нужны слова, если они могут делать так больно.

КРАСОТА

Майор Самойлов весь был как натянутая струна. Весь он лоснился и блестел – от идеально вычищенных сапог до звёздочек на погонах. День обещал быть томным, рядовые попеременно скользили по казарме, не забывая отдать майору воинское приветствие и сделать умный вид (Самойлов особенно ценил в солдатах острый ум и любовь к Родине). Отцовские чувства по отношению к этим зелёным пацанам у него иногда просыпались, но быстро утихали, ведь дома ждала родная дочь, Катенька – у неё аккурат сегодня было пятнадцатилетие.

Старые казармы стояли прямоугольниками по три – напротив друг друга, через огромный плац, и если по левой стороне в трёх казармах располагались военные части, то напротив жили офицеры и прапорщики с семьями. Майор давно развёлся с женой и методично старался её не вспоминать, иногда природа даёт сбой, и материнские чувства в женщине не проявляются – вот и с матерью Кати так вышло: уже три года семья её не видела и ничего о ней не слышала. Катенька смирилась с этим, перенесла, выдохнула и стала упрямо брать пример с отца. А отец во всём старался быть офицером и даже в минуты слабости и грусти вытягивался в струну, поднимал голову вверх, поглаживал подбородок, вытягивал кончиками пальцев в стороны породистые чёрные усы и становился монолитом – никаких сантиментов! Катя смотрела на отца и улыбалась, в такие моменты он казался ей немного смешным, но ещё более родным. И всё же в ней неутомимо и стойко пробивалась красота – неоспоримая и неосторожная. Сдержанность в себе порыв у девушки не получалось – то наденет короткую юбку и пройдёт по краю плаца, дразня солдат, то прозрачную блузочку – словно назло отцу. Бывало, соберёт на плацу майор личный состав – а мимо дефилирует Катя, и у солдат равнение налево выходит само собой.

Так и жила семья Самойловых – маленькая, но с характером. А майор готовился к скромному юбилею единственного родного человека – он выгля-

дел как новенький рубль, во всём его образе сегодня не могло быть даже самой мелкой ошибки, всё максимально приближено к идеалу. Конечно, Самойлов уже всё рассчитал по секундам – сразу после наряда он мгновенно рванёт на автобусное кольцо, расположенное прямо за казармами-общежитиями, и купит дочери лучший букет, лучший – иначе быть не может. Миниатюрную музыкальную шкатулку он ей купил уже неделю назад, носил с собой, потому что в их крайне тесной квартире такой подарок можно было обнаружить очень быстро, и только ночью, посреди наряда, когда весь личный состав роты спал, а дневальный мыл полы в спортзале, он на несколько секунд ставил шкатулку на колено и слушал музыку Дебюсси. Потом резко, но аккуратно закрывал крышечку, убирал подарок в ящик и довольно улыбался.

К вечеру погода бессовестно испортилась, тучи затянули всё небо, и плац довольно скоро собрал коллекцию луж. Майор сдал пост дежурного по части капитану Ермакову и уже через десять минут был у двери общежития с огромным букетом белых роз и шкатулкой. Катя себе не изменила – всё в ней источало праздник, всё цвело и полыхало. И хотя она решила порадовать отца и оделась относительно скромно, брови майора совершили скачок вверх. Говорить офицер красиво не умел, всегда предпочитал лаконичность, но речь подготовил заранее, от души, поместил в неё все самые тёплые слова, что мог. Катя была растрогана и поставила шкатулку на любимую тумбочку у окна. Майор был довольным и важным. Однако после праздничного ужина Катя решила сообщить отцу новость, которую он никак не мог одобрить, хотя и вынужден был – дочь планировала на следующий день отдохнуть с одноклассниками. К последним майор относился с неприкрытым пренебрежением: так уж вышло, что подобные вечеринки заканчивались нередко проблемами с алкоголем и драками. Самойлов чесал затылок, ёрзал на старом диване, возле которого был поставлен праздничный журнальный столик, и в итоге кивнул, дав своё вынужденное согласие.

Утром он ушёл в роту хмурым и невыспавшимся, внутри него нарастало комом беспокойство, почти материнское, Самойлов уже принял для себя решение учиться смотреть на дочку глазами матери, заменяя её в этой сложной роли... Он впервые за последнее время шёл в казарму в таком состоянии, опустив глаза, дышал словно через раз, не замечая отдающих ему воинское приветствие сержантов из зенитно-ракетной бригады, курсирующих вдоль здания в сторону КПП.

Ну а Катя оставалась собой: чёрная мини-юбка, белоснежная блузка, русые волосы, роскошно текущие по плечам – всем видом дочка майора источала праздник и женственность. Она оставила, как и обещала отцу, на столике записку с адресом места на соседней улице, где её ждут приятели, и спешно ушла.

Весь день у майора всё валилось из рук. Он упорно находил себе дело, чтобы отвлечься, впервые в жизни покидал надолго кабинет, давал поручения солдатам командно-технического узла и стоял рядом, стараясь уйти в процесс, забыть. Солдаты нервничали, дело не шло, им казалось, что и без того дотошный майор, ставящий Устав превыше всего, ищет, к чему придраться. Но Самойлов смотрел почти в пустоту, будто искал глазами выход из своего состояния. Потом он бродил по казармам – то у окна застынет, наблюдая за несущимися по брусчатке машинами за КПП, то в курилку заглянет – для проформы, а вдруг беспорядок, то примется рассказывать дневальному, как правильно подшиваться. Даже боевой капитан Ермаков, которого очень любили солдаты за искромётный юмор и рвущие душу рас-

сказы о войне, косился на майора и не понимал, что с ним творится, почему он настолько оторван от реальности.

Вечер упал на город нехотя, с отяжкой, стояла духота. Над плацем летали крикливые чайки, на турниках шумел спорт – новичков из третьей казармы, будущих спецназовцев, практически дрессировал бывалый лейтенант. Они старались, как могли, отдавали все силы, но всё равно выглядели как плотва на сушке.

Майор торопился домой как никогда и, когда вернулся, дочку не обнаружил. Он тяжело вздохнул, замаялся и, потоптавшись в прихожей, разулся и сел на диван. Всё было согласно привычному распорядку дня – разогреть суп, любимый, гороховый, с заботой приготовленный дочкой, привести в идеальное состояние офицерскую форму, включить телевизор и найти там старый советский фильм – эти фильмы майор обожал с детства и никогда не пропускал. Но сегодня любое дело казалось Самойлову каким-то пустым... За окном стемнело, стояла густая и зловещая тишина, единственный фонарь, прятанный за углом казармы, светил будто нехотя. Майор не находил себе места, потом собрался и вышел на улицу. Ни на плацу, ни у соседних казарм не было ни души, все словно сговорились сегодня, привычная вечерняя суэта уступила место странному затишью. Ветра не было, липы стояли в рядок, и запах страдающей от дневной жары, ещё нагретой листвы витал в воздухе.

Самойлов всё больше нервничал, но понимал, что офицерская выдержка – лучшее, что он может в этой ситуации. 15 лет – дело такое, дочка выросла на глазах, и воспитывал он её строго, надо же хоть иногда дать ей спокойно порадоваться жизни! Но внутри всё больше росла тревога. Майор не привык расходиться на подобное и сейчас был уверен, что интуиция не может его подводить. Решение он принял мгновенно – вернулся домой, схватил бумажку с адресом и широкими, нескладными шагами пошёл на соседнюю улицу, к типовой пятиэтажке, их на автобусном кольце было не меньше дюжины. Район он знал наизусть, найти нужный подъезд было делом опыта.

Дверь была подпёрта камнем – видимо, подъезд проветривали жильцы первых этажей, в такую жару это было не удивительно. Майор молниеносно нашёл квартиру на третьем этаже, она единственная оказалась без номера, и кнопка звонка выдала протяжный полугудок. У двери он стоял буквально пару секунд, за ней была отчётливо слышна музыка, но сейчас она оборвалась, и воцарилась мёртвая тишина. Майор был уверен, что Катя там, дышать становилось всё трудней, на лице выступил холодный пот. Дверь никто не открывал. Самойлов нажал кнопку ещё дважды, за дверью были слышны шорохи, но ситуация не менялась. Тогда Самойлов в непривычной для него манере с силой постучал кулаком в дверь – сделал он это по-офицерски, настойчиво и жёстко. Звук был настолько мощным, что дверь содрогнулась. Очевидно, за дверью поняли, что нужно решать ситуацию, и её открыл высокий тощий блондин, явно выпивший, с немного косыми глазами, он старался выглядеть старше и серьёзнее, но в итоге процедил только пару слов: «Вам что?». Майор вытянулся в струну, как и всегда, на нём была офицерская форма, вид у него был грозный: «Я пришёл за дочерью, Екатериной. Позови её». Слова он отчеканил так, что о них можно было порезаться. Парень застыл как вкопанный, явно не зная, как поступить. Самойлова это только больше злило, он сделал уверенный шаг вперёд, жёстко подвинув плечом блондина, и громко выкрикнул: «Катя!». Внутри него всё клокотало, страх за дочь заглушал даже злость. Из соседней комнаты раздался слабый голос дочери, глухой и странный. Никогда майор не чувствовал в себе такую уверенность, он не сомневался ни в одном движении, ни в одном слове. Но уви-

денное повергло в шок даже его, бывалого офицера, потомственного командира, ставящего смелость и решимость выше многих добродетелей.

В комнате находились два парня, оба растерянные и всклокоченные, Катя сидела у батареи, вжимаясь всем телом в железо, в глазах её был почти животный страх, видно было, что она пытается собрать себя в кулак, смелость офицерской дочери мешалась со слабостью пьяного подростка и ужасом от происходящего. Самойлов опустил взгляд на ноги дочери – это не могло не броситься в глаза: на ногах были редкие, но заметные ссадины, блузка была порвана в двух местах. Катя собрала в себе все свои силы и, заорав: «Папа!» – рванула к нему, но ноги тут же подкосились, и она рухнула на грязный оранжевый пол. Майор в очередной раз не медлил и принял решение быстро поднять её и удалиться из этого места. Но вдруг сзади на него бросился тот самый блондин. Всё произошло очень быстро, оба парня в комнате напали на майора спереди. Катя с трудом успела из последних сил схватить одного из них за лодыжку, и тот не успел кинуться на майора. Самойлов был человеком крепким, хоть и довольно худощавым, а сейчас на кону стояла уже не офицерская честь – честь его дочери. И с той же силой, что он только что стучал в дверь, майор рубанул набегавшего спереди. На спине всё ещё дёргался пьяный блондин. Самойлов собрался с силами и перебросил его через плечо. За считанные секунды перед глазами офицера пронеслось очень многое: вспомнил он и капитана Ермакова, получившего ранение в Чечне – а ведь сам он, при всей выправке, только следил годами за сохранностью техники и чистотой казармы. Пожалуй, именно сейчас майор принял свой настоящий бой. Только его Родиной была маленькая, неуклюжая девчонка, ревущая на полу... Самойлов отбилсь, дрожащей рукой поправил форму, выпрямился, как и полагается настоящему офицеру, поднял дочь на руки и вынес её из этого омерзительного места.

Улица выглядела всё такой же мёртвой и глухой, фонари скупо раздавали свет. Катя попросила отца отпустить её и, немного качаясь, вжалась своей маленькой головой в отцовскую грудь. Самойлов снял с себя китель, аккуратно надел на дочку, и они молча пошли к дому. Слёз у Кати становилось всё меньше, она очень старалась взять себя в руки, но на всякий случай держала отца за край рукава, как в раннем детстве. Всё в глубине её тела пульсировало и ныло, но она сжимала в левой руке отцовскую звёздочку, оторванную в драке с погона и подобранную с пола, – пропажу которой майор ещё не заметил, – и тихо, через последние накатывающие слёзы улыбалась.

**Ксения
ВАЩЕНКО**

ВЕСНОЮ РАДОСТИ ПРОСТЫ...

ПРО ЛУНУ И ТРАВУ

1

Неспящий август маленькую ночь,
Как будто сердце, золотом окутал.
И мне легко и весело одной
Идти и видеть звёзд неясный купол.
И я иду, а рядом чьи-то сны
Мелькают, словно на экране титры.
И только нежный краешек луны
Лежит, как неживой, в небесном тигле.

2

Луна смотрит сверху и видит лютики,
Ромашки, васильки, зверобой,
Одуванчики, колокольчики. Люди – как
Будто бы мы с тобой –
Спешат по траве в ночи, им, красивым,
Хватит любви сполна.
Только глупости делают их счастливыми.
А нас?

-
- Ксения Адреевна Ващенко – председатель Волгоградского отделения Российского союза профессиональных литераторов, член Союза писателей России, автор четырёх книг «Письмо незнакомцу» (2020), «Колыбельные для Евы» (2019), «Солнечный оберег» (2012), «Сны в траве» (2012). Лауреат литературной премии имени Маргариты Агашиной (2012), трижды участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках (2019, 2020, 2021), участник конференции Союза писателей России (2021). Руководитель волгоградского литературного проекта «ВСЛУХ». Книга стихотворений «Колыбельные для Евы» награждена специальным призом «За музыкальность стиха» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» в 2020 году. Книга стихотворений «Письмо незнакомцу» признана экспертами как одна из лучших 14 поэтических книг и приняла участие в конференции Союза писателей России в рамках IV Всероссийского совещания молодых литераторов в 2021 году, стала лауреатом Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» в 2021 году.

3

Бог показал сновидцу простой сюжет,
В котором ни времени, ни героя, только действующее лицо.
Только луна качается и дрожит –
Отражённое в чёрной реке сияющее кольцо.

И если идти сквозь летние месяцы,
Какие-то травы стелются у его ног,
И нет имени у молчания, как нет имени у травы.
Закроет глаза – а внутри темно, откроет – снаружи ночь.
И только огонь, разливающийся в крови,

Удерживает от того, чтобы оступиться –
Иначе ночь проглотит его, даже не жуя,
И ничего не останется от сновидца:
Пустоцвет тела, волосы, чешуя.

НИЧЕГО

1

Дерево, шелестящее о былом,
Божья коровка, летящая к облакам.
Боженька, ты стоишь над моим столом,
И струится радуга как река.
Если есть счастье чище, то дай его
Тенью, упавшей от тихих, простых вещей.
А пока, кроме дерева, ничего.
Никакого будущего вообще.

2

Сияет красота везде,
И смерть дрожит, и жизнь.
Скажи мне, для чего я здесь
Такая, без души.

Песчаный край, прощальный свет,
Печальная вода.
Смотрю, безмолвная, вослед
Всем уходящим вдаль.

Напомни, для чего я тут
Сжимаю жизнь в руке.
Когда-нибудь и я уйду,
Как лодка по реке.

И станет память обо мне
Водою ключевой,
И зашумит трава над ней,
Не зная ничего.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Спала, и длился сон, пока
Была бескрыла,
Как будто чёрная рука
Глаза закрыла,

Как будто мир осиротел,
И стало немо,
И стало стыло, и в постель
Упало небо.

Спала и в чёрной пустоте
Во сне блуждала,
Склонялась головой к воде
Среди пожара.

И сколько поменяла тел,
Как одеянье,
И скольких видела людей
У одеяла.

И сыпался не снег – зола
На лоб и щёки.
Как сладко, крепко я спала
Под шум трещотки,

Под рокот города во мгле,
Под бой, под трубы.
И не было на всей земле
Такой же глупой.

БЕЛОЕ

1

Перина снега, мягкая земля.
Зима выходит в чёрные поля,
Как птица, замирает, снег сминает
За миг до смерти, выстрела, золы.
И все слова, что стали нам малы,
Вдруг вспоминает.
И ей бы лечь под белую картечь
И позабыть и суету, и речь,
И речку, по которой сны уплыли,
Как облака. Мерещится во сне:
Так много одиночества во мне,
Тоски и пыли...

2

Я выйду в зиму, в белый свет вокруг
Из темноты, из дома, из игры,
Споткнусь и птицу выпущу из рук
За миг до смерти, выстрела, золы.
И станет тихо, и с небес, дрожа,
Безмолвный, нежный спустится снежок,
А птицею окажется душа.

И мягко ей в земле,
И хорошо.

МУЗЫКА

1

Как будто ничего не происходит:
Лишь яблоко, упавшее в ладонь,
Лишь музыка, звучащая на входе
В небесный сад, в сияющий огонь,
Лишь облако, застывшее над домом –
Такая мелочь, глупость, пустяки.
Как мало нужно, чтобы быть огромным
И не бояться смерти и тоски.

2

Птица, птица, облако в полёте,
Выживете – песенку споёте,
А умрёте – встанет тишина
Во саду цветущем, в огороде,
На крыльце, у тёмного окна.

В тишине неясной, нелюдимой
Сколько смерти, проходящей мимо,
Что не остаётся ничего –
Лишь запеть о той невыносимой,
Сладкой, недоступной, ключевой,

Безграничной, выдуманной, вроде
Близкой, но несбыточной свободе.
И сквозь боль, терновник без причин
Вдруг заметить – солнышко восходит,
Вдруг услышать – музыка звучит...

Весною радости просты,
Светлы не менее.
Мне – выйти из дому, пройти,
Услышать пение

Какой-то птицы в тополях,
Подумать: «Ветрено».
И след мой чёрная земля
Обнимет медленно.

Свобода, лёгкая как дым,
Спасёт, погубит ли?
Меня запомнят молодым,
Живым как будто бы.

Простая радость: птице петь,
И небо синее.
И жизнь прекрасная, и смерть
Невыносимая.

Сергей
ПЫЛЁВ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА АНТРЕСОЛЯХ?

Повесть

Человек по своей природе политическое животное.

Аристотель

После короткого утреннего общения на лестничной площадке с новым соседом Аркадием (то ли айтишником, то ли неким менеджером) Игорь Юрьевич Лепендин отчётливо почувствовал нарастающее раздражение.

– Если вы собрались ехать в центр, хочу вас предупредить: там сегодня опять будет демонстрация сторонников Насыпного! – первым бойко заговорил молодой человек.

– Я далеко не его поборник... – сухо, сурово отозвался Игорь Юрьевич.

– Нисколько не сомневаюсь! Это у вас на лице ясней ясно написано! – разоблачающе объявил Аркадий. – Но независимо от ваших верноподданнических взглядов транспорт в центр и обратно всё равно будет ходить с перебоями. А некоторые маршруты городские власти и вовсе временно отменяют. Чтобы хитроумно минимизировать масштабы народного протеста!

– Так уж и народного?.. – отчуждённо хмыкнул Игорь Юрьевич.

-
- Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году на Украине, в городе Коростень. Окончил филологический факультет ВГУ. Работал электриком-осветителем ТЮЗа, грузчиком, редактором отдела прозы журнала «Подъём», заместителем председателя правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди», редактором газеты ВГАУ «За кадры». Автор 10 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве – «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки» (издательство Сретенского монастыря), «А за окном – человечество». Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Берега», «Север», «Волга–XXI век», «Сура», «Гостиный дворъ», альманахе «Литературная Россия». Член Союза писателей СССР (ныне – России). Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Живёт в Воронеже.

– По крайней мере, его лучших представителей! Само собой, молодых! – гордо объявил Аркадий, которому было разве что лет около тридцати пяти. – Кстати, я на прошлой демонстрации даже шестиклассников видел! Азартные и весёлые, они смело шли навстречу своему счастливому будущему с самодельными транспарантами: «Свободу Насыпному! Политическое старичье на свалку истории!»

– Роддомовских младенцев никто не нёс с такими же лозунгами? – вскинул подбородок Игорь Юрьевич.

Аркадий снисходительно хохотнул.

Само собой, они были людьми разных поколений и, само собой, взглядов. Однако Игорь Юрьевич, пенсионер с десятилетним стажем, бывший учёный секретарь местного филиала государственной библиотеки, всегда придерживался мнения, что истинное понимание смысла жизни если и приходит к человеку, то разве что лет после семидесяти. А тут вдруг впервые столкнулся с очевидным фактом, что этому молодому человеку его, Игоря Юрьевича, заматеревший опыт бытия не только не важен, но даже забавен и, наверное, смешон. Неспроста нынешняя молодёжь завела моду протестно одеваться шиворот-навыворот. Поэтому тридцатипятилетний Аркадий, как какой-нибудь отвязный шестиклассник, был в обвислом чёрном худи с капюшоном, узких жёлтых очках и зауженных донельзя белых штанах, открывающих голые бледные лодыжки; ко всему он носил разноцветные носки. Само собой, на таком дерзком фоне более чем кондово смотрелись длинный тёмно-серый кожаный плащ и классическая фетровая чёрная шляпа Игоря Юрьевича, – ровесники былой моды на товары былой Югославии. В этой одежде он напоминал Аркадию одного из тех членов Политбюро ЦК КПСС, которые на кадрах старой кинохроники поднимались на площадку Мавзолея в партийно-праздничные дни.

– А с какой такой стати вы лично манкируете Насыпным? – снисходительно усмехнулся Аркадий.

– Ни с какой... Просто физиономия его мне не нравится... – глухо отозвался Игорь Юрьевич.

– Значит, вам безразлична судьба России!

– Отнюдь! Мне безразличны настырные самовыдвиженцы в народные вожди, – глухо отозвался Лепендин. – Естественное кадровое продвижение – это когда человек поднимается с годами по ступеням руководящих должностей. А ваш Насыпной объявился как чёрт из табакерки – и подавай ему кресло президента страны.

– Мы ждём перемен! Перемен требуют наши сердца! – радостно пропел Аркадий, чувствуя в себе вдохновенное бурление международных принципов либерально-демократических свобод.

И тут сама собой припомнилась Игорю Юрьевичу из былых времён знаменитая фраза Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

– Послушайте, Аркадий, а что вам в этой жизни важнее всего? – строго напрягся Лепендин. – Вы помните такие слова из песни: «Прежде думай о Родине, а потом о себе»? Как они вам?

– Тупо. Фигня. Я предпочитаю наслаждаться жизнью и хочу покрасить волосы в зелёный цвет! – азартно рассмеялся Аркадий. – А может быть, и пол сменю! Год буду женщиной, потом – снова мужчиной! И опять – женщиной!

Игорю Юрьевичу вдруг захотелось перестать слышать и видеть, чувствовать и обонять. Одним словом, оказаться подальше от этого мира. Обрести своё личное «убежище Монрепо». Скажем, на антресолях в его коридоре,

всегда в детстве так манивших его воображение своими ужасно любопытными тайнами. А что если действительно там среди схронов почти вековой давности его реально ждёт нечто вроде сказочного «золотого ключика» от рая на земле?

В громоздком, величественном облике антресолей всегда чувствовалось что-то мистическое, словно время там загадочно уплотнилось, сделав прошлое и будущее настоящим. Это была самая настоящая кладовая спрессованных временем событий. Неспроста основным материалом антресолей стал практически вечный морёный дуб, имеющий, как известно, густо-чёрный цвет, искрящийся серебристыми прожилками.

На антресолях с незапамятных времён что только не хранилось! Год от года, десятилетие от десятилетия там благодаря его родителям, всегда трудно расставившимся с отжившими предметами быта, накапливалась всякая всячина: скажем, старая посуда, детские игрушки Игорька; там можно было найти действующий ламповый приёмник, ржавые гантели, поломанную ручную мясорубку, старое прохудившееся цинковое корыто, коллекцию значков эпохи СССР и даже зачитанные вдрызг журналы. Там возлежали, словно ожидая свой звёздный час, библиотечные тома Ленина и Маркса, которые Лепендину удалось спасти в ельцинские годы от уничтожения с помощью, как тогда было принято, обыкновенного топора. В общем, много чего на антресолях жило прошлым. Это была настоящая машина времени.

Игорь Юрьевич взволнованно усмехнулся.

Сегодня же вечером, решительно взяв стремянку, нервно пригладив седые, крылато разлетающиеся волосы, он сделал первый шаг навстречу прошлому: включив трофейный немецкий фонарь «Даймон» с ярким, густым лучом, Игорь Юрьевич осторожно просунул голову в душную, захламлённую и запаутиненную атмосферу словно бы спрессованных десятилетий.

«Как же я потом стану отсюда задним ходом пятиться?..» – настороженно подумал он и вдруг замер: в хлётком луче «Даймона» Игорь Юрьевич увидел перед самым своим носом присыпанный полувековой мертвенной пылью журнал «Огонёк» – растрёпанный первый номер давнего 1952 года. Хотя тот был без обложки, но до сих пор хранил остаток особого типографского аромата, присущего цветным иллюстрированным журналам той поры. В скольких избах, хатах, юртах, саклях, армейских казармах, тюремных камерах и, само собой, на домашних стенах «сталинок» и «хрущёвок» висели в своё время радующие глаз цветные «огоньковские» вклады: с портретами Ленина и Сталина, огромным тяжеловесным гербом СССР, похожим на суровую икону нашей планеты, потом же картинами великих художников, среди которых особой народной, солдатской и эковской любовью пользовались иллюстрации типа «Данаи» Рембрандта или «Венеры, рождающейся из пены» Боттичелли!

Игорь Юрьевич напряжённо вздохнул. Можно сказать, что дело чуть было до ностальгической слезы не дошло. Но не дошло.

Перемогся он, отдышавшись.

Чем был тогда журнал «Огонёк» для советского человека? Всем он был. И для пацанёнка Игорька, и для его папки с мамкой, которые, кстати, поначалу брезгливо называли «Огонёк» «чтивом для парикмахерских». За журналами тогда ходить на почту, как сейчас, не надо было: почтальон с гордостью сам приносил их и аккуратно, сосредоточенно раскладывал по железным ящикам на дверях. Какой же это был особый, радостный момент, когда ты вместо привычных ежедневных газет «Правда» и «Известия» вдруг видел через дырочки в дверце почтового ящика наличие в нём очередного журналь-

ного издания, на весь подъезд романтично пахнущего своими красочными страницами! Кстати, папа Игорька, Юрий Михайлович Лепендин, ежегодно по заранее составленному на семейном совете списку торжественно выписывал нужную корреспонденцию на почте: себе, как директору лучшей городской школы, целую кипу журналов – «Партийная жизнь», «Советская педагогика», «Семья и школа», потом же непременно «Вокруг света», а также «Крокодил» с карикатурами на тунеядцев, расхитителей народного добра и злобствующих империалистов. Мама, Татьяна Яковлевна, как заведующая библиотекой гарнизонного Дома офицеров, конечно же, имела служебный доступ ко всем центральным газетам и журналам, однако она не представляла культурный семейный отдых без собственного издания в руках: когда дома, на диване в гостиной, когда в дачном шезлонге под зелёным навесом резных виноградных листьев, а то даже под шёлковым китайским зонтиком на пляже Дома отдыха имени Горького. В такие минуты мама Игорька любила не только читать «Работницу» или «Здоровье», но и делать на их страницах аккуратные, изящные пометки карандашом, а также старательно выписывать в подаренный ей супругом кожаный блокнот взволновавшие её глубокомысленные афоризмы великих людей, мудрые народные пословицы и удивительные кулинарные рецепты.

Само собой, Игорёк от родителей не отставал и жил в том особом счастливом мире, декорациями для которого были его любимые журналы «Пионер», «Костёр», «Мурзилка», «Юный натуралист» и «Юный техник», а когда достаточно подрос – «Техника – молодёжи», «Знание – сила» и коронная «Наука и жизнь». Со свежими номерами он долго не расставался и всюду гордо ходил с ними, заткнув очередное новое издание за школьный ремень с медной бляхой. А самым радостным временем его чтения была, конечно, ночь: да чтобы под одеялом и непременно с лучистым «Даймоном», красный и зелёный светофильтры которого придавали ощущение праздничной сказочности такому его занятию. Жизнь под одеялом нравилась ему своей необычностью и загадочно волновала чем-то неведомым. По крайней мере, именно в этой одеяльной норе случился его первый в жизни поцелуй. Он долго к нему шёл. Как вызревал. Инициативу воспитания половых чувств уверенно взяла на себя её величество Книга, а именно фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». В одну из ночей, как в полусне, заторможенно, будто по чьей-то чужой воле, Игорёк стал медленно приближаться к себе книгу с прекрасной Низой Крит на обложке. Астронавт смотрела на него словно бы с удивлением и тревогой. Игорёк взволнованно зажмурился. Его напряжённые, вмиг высохшие губы наконец порывисто ткнулись в обложку. И ещё раз, радостней, решительней, просто-таки азартно. Это был судорожный первичный приступ пробного, настороженно нарождавшегося желания любить.

«Всё-таки почему «Огонёк» без обложки? – задумался Игорь Юрьевич, глядя на таинственно появившийся из бездны времени журнал. – Допустить, что это я его когда-то порвал, невозможно. «Огонёк» был в нашей семье заглавным изданием. Родители вечно спорили за первенство читать его!» Игорь Юрьевич напрягся, пытаясь мысленно воссоздать переплетение нитей прошлого. Итак, почтальон входит в их подъезд. От этого человека в памяти Лепендина остались большая, на длинной лямке чёрная кожаная сумка, синий берет, а ещё серебрившаяся на груди чеканная медаль «За отвагу»: на ней три быстрых ястребка и непобедимый танк. Почтальон с профессиональной сноровкой быстро, ловко опускает в металлический ящик яркий фасонистый журнал. Это большой глян-

цевый «Огонёк». Этот самый. Мог ли он в ту минуту, скажем, надорвать обложку, а потом сам или родители её скомкали и выбросили? «Нет...» – ответил себе Игорь Юрьевич и вдруг издал губами почти трубный звук: он увидел на сохранившейся второй странице следы от карандаша. И тотчас всё для него стало на свои места. Память живо включилась. Даже с какой-то мстительной точностью: он во всех подробностях вспомнил тогдашнюю историю. Это была нехорошая история. Очень и очень нехорошая. Она вызвала столько панической суеТЫ в их доме. Самый настоящий сумасбродный переполох тогда случился. Ничего подобного в их семье ни раньше, ни позже не происходило. Мама полуобморочно на капала себе валерьянку, отец, судорожно приняв добрую рюмку армянского коньяка, принялся нервно метаться из угла в угол именно с этим «Огоньком» в руке. Тот заполошно трепетал всеми своими большими страницами. Словно порывался выскользнуть и улететь куда подальше от всей этой страшной истории. Кстати, тогда на журнале ещё была обложка. Да, так. Он это точно помнит! И, как у всех номеров «Огонька», обложка была радостная, пафосная и словно лучившаяся на всю страну большим человеческим счастьем. На ней, окрылённые яркой верой в светлое будущее, шагали навстречу коммунистическому завтра двое счастливых, патриотично уверенных в своём счастливом будущем молодых людей: рабочий и колхозница на фоне Красного знамени, торжественно украшенного большим, вернее, гигантским портретом мудрого Сталина. Иосиф Виссарионович, правда, был как бы несколько не похож на себя.

Как только папа и мама это заметили, так сразу их обоих внезапно как хорошим разрядом тока ударило. Прошло несколько напряжённых секунд. У мамы глаза от напряжения или испуга купались в слезах, всё прибывающих: того и гляди – утонут в них. Папа побледнел настолько, что его лицо как бы вовсе исчезло. Он сейчас был в глазах Игорька как всадник без головы, книжку про которого ему недавно с выражением читала мама.

Наконец причина несхожести «огоньковского» Сталина с подлинным ликом вождя объяснилась. Несколько минут назад Игорёшка радостно и вдохновенно пририсовал карандашом Иосифу Виссарионовичу бородку «клинышком». Самую что ни на есть ленинскую. Как видно, Игорёк из разговоров папы и мамы, а также благодаря их не умолкавшему целыми днями ламповому приёмнику «Балтика» проникся единством этих двух вождей мирового пролетариата. Что и озарило его преподнести такой факт зримо, образно. Как осчастливить им всех и вся.

Нет, Игорька не только не отшлёпали, но даже почему-то не ругали, хотя поначалу казалось, что всё именно к этому склоняется по нарастающей. По крайней мере, было очевидно, что папа потерял контроль над своими руками – их дальнейшие действия были непредсказуемы. Однако он каким-то образом превозмог себя и, судорожно покряхтывая, торопливо сжёг в печке с вовсе не пролетарским и не крестьянским названием «буржуйка» злосчастную первую страницу, а сам журнал, такой долгожданный, такой любимый, непрочитанным забросил поглубже на антресоли.

Родители никогда не возвращались к теме ленинской бородки, которой Игорёк щедро наградил лик Иосифа Виссарионовича за четырнадцать месяцев до смерти вождя. Не возвращались они к ней даже после выступления Хрущёва на XX съезде с разоблачением культа личности Сталина. Более того, совсем уже старенькие папа и мама уже после развала СССР и возвращения в Россию капитализма о том случае с «Огоньком» за январь 1952 года ни разу не заговорили. То, что произошло в тот зимний вечер,

более чем глубоко затаилось в безднах их памяти и было там старательно, надёжно замаскировано по всем правилам уникального свойства нашего мозга: уничтожить следы болезненно травмирующих воспоминаний.

Но эта чуть ли не парализовавшая отца и маму ленинская борода, проросшая с помощью изгрызенного карандаша на лице Иосифа Виссарионовича, для трёхлетнего Игорька ничего не переменила. Несмотря ни на что, он тогда весь вечер был безмятежно весел и счастлив.

...Игорь Юрьевич услышал дверной звонок, лёжа в раскорячку на антресолях. Но, правда, далеко не в позе человека с разведёнными руками и ногами со знаменитого рисунка Леонардо Да Винчи. Тело Лепендина отнюдь не имело ни малейшего отношения к знаменитым пропорциям «золотого сечения».

...Звонок продолжал настырно, судорожно верещать.

«Кого же там принесло, так твою перетак?.. – почти гневно подумал Лепендин. – Щас кинусь открывать! Уже разбежался!.. Где мой парашют?»

Он судорожно хихикнул.

Звонок не собирался шутить. Он уже рвал и метал. «А подать, мол, сюда немедленно Ляпкина-Тяпкина!» Этакого-разэтакого!

«Явно какие-нибудь мошенники... – сурово предположил Игорь Юрьевич. – Таскаются по домам, впаривают старикам втридорога всякую никому не нужную белиберду!»

Как бы там ни было, желание продолжить исследование магического чрева антресолей у Лепендина поугло. На такое наглое вторжение банальной жизни в его романтическое погружение в прошлое душа Игоря Юрьевича отреагировала унылым вздохом.

Неуклюже пятясь назад по вековой пыли буквально ватной плотности, он как бы медленно возвращался из «прекрасного далёка» в серый, короткоживущий сегодняшний день. Каждая вещь на антресолях многое поведала ему о зигзагах человеческого существования. Скажем, те же театральные афиши далёких шестидесятых с портретами так восторгавших его маму знаменитых артистов местного драмтеатра – Сергея Попова, Леонида Броневого и Риммы Мануковской. Или оказавшаяся буквально под носом тускло-серая пыльная маска Буратино, которую Игорёк любил надевать на все домашние праздники и разговаривать с родителями и гостями особым «деревянным» голосом. А вон чуть дальше лежит папина английская клинковая опасная бритва с тонким стёршимся лезвием, возле неё – разодранный надвое чёрный томик Ницше, фарфоровая немецкая статуэтка без милой романтической девичьей головки, а вон тускло отсвечивают старой сталью его коньки-ножи, «норвежки», как их тогда называли, далее опрокинулась набок плетёная корзина со старой советской посудой, во главе с мрачной чугунной сковородой. И за всем – своя многозначная история...

Звонок повторился бог весть в какой раз, дерзко вознамерившись в любом случае выудить Игоря Юрьевича из романтично-философских глубин антресолей.

Он строго поморщился, откашлялся и гортанно крикнул:

– Иду же!

Само собой, это «иду же!» прозвучало как добротный мат. Вряд ли иные словесные конструкции уместны, когда ты пятишься неуклюжими рывками, будто тот же рак, оказавшийся в опасности.

Однако, как ни долго спускался Игорь Юрьевич, он наконец достиг-таки входной двери и, судорожно переведя дыхание, потянул её на себя. Кстати, она показалась ему просто чугунной.

– Добрый день... – интеллигентно, чуть ли не заискивающе проговорила не совсем трезвая физиономия Аркадия.

Молодой сосед душевно рассмеялся, даже типа каблуком щёлкнул, но беззвучно, потому что носил кроссовки.

– Шестиклассники меня портвешком угостили для храбрости, когда мы с ними цепочкой с песней двинулись на полицию... – расправив грудь, почти гордо вздохнул Аркадий.

– Какое, однако, завидное у вас единство поколений... А исполняли вы «Марсельезу» или рэп, идя в атаку? – многозначительно проговорил Лепендин, едва не закашлявшись: сказала-таки основательно помявшая грудь вылазка в антресольные глубины.

– Влада Бумагу исполняли! И притом мы несли плакаты и цветы. Всё выглядело с нашей стороны безобидно и даже празднично. Кстати, у меня с собой фронтовые сто грамм! – отчётливо, почти гордо сказал Аркадий. – Можно я войду? Только я не один. Со мной Алина. Разрешите, сэр?

– Вау! – игриво обозначила себя кукольным голоском зелёноволосая Алина.

– Будьте любезны, прошу... – напряжённо, но несколько растерянно улыбнулся Игорь Юрьевич.

Гости по-свойски прошли на кухню. Молодой сосед, озорно упав на диван, победоносно огляделся, явно приготовившись к некоему эпохальному откровению. Алина нежно положила голову ему на колени. Её накачанные филлерами пухлые губы были похожи на жареный румяный бублик.

Игорь Юрьевич, замямвшись, тем не менее в итоге благосклонно достал «Арарат», и они торжественно приняли по рюмке. От второй Аркадий отказался, в отличие от Алины.

Последние десять лет после смерти жены Игорь Юрьевич словно бы не видел вокруг себя женщин. То есть они были в реальности и даже в большом количестве, особенно в его годы работы в библиотеке, но какие-то все фантомные, словно приходящие и уходящие в особый, неведомый мир, изгнавший его самого...

Сейчас Лепендин оказался в достаточно непростом для себя положении. Лицом к лицу с молодой девушкой, как в эту минуту с Алиной, он не был уже несколько десятилетий. Так что ему показалось, что напротив него ни мало ни много улыбается некая инопланетянка... с какого-нибудь Сириуса или Альтаира, а может быть, с Веги?..

– Я шизею!.. – хватко улыбнулась ему Алина и показала язычок.

Игорь Юрьевич болезненно вздрогнул. Как иначе он мог отреагировать на явление в масштабах его «хрущевской» кухни девицы с пирсинговыми шариками и цепочками из хирургической стали на бровях, ноздрях, губах и ушах? Всё остальное место на многочисленных открытых частях тела Алины было занято татушной чёрной и коричневой графикой – а-ля самодельная готика с патологическим уклоном.

– Игорь Юрьевич, как вы считаете, я одет современно?.. – вдруг спросил Аркадий таким голосом, словно от ответа на сей вопрос чуть ли не вся его дальнейшая жизнь зависела. Не исключено, что и планеты Земля в том числе.

Алина задорно расхихикалась.

– Этот вопрос и привёл вас ко мне?.. – по возможности мягко улыбнулся Лепендин.

Настроение у него медленно, со скрипом, но улучшалось. «Арарат»?

– Он только преамбула.

Аркадий вдруг решительно налил себе ещё рюмку, но пить не стал.

– Знаете, школьники, с которыми я на демонстрации познакомился, прямо в лицо мне сказали, будто я нарочно так модно одеваюсь, чтобы войти к ним в доверие. Что я вроде полицейского провокатора и за ними доглядываю. Мол, взрослым ни в чём доверять нельзя! А вот вы с первой встречи произвели на меня впечатление глубокой личности. При всей явной несхожести наших политических взглядов. Вот я и предлагаю нам с вами в следующее воскресенье пойти на демонстрацию вместе. Мне ваше мнение будет очень важно. Кажется, в России наступает новая революционная эра. Мы опять впереди планеты всей! Уже наши дети идут на баррикады! Гавроши великой истории, вперёд!

– Однако... – поморщился Игорь Юрьевич. – До этого, слава Богу, ещё не дошло. И, надеюсь, не дойдёт.

– Не стоит так всё это упрощать, господин консерватор... – умно, строго поморщился Аркадий и махнул рюмку с усердием. – Вы должны увидеть демонстрацию свободных, демократичных людей своими глазами и заценить их взгляды по совести! А не судить нас через призму ручного телевидения или газет, купленных властью на корню! Вам не поздно поддержать нас, молодых, на пути к Великой Истине! – Аркадий радостно, энергично встал и бесшабашно, скорее машинально, не вполне понимая, что делает, хватко выпил подряд ещё две рюмки замечательного «Арарата». – Знаете, о чём я мечтаю? Чтобы каждый человек был сам по себе велик и независим! Будь ты дворник или олигарх. Ни у кого, ни над кем не должно быть ни малейшего превосходства!

– Да вы и бунтарь и романтик в одном флаконе! – строго хмыкнул Игорь Юрьевич. – Эка вон сколько в вас разномастного энтузиазма сошлось! Так и прёт из всех щелей под высоким давлением!

– Мне никто теперь не указ! – ярко, решительно постановил Аркадий. – Так, пойдёте в гущу народную?! Решайтесь! – Он машинально скрипнул зубами. – Пришло время по совести решить, с кем вы?

– Может быть, и решусь... – Игорь Юрьевич смято улыбнулся.

– Итак, в воскресенье, не откладывая! Бодрым шагом! Всем и вся! – вдруг отчаянно победил Аркадий.

Так и казалось, что он сейчас пропоёт что-то вроде: «Наш паровоз, вперёд лети, в Коммуне остановка, другого нет у нас пути – в руках у нас винтовка!». И пропоёт, и притопнет.

– И всё же, видимо, придётся сказать вам нет... Баррикады ещё не возведены, но мы с вами уже сейчас по их разные стороны... – вдруг аккуратно вздохнул Игорь Юрьевич. – Демонстрация – это вовсе не игра. Это выбор жизни. Или вы с народом, со страной, или хотите сломать ей хребет под аплодисменты Запада... Других вариантов бунтарство не предусматривает. А вы пойдёте, Аркашенька, за свои идеи на эшафот? Как те же декабристы на виселицу?

Алина прищурилась и вдруг ловко провела пальчиком по серому лицу Аркадия сверху вниз: ото лба и до подбородка.

– Кису-у-у-ня! – вскрикнула она. – Давайте вместо виселицы в переполох сыграем! Чур, я буду зайчиком!

Игорь Юрьевич нахмурился.

– Ещё древнегреческие мыслители говорили об обречённости человека жить в политическом пространстве. Но они – не падайте со стульев – глубоко ошибались! Я только что спустился со своих антресолей. Там у меня самая настоящая кладовая времени... И знаете, что я там наконец понял? Если кто-

то зовёт вас на протестные шествия, настраивает на драки с полицией и прочее, значит, он вас подло использует. Все эти спартаки, лжедмитрии, робеспьеры, пугачёвы, ленины и нынешние насыпные держат народ за дураков! А кто их самих держит за дураков. Вот такая круговая дурацкая порука.

– Зашквар... – тупо проговорил Аркадий. – А как же высокие идеи? Свобода, равенство, братство?!

– А вы спросите об этом у памятника господину Гильотену... *Liberte, Egalite, Fraternite...* – Лепендин прочмокал эти слова по возможности с парижским густым прононсом. – Когда сии лозунги впервые взвились над головами несчастного человечества? Если память мне не изменяет, 30 июня 1793 года. В дни той самой великой французской революции. Сейчас на дворе 2021 год. Минуло 228 лет. Сколько революций, мятежей, бунтов и восстаний прошло за это время под самыми священными лозунгами! А каков итог? А сколько одураченных голов теперешние робеспьеры и мараты готовы предать отсечению во имя целей неведомого им Хозяина Мира? Кстати, кто оплачивает ваши демонстрации? Ленина финансировали германцы, Троцкого – американцы. Я думаю, что фигуранты поныне не поменялись. Поглядите пристальней, кто поддерживает Насыпного, Тихановскую?.. Кому в горле стоит вернувшийся на круги своя Крым? Наша Победа в Великой Отечественной? Просто-напросто извечно российские недра и земли не давали и не дают покоя многим странам.

– Мы – империя зла! – покаянно взвизгнул Аркадий.

Когда он прощался, на глазах у него были блескучие слёзы.

Алина с неохотой вышла следом за ним, но за порогом, обернувшись, нежно сдула со своих ладоней в сторону Игоря Юрьевича едва ли не целую стайку эротически алых, пухленьких сердечек.

Долго не спалось Лепендину в эту ночь. Но не из-за роя сердечек Алины. Не покидало его томящее ощущение, что он не сказал Аркадию чего-то главного. Эка невидаль – эта пацанская демонстрация... У русского человека вольнолюбие всегда было в крови. Но не преклонение... Да ещё перед иноверцами... Да если всё вспомнить... Нет, даже не ленинскую бородку, пририсованную им «огоньковскому» портрету Иосифа Виссарионовича. А, скажем, копнуть поглубже, когда он впервые держал в руках запрещённую в СССР книжку. Основательно зачитанную, нарочно без обложки, с аккуратно вырезанной ножницами со всех страниц фамилией автора. Такое у тебя было, Аркадий?

И припомнился Игорю Юрьевичу летний Воронеж далёкого тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, подгорная улица Фрунзе и горячая толь крыши сарая с полуразвалившейся голубятней... Там на корточках сидят два послевоенных пацанёнка: он и Митька, его уличный дружок, худющий, исцарапанный, одетый явно в одежонку, до него уже основательно изношенную кем-то из старших братьев. Они только что, азартно споря, толкаясь острыми пацанскими локотками, играли в пристеночку – их медные пятаки ловко, с прищёлком отскакивали от красной кирпичной стены. А сейчас этот ржаво-веснушчатый Митька, выигравший у Игорька целых двадцать копеек – как раз на пломбир и стакан «чистой» газировки, то есть без сиропа, – напряжённо дыша, показывает ему книгу со стихами. Для взрослых. Бдительно, не давая даже подержать её. Кстати, Митька – будущий командир атомной подлодки.

«Атас! Запрещённая... За такую книгу нас с тобой могут в тюрьму посадить... Понял! – тихо сказал он и, оглядевшись, стал осторожно читать из неё строчку за строчкой чуть ли не по слогам, как и полагается не выле-

зающему из двоек и троек забубённому пятикласснику. – «Зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет. Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты».

«А кто это написал?..» – робко спросил Игорёк.

«Точно не знаю. Папка говорил, что этого автора будто бы давно убили... Какой-то Есенин... Только никому об этом ни слова! Молчок!»

Вспотевший от напряжённого чтения, Митька, бдительно озираясь, тщательно спрятал свою затерзанную книгу под ремень, сверху хорошенько натянул рубашку.

Память, память... Её только тронь. Сколько всего, казалось бы, напрочь забытого, таится на антресолях...

...Как-то осенью двадцатилетний Игорь Лепендин, электрик городского Дома культуры, однажды оказавшись дома один (родители ушли в драмтеатр на премьеру пьесы «Хроника одного дня» и останутся на фуршет для актёров и избранных зрителей), не без некоторого раздражённого волнения вдруг сел за отцовскую пишущую машинку «Украина». Нет, не ради увековечивания на днях внезапно объявившейся в нём странной и малопонятной, эдакой заковыристой первой любви к соседке Тане. И не ради самолюбивого желания начать дневник будущего великого учёного или дерзко приступить писать стихи, чтобы заткнуть за пояс разных всяких там евшушенок и вознесенских.

Игорь торопливо настучал на печатной машинке ни много ни мало текст политической листовки. Просто сел и написал. Это была как некая новая захватывающая игра. На дворе поздняя осень семидесятого. Хрущёвская оттепель давно миновала. Вызревал брежневский застой. Советские люди засыпали и вставали с анекдотами про Леонида Ильича и коммунизм, ждущий советских людей через десять лет, в 1980-м. Но в доме Лепендиных такое народное или, может быть, инородное творчество не приветствовалось. Отец был убеждён, что говорить о чьих-либо недостатках неприлично: вначале от своих следует избавиться. Как-то Игорь дерзнул озвучить один из свежих анекдотов, на его взгляд, самый-самый: «У армянского радио спросили, куда стремится капиталистическая Америка? Армянское радио, не задумываясь, ответило: «Капиталистическая Америка стремится к своему исторически неизбежному загниванию». – «А Советский Союз?» – «Советский Союз стремится её догнать и перегнать...»

И что за муха его тогда укусила с этой пишущей машинкой, неведомо. До сих пор неведомо. Как неведомо, почему сегодня Аркадий ходит на демонстрации за Насыпного, приглядывается, прислушивается там с умным видом... Запретный плод сладок? Самолюбие тешит? Слишком просто. Тут и массовый психоз о себе может заявить. Как те бурные аплодисменты, которые квакеры легко могут вызвать в театре или на концерте. Или сработала в нём старая обида с политическим душком?

Про подавление восстаний в ГДР и Венгрии в пятидесятые Игорёк слыхом не слыхивал до поры до времени в силу успешной работы советской цензуры и наших усердных «глушилок» вражеских голосов. О расстреле рабочих в Новочеркаске случайно узнал во дворе от хорошо принявших на грудь крикливых доминошников: «Рыба! Рыба!» Тут кто-то и шепнул хриплым, неопохмелившимся голосом, будто поднялись новочеркасские рабочие, пошли с голыми руками на танки: припёр их рост цен на продукты и низкие зарплаты. В общем, взбаламутился передовой авангард всех трудящихся.

«Ничего такого не было и никогда не будет! Западная пропаганда! – прокричал на всё на это отец и строго, бдительно напрягся, словно пыта-

ясь загибнотизировать сына. Эдакий семейный Вольф Мессинг: – Не верь болтунам! Болтун – находка для шпиона!» А через несколько лет после Новочеркаска – вот вам, будьте любезны, «Пражская весна», перемешавшая в Чехословакии аромат сирени с дизельными выхлопами танков стран Варшавского договора. Они вошли в Прагу, вызвав поголовную гордость советских людей за наших парней-освободителей, спасших союзную страну от происков капиталистических провокаторов: в СССР и взрослые, и дети восторженно обсуждали, как стремительно развернулись наши войска, как мужественно захватили наши десантники пражский аэропорт, а по ходу наступления ещё и пресекали факты жестокости к простым чехам со стороны гэдэровских и польских солдат.

Тем не менее все почему-то достаточно скоро забыли про эти передраги. Как забыли и о стрелявшем в Брежнева Викторе Ильине, о восстании, поднятом замполитом Валерием Саблиным на противолодочном корабле «Сторожевой».

Совсем другое усадило Игоря печатать листовки мёрзнущими от волнения пальцами.

Как-то он, студент-заочник второго курса филфака, пришёл в военкомат с просьбой принять его на службу военным корреспондентом. Вдруг ни с того ни с сего объявилось в нём хотение «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете». До того Игорь в разные годы собирался стать то лётчиком, то космонавтом, потом же полярником и даже сотрудником уголовного розыска.

В военкомате его просьбу выслушали с уважением и дали «добро», но с одним условием: стать, не откладывая, кандидатом в члены КПСС. И место будущей службы ему уже с радостью наперёд определили – остров Сахалин.

Юрий Михайлович сына восторженно поддержал, Татьяна Яковлевна, как водится, ударилась в слёзы и отрицание. Она, оказывается, тайно мечтала, что её сын станет лучшим зубным врачом СССР...

Как бы там ни было, Игорь не откладывая подал заявление о вступлении в партию. Этот вопрос решить тогда комсомольцу было нельзя без одобрения и рекомендации комсомольского собрания. Казалось, какие проблемы? Игорь вон даже на Доске почёта городского Дома культуры представлен среди передовиков культурного труда: мальчишески ухмыляется на фото, словно упрятанный в свою тогдашнюю смоляную раскидистую бороду.

В общем, собрание наметили провести через две недели. На исходе этого времени сполна наволнованный и даже заметно похудевший Игорь спохватился, что нигде не находит свой комсомольский билет. А на такие собрания, где тебя будут рекомендовать кандидатом в члены КПСС, полагалось являться обязательно с этим документом, ко всему прочему ещё и свидетельствующим об уплате тобой комсомольских взносов в размере пяти процентов от зарплаты.

Весь дом втроём перевернули, тарарам полный устроили, но ничто не помогло. Само собой, в рекомендации Игорю к вступлению в ряды КПСС собрание отозвалось, да мало того, заместитель директора Дома культуры по воспитательной работе Константин Эдуардович Яровой возмущённо высказал предположение, что их электрик мог продать свой билет агентам вражеских разведок. В связи с этим Яровой, кстати, бывший полковой особист, предложил не только исключить Лепендина из комсомола, но и передать материалы по этой «грязной» истории органам госбезопасности для дальнейшего расследования.

До полуночи товарищи по комсомолу, не потерявшие доверия к Игорю, отпаивали его тёмным «Мартовским» пивом, а девчонки пытались развеселить и азартно целовали слёзно мокрые, а частично даже сопливые, щёки и лоб несостоявшегося военкора.

Дома с Игорем случился настоящий психический приступ. Он судорожно бился на кровати, как будто его ломал столбняк, а потом и вовсе потерял сознание. «Скорую» не вызывали только потому, что Игорь то и дело кричал, что к власти в нашей стране пробрались американские агенты и делают всё, чтобы как можно скорее разрушить СССР. Но он всё это остановит, открыв народу глаза, куда и зачем его ведут наши вожди.

Только через много лет выяснилось, что Татьяна Яковлевна накануне того самого рокового комсомольского собрания припрятала билет сына на антресолях во имя его будущей успешной карьеры «зубника». Игорь вновь визжал и топал ногами, бил кулаком по столу и, если бы не отец, выбил бы себе все зубы (один или два – точно) невесть откуда имевшимся у них на антресолях стоматологическим молотком.

«Уважаемые товарищи! – одним пальцем, то и дело путая клавиши, принимая аккуратно печатать Игорь. – Счастье народа давно не заботит высшие круги КПСС. Пока вы живёте по скудным продуктовым талонам, советская номенклатура устроила для себя роскошную жизнь со спецпайками и магазинами «Берёзка». Не верьте лживым утверждениям о скором построении коммунизма в СССР! Вместо этого вы получите новое крепостное рабство под дудку дяди Сэма!»

Не успел Игорь сойти со ступенек портика с листовками в кармане модного тогда нейлонового итальянского плаща, как тотчас вздрогнул: их «Сталинка» бдительно нависла над ним в ночи, словно пушкинский Медный всадник над бедным Евгением. Натянув поглубже фуражку и замотав лицо по нос отцовским клетчатым шарфом, Игорь взволнованно прислушался. Темнота снисходительно-насмешливо ждала, когда он наконец решится переступить в себе комсомольца-ленинца.

И вот уже Игорь, судорожно озираясь, неуклюже лепит на стенах домов и дощатых заборах самодельные наивные листовки с помощью крахмального клейстера, который мама добавляет в бак при стирке постельного белья.

За полчаса он развесил вкривь и вкось свои мелодраматические воззвания на стенах домов их тёмной, неуклюжей улицы имени Моисея Соломоновича Урицкого, бывшего когда-то председателем Петроградского ЧК. Бабушка Игорька, Александра, когда ещё была жива, рассказывала, что Моисея Соломоновича в 1918-м застрелил в питерской театральной ложе студент, молодой поэт и бывший юнкер Леонид Каннегиссер. Ко всему – народный социалист. Отмстил за смерть в застенках ЧК своего друга Владимира Перельцвайга, тоже народного социалиста. Ни много ни мало. «На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов!» – написала тогда «Красная газета», официальный орган большевистского Петросовета.

«Никого из них нам сегодня не следует судить... – как-то высказался по этому поводу Юрий Михайлович и тревожно поблелел. – Тогда так было: куда попал – там и пропал».

И всё-таки их улицу, думал Игорёк, припечатывая листовки, следовало назвать улицей Жертв Красного Террора. Он решил, что эта мысль станет темой его новых листовок.

В ночи Игорю попадались запозднившиеся прохожие, словно на автомате бредущие домой с работы на близком отсюда Центральном железнодоро-

рожном вокзале, но он дерзко не обращал на них никакого внимания. И они в свою очередь, спотыкаясь и покряхтывая от усталости и отупения, в его ночные дела не вглядывались.

Наконец он до того распалился своей доморощенной революционностью, до того почувствовал себя человеком, способным изменить этот мир к лучшему, что даже напевать принялся. Вернее, мычать под нос слова песни, которые в тот момент никак не могли соответствовать его антисоветской экзальтации. Тем не менее песня бодрила и вызывала в душе какой-то священный трепет: «Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас ещё судьбы безвестные ждут».

Страх пришёл, когда Игорь припечатал сикось-накось последнюю прокламацию. Страх был особенный. Ничего подобного Игорь до сих пор не испытывал.

«Руки вверх!» – вдруг отчётливо услышал он из едкой темноты требовательный, внушительный голос.

Он вяло обернулся, оскользнувшись на мокром от густого тумана уличном булыжнике.

Никого... Может быть, это окликнул его, забавляясь, дух того самого Моисея Соломоновича, убиенного студентом?..

Насколько позволяя видеть свет из редких окон, на улице из пешеходов сейчас был только один Игорь.

«Страх на тараканьих ножках ходит...» – машинально вспомнил он одну из присказок бабушки Александры.

На обратном пути он то и дело спотыкался, а дважды так и вовсе упал. Во второй раз ноги выше головы торчком вскинулись: пошёл первый снег.

Первый раз в своей жизни Игорь лёг спать, не раздеваясь. Только зелёный итальянский нейлоновый плащ сбросил возле кровати. Как вывалился из него. Словно бабочка из куколки, народившись к новой жизни.

...Он где-то читал, что преступника тянет на место преступления. Это оказалась правда. Рано утром Игорёк, выйдя будто бы вынести мусор, быстрее быстрого оказался на улице имени чекиста Урицкого, но тут, бдительно притормозив, с нарочито равнодушным выражением лица прошёл всю её насквозь.

...Никаких следов своей вчерашней антисоветской деятельности Игорю обнаружить не удалось. То ли бдительные дворники ещё утренней ранью сорвали его самодеятельные произведения, скорее всего даже не читая наивную писульку, то ли над устранением следов ночного диссидентского творчества спешно потрудились бдительные последователи Моисея Соломоновича из КГБ СССР?

Долго не отпускало Игоря глухое, болезненное волнение: с одной стороны, вызванное опасностью быть с налёту разоблачённым, с другой, напротив, от тайной гордости за свой поступок.

Родители Игоря вскоре почувствовали за сыном что-то неладное. Как-то походка у него странно изменилась, точно прыгающей стала, то и дело он нервно оборачивался без всякого на то повода, ел быстро, словно не жуя еду, а по ночам спать вовсе перестал, разве что под утро часок покемарит.

Иногда его заставляли молча стоявшим в ночи у окна. Объяснений он никаких категорически не давал. При этом, однако, на лице у него объявлялась такая шальная по дерзости судорога, что родители в конце концов от него отступились. Юрий Михайлович, надеясь, что сын в итоге сам наконец откроется, проговорится, стал осторожно вежлив с ним, а Татьяна Яков-

левна теперь часто ходила с чуть вздёрнутым подбородком, аккуратно сдерживая таким ноу-хау материнские слёзы. Родители часто уединялись, чтобы пошептаться и найти нужную психологическую тактику общения с что-то так обострённо переживающим ребёнком.

Однако истина им долго не давалась. Наконец все подозрения Юрия Михайловича и Татьяны Яковлевны свелись к одному жизненному сюжету: вероятней всего, какая-то девочка забеременела от их сына, а её родители слышать не хотят об их браке – чересчур рано, обоим надо получить высшее образование. Каждый раз мама Игоря вдохновенно утверждала, что она не допустит аборта и будет настаивать перед родителями девочки, чтобы им с мужем доверили самим воспитывать до поры до времени будущего малыша. Имя ему уже придумали: если в этот мир придёт мальчик, то будет непременно Александр, а коли девочка, тогда нарекут её Ангелиной!

Эта уверенность их не только успокоила, но и вдохновила на конкретные действия. В общем, родители Игоря наметили отправиться в ближайшую субботу на электричке за распашонками и чепчиками на чёрный рынок, ещё называвшийся толкучкой, который негласно сходилась в поле за железнодорожной станцией Придача по выходным часам с семи утра. Купить что-то приличное в Воронеже для будущего ребёнка было тогда невозможно. Сказывалась постоянная «напряжёнка» с детскими, и не только, вещами.

Чтобы не прикатить к разошедшейся «толкучке», знающие люди рекомендовали отправиться туда затемно ранней четырёхчасовой электричкой. Ко всему Татьяна Яковлевна настойчиво убедила Юрия Михайловича загодя купить на чёрном рынке для Игорёчка приличный свадебный подарок – импортный кожаный дипломат с золотистыми шифрованными замками.

Правда, погода была для такого вояжа явно не благоприятствующая: стояли рьяные, насквозь разящие, едучие морозы с вихрями, как с цепи сорвавшимися. Уже какие сутки подряд они многоэтажными колёсами катили снега по городским улицам.

– Оставьте все ваши страхи и фантазии... – за обедом угрюмо проговорил Игорь. – Нет никакой беременной от меня девушки... У меня вообще никакой девушки нет. И ещё не было. И, может быть, вовсе не будет! Никогда...

Игорь медленно побледнел, словно его лицо начало исчезать. Это было особенно заметно на фоне ёмкой тарелки с маминым особым, густо-бордовым борщом, одна из тайн приготовления которого состояла в том, что ради настоящего вкуса такого блюда не следует экономить на помидорах, а из всех мяс самое оно – тёмно-красная и именно старая говядина, с лёгким душком, проросшая плотным жёлтым жиром. Про толчённый в соли чеснок тоже не следует забывать. А тем более никак не обойтись без куринных шеек и ядрёной гузки.

– Что же ты тогда по ночам мычишь да стонешь?! – построжел отец. – Ты не связался ненароком с какой-нибудь блатной шайкой-лейкой? Кстати, я вчера слышал настораживающую новость от твоего бывшего друга Митьки. Как вы знаете, он сейчас в КГБ служит. У нас в городе недавно кто-то расклеил антисоветские листовки. Учитывая, что все пишущие машинки состоят на особом учёте, найти среди них ту, на которой работал враг, для КГБ не составит труда. Дело считанных дней... – Юрий Михайлович сосредоточенно, трудно вздохнул. – Возможны аресты этих антисоветчиков в самое ближайшее время!

– При чём это всё? Думай, что говоришь! – вдохновенно вскрикнула Татьяна Яковлевна и тотчас напомнила мужу, какой рохлей и мямлей тот

был в свои жениховские годы, так что если бы их сердечные дела не взял в свои мужские руки его старший брат, лётчик-ас Иван Михайлович, им жить вместе никогда не пришлось бы.

– Выходит, мой братец нас поженит?.. – взволнованно спросил Юрий Михайлович.

– А то! Он, кстати, и сам был не против за мной поухаживать, но тут подвернулась эта деревенская выскочка, Нинка, и забила ему голову на всю жизнь...

Игорь знал, что этого до мелочей ему известного воспоминательного разговора родителям теперь хватит минимум на полчаса, а то и более, если отец разнервничается и, достав из гигантского буфета с массивной царской короной, исполненной из посеребрённого морёного дуба, четырёхгранный тяжёлый хрустальный штоф, картинно махнёт добрую рюмку «Зубровки». Исход разговоров с таким уклоном непредсказуем. В одном можно быть твёрдо уверенным наперёд: мягкой посадкой этот родительский диалог не закончится. Прецедентов тому не было.

– Листовки расклеивал я... – вдруг тупо проговорил Игорь, нервно взял заветный отцовский штоф, судорожно плеснул из него в стакан светлой «Зубровки», но пить не стал.

За него это тотчас исполнил Юрий Михайлович. Достаточно, правда, суетливо и как-то словно бы неумело, точно впервые.

– Не лепи горбатого... – выдохнув, болезненно поморщился отец. – На чужой славе хочешь в рай въехать? Вернее, в ад... Ты это брось – оговаривать себя. Или друга какого спасаешь?

Отец тяжело, мучительно откинулся на спинку трофейного германского кожаного дивана. Стоявшие цепочкой вдоль его резной деревянной спинки фарфоровые слоники, которые до самой смерти ежедневно с любовью протирали фланелькой бабушка Игоря, Александра, тотчас (и вовсе не впервые) попадали Юрию Михайловичу на спину всем своим разноразмерным стадом. Точно сорвались с горной тропы в пропасть.

В свою очередь Татьяна Яковлевна, будто вдесятеро обрела особой материнской энергии. Первым делом она решительно прошла в коридор проверить, закрыта ли на замок их входная дверь, обитая чёрным, но уже потускневшим за долгие годы и запаутиненным мелкими трещинами дерматином. При этом Татьяна Яковлевна несколько раз машинально, но достаточно решительно дёрнула ручку – и та вдруг с треском оторвалась, ощерившись ржавыми когтистыми шурупами.

– Тише, пожалуйста... – едва ли не простонал Юрий Михайлович, при этом как-то странно, одним глазом, нервно прищурившись.

– Сын, зачем ты так поступил? Какая муха тебя укусила? Плохо живёшь? Ищешь приключений на свою того этого? Ты их нашёл. Тебе однозначно светит статья за изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

– Я сам не знаю, что на меня нашло... – вздрогнул Игорь.

– Ты был пьян?..

– Нет.

– Я немедленно иду к Митьке. Только он может нас спасти! Они с Игорем так были дружны в своё время!

Татьяна Яковлевна машинально отбросила злосчастную дверную ручку и сосредоточенно, как никогда щедро налила заветную мужнину «Зубровку» в гранёный стакан по самый «марусин поясок». Из матового дородного

холодильника «ЗиМ» (завод имени Молотова), который когда-то в детских глазах Игорька напоминал ему весёлого белого медведя, мама достала блюдец с сочными кусками селёдки иваси, утопающими в луковой соломке.

– Пей! – строго сказала мужу Татьяна Яковлевна.

– С какой стати такая забота? – смущённо усмехнулся Юрий Михайлович.

– Пей просто так, – тоже усмехнулась супруга.

– Ну ладно... – восторженно улыбнулся Юрий Михайлович и вкусно опустошил посуду. Это было самое настоящее действие, напоминающее некий языческий обряд, исполненный особой магической силы.

Татьяна Яковлевна налила ещё раз с не меньшей щедростью.

– Пей.

– Странно как-то это всё выглядит! – веселея на глазах, с некоторой бодрей, чуть ли не молодечески проговорил Юрий Михайлович и аккуратно, но с весьма очевидным, словно вспыхнувшим в нём аппетитом взялся за малосольную иваси.

– Вот теперь ты никуда не пойдёшь... Ни к какому Митьке. И слава Богу, – неожиданно добросердечно, почти ласково проговорила Татьяна Яковлевна. – Потому что у меня очень хорошая интуиция. И я стопроцентно уверена: никто этого дела с прокламациями раскручивать не станет. Всё спустят на тормозах. Кому надо высшее начальство тревожить? Самим через это запросто может не поздоровиться. Мол, запустили донельзя профилактическую работу!

...Тем не менее днями Юрий Михайлович на своём «Москвиче-402», благополучно повторившем собой базовый немецкий Opel Kadett того времени, отвёз тяжеловесную печатную машинку «Украина» на дачу на так называемых Ближних садах возле военного аэродрома «Балтимор». И в деревянном сарае старательно изрубил колуном на мелкие части. Их он потом закопал в здешних лесах – Долгом и Шиловском.

...Игорь тоже не сидел сложа руки и успел отпечатать на «Украине» под копирку пяток новых листовок.

Текст диктовала Татьяна Яковлевна:

«Уважаемые товарищи! Мы живём в великой стране, созидающей коммунизм, перед нами открыты широкие горизонты больших свершений! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – наш рулевой в счастливое будущее! Не верьте мерзавцам, недавно попытавшимся её опорочить в своих гнусных листовках!!!»

Расклеивал их Игорь тоже ночью. Вместе с мамой. Отец на это время был неограниченно допущен к мерцавшему холодными искрами хрустальному дородному штофу, на этот раз густо золотившемуся популярным пятилетним болгарским коньяком «Плиска» с достаточно народной ценой в шесть рублей семьдесят копеек.

Как бы там ни было, хотя с того дня прошли многие десятилетия и уже нет Советского Союза, нет КГБ и так далее, но Игорю Юрьевичу всё ещё хочется кому-то знающему толк в таких вопросах рассказать эту историю, наконец разобраться в ней. Что с ним было? Когда ему теперь приходится проходить мимо здания бывшего управления КГБ, ныне ФСБ, известного всему Воронежу «серого дома», похожего на крепость, с бдительными, строгими окнами, Игоря Юрьевича одолевает странное желание потянуть на себя тамошнюю массивную дверь, войти и признаться во всём. Только в чём «всём»? Может быть, на нём кто-то испытывал воздействие какого-то загадочного излучения? Всякое лезло в голову.

«А что если мне про эти листовки рассказать Аркадию?! – вдруг дерзко усмехнулся Игорь Юрьевич. – Мол, и мы были рысаками когда-то! Не лыком шить! Чтобы особо не заносился со своим Насыпным. Вы ещё не родились, когда мы знали, что в стране так, а что не так! Поэтому нас не проведёшь на мякине. Мало каши он ел, этот ваш Насыпной. Одним прыжком возмечтал на вершину власти вскочить. А в нём за версту видно пренебрежение к простому народу».

Сегодня Лепендин часа два гулял по проспекту Революции в своём не подверженном времени одеянии – нейлоновом итальянском плаще и таком же берете. Аккуратно постукивая бадиком по серым тротуарным плиткам, он прохаживался от памятника Ленину до памятника Платонову, словно провалившись в густые потоки воспоминаний...

...Когда убивали при Горбачёве СССР, казалось Игорю Юрьевичу, будто земля у него под ногами поплыла: день ото дня роковые пророческие аварии с гибелью сотен и сотен людей – Чернобыльская катастрофа, гибель круизного лайнера «Адмирал Нахимов», страшный, будто атомный, взрыв неподалёку от секретного ядерного города Арзамас-16, а ровно год спустя невиданная по числу жертв катастрофа на Транссибирской магистрали в Башкирии. С полок магазинов исчезали продукты и самые необходимые вещи: сигареты, спички, мыло, зубная паста, одежда и обувь. Кому везло, бывало, находили это всё в лесах да оврагах...

Прошёлся в тот день Игорь Юрьевич и по родной улице Урицкого, невольно слезу уронил, родителей вспомнив и Митьку, который когда-то тайно читал ему на крыше куриного сарая книжку запрещённого Есенина. Да и потом через него Игорь Юрьевич все последние советские годы всегда оперативно был в курсе разных всяких так называемых антисоветских литераторов – Митька, он же Дмитрий Боев, служил тогда в органах госбезопасности и давал ему читать то «Раковый корпус» на тонкой папиросной бумаге, то «Мастера и Маргариту» или, скажем, «Доктора Живаго». Много чем из этой диссидентской серии снабжал Игоря Дмитрий Владимирович, пока в перестройку во время служебной командировки не остался навсегда в Англии. С помощью своего дружка по суворовскому училищу Володьки Резуна, кстати, всегда считавшегося у своего начальства самым продвинутым архипатриотом.

И тут вдруг Игорь Юрьевич услышал чуть ли не у самого уха:

– Мужик, закурить не найдётся?

Ему в лицо насмешливо заглядывала выдавшая виды физиономия знатока «бормотухи» с явно многострадальной печенью.

– Не курю! Бросил... – с достоинством усмехнулся Игорь Юрьевич.

– Я, между прочим, тоже! – подмигнул незнакомец. – На целых пять минут бросил. А это для меня настоящая вечность. Когда я долго, минут пять-десять, не дымлю, у меня начинает резко ухудшаться память. Так что я вас не сразу узнал...

Игорь Юрьевич тревожно вскинул подбородок.

– Не понял... – сказал он глухо. – Как же это вас удивляет, что вы меня не узнали? Вы и не могли узнать. Никак. Мы с вами детей не крестили. Вообще я вас вижу первый раз в жизни.

– Это точно... Не крестили. И вы меня видите именно впервые. Вполне согласен. Кстати, я Жора... Жора Воронежский, – значительно усмехнулся тот. – В самом деле, вы никак не могли меня знать прежде. Да и я, если точно говорить, в свою очередь запомнил вас только по физии... И то смутно. А сейчас как осенило, кто передо мной! Душа сработала.

Жора благородным, дружеским жестом извлёк из траурно-чёрного большого пакета явно от магазина «Красное-белое» бутылку розового портвейна «777», более известного как «Три топора».

– Предлагаю раздавить сию ампулу в память о нашей нынешней знаковой встрече. Я бы сказал, исторической! Правда, благородного закуса нет. Вернее, никакого. А что если мы его просто занюхаем? Или слабо?

– Уговорил, занюхаем! – вдруг неожиданно для самого себя согласился Игорь Юрьевич. Расположил его чем-то этот прокопчённый гадким табаком Жора Воронежский. – Только вначале признайтесь, где и когда наши пути-дороги пересекались?

– Ноябрь 73-го помнишь?

– Так, так... Вроде да. А где конкретно?

– Улица Урицкого, брателло... Ночь. Трудовой народ со второй смены из последних сил шаркает домой...

– Стоп, понял, не дурак... – напрягся Лепендин. – И ты был тогда среди них?

– Вроде того. Я с малины пёхал, а ты вдруг у меня на глазах внаглую от своего безделья интеллигентского листовки развешиваешь. Размечтался в великую историю войти?! А сам весь дёрганный, пуганный... Как воровать впервые вышел... – Жора поморщился, сплюнул. – Было больно глядеть на тебя. Пропадёшь ни за что! Органы не дремлют! В общем, сорвал я одну твою хреновень, прочитал – порожняк сплошной сопливый, но за который могут запросто на Луну отправить. И тут меня просекло, что с твоими мамкой и папкой станет, когда гэбэшники тебя заметут и ты с перепугу в штаны наложишь. И наговоришь под их подсказку всякого разного на себя, на своих родителей и друзей, что было и чего не было и быть не могло.

Игорь Юрьевич несколько побледнел и машинально хрустнул пальцами.

– Я был искренен. По возможности...

– Эх, сапог... А я тогда почему-то пожалел тебя. Такой опрятный, как видно, очень культурный мальчик, робкий. Чай, ещё не одну девочку не целовал... – напряжённо усмехнулся Жора и вдруг молча, самозабвенно сцедил в себя ноль семь литра портвейна с запахом сургуча и мокрого войлока. Оставил Игорю Юрьевичу разве что на два глотка. Тебе и этого сполна хватит. Ты сейчас и без того будешь идти, шатаясь из стороны в сторону, как в попу пьяный... Так вот, стал я тогда за тобой эти листовочки тихим сапом снимать. А они такие сырые от клейстера, склизкие. Но я их всё равно одну за другой по карманам рассовал. В общем, гони монету ещё на пару бутылок моего любимого портвешка – и мы на всю оставшуюся жизнь с тобой в полном расчёте! – сурово откашлялся Жора.

Игорь Юрьевич благородно нахмурился.

– Не разыгрывайте меня. Разве я без понятия? Такой ваш поступок... Вы спасли мою судьбу. Да что там – саму жизнь! Я готов подписаться на любую сумму. Извините, конечно, посылить для пенсионера.

– Не вергитесь, мужик, задницей на шиле, – озорно подмигнул Жора.

Лепендин торопливо, как-то лихорадочно пошарил по карманам и, не считая, отдал всё, что у него было. А было у него копейка в копейку ещё на пару бутылок.

– Адьё! Контора пишет, подельник! Балдей по-чёрному! – всхотнул Жора, словно из глубин своей неведомой Лепендину особой зонавской жизни. – Не поминай лихом, интеллигент!

Лепендин огляделся, чтобы сориентироваться, в какой стороне может быть ближайший банкомат. Денег у него не было даже на дорогу домой. Всё подгрёб в порыве благодарных чувств.

У банкомата стояла длинная угрюмая очередь – люди наконец привыкли соблюдать необходимое между собой полуметровое пандемическое расстояние. Хотя в масках были далеко не все. Несмотря на грозящие за это штрафы.

– Кто последний? – вполне любезно, просто-таки радостно-радушно поинтересовался Лепендин.

– Не последний, а крайний! – объявила ошарашенная возможностью сказать дерзость стоявшая достаточно в стороне прилично одетая, высокая и мощная женщина примерно равных с ним лет. Кстати, с двумя антиковидными масками на лице: чёрной, а поверх неё – красной.

Она почему-то сразу Игорю Юрьевичу не показалась. Хотя разве можно уверенно судить о человеке, если у того открыты только лоб и глаза? Наверное, всё-таки можно.

Она почти величественно усмехнулась и добавила, как постановила:

– Да будет вам известно, что сейчас образованные люди пользуются словом «крайний». Мы тут с вами стоим вовсе не в свой последний путь! Вот так. А крайняя – это я и есть. Нравится вам или не нравится.

– А вы за кем держитесь?.. – аккуратно и по возможности лояльно вздохнул Игорь Юрьевич.

– У меня пока что достаточно своих сил ни за кого не держаться! – отчётливо объявила «крайняя». – Особенно за таких, как вы, интеллигентных шибздигов. Я, между прочим, недавно ходила на митинг за свободу для Насыпного! Меня потом по местному телевидению даже показывали. А что?! Я сумкой так хорошо огрела по спине одного омонльца! У меня дома все обхохотались.

Разномастная угрюмая очередь стояла безучастно ко всем мировым и государственным проблемам. Её, эту очередь, наверняка не волновали даже такие темы, как причины и цели возникновения Вселенной из ничего четырнадцать миллиардов лет назад.

Дома Игорь Юрьевич напоил себя чаем, как-то поуспокоился и даже возмечтал о новой ходке на антресоли. Что-то волнующее звало его в очередное путешествие по минувшему времени. Словно там он надеялся наконец обрести связующую нить между прошлым и настоящим.

Рывок, ещё рывок. Ага, кажется, потерял тапочку. Нет, уже обе. «Ладно, фиг с ними, – сдавленно вздохнул Лепендин. – Пусть валяются. Чем меньше лишних движений, тем меньше пыли». А пыль тут выросла отменная: слежавшаяся, нагустевшая, липкая. Такую на бутерброд можно намазывать. Паутина там и сям провисала тяжёлыми, мохнатыми гроздьями. Моль судорожно мелькала в радостном ожидании аплодисментов Игоря Юрьевича. Конечно, давно пора бы пригласить уборщицу по вызову, но только кто из них согласится лезть в такую мрачную пещерную пасть, ко всему разверзнутую под потолком на хорошей высоте, чем всегда отличались «сталинки».

И всё же за этот его сегодняшний поход в глубины антресолей он был ими щедро вознаграждён. Здешний мир встретил Игоря Юрьевича тем, к чему он никак не мог бы остаться равнодушным. Что только не разглядел Лепендин на антресолях, словно на некоей машине времени пролетая над своей жизнью! Всё это сопровождалось эмоциями всех спектров: от радости до печали, от восторга до грусти и так далее.

Он азартно налево-направо высвечивал бдительным, густым лучом своего ярчайшего немецкого армейского «Даймона» волнующие разные разности. Скажем, мелькнул в дальнем углу подкопчённый примус-коротко-ножка, когда-то красновато-золотистый, а сейчас цвета грязной глины, но до сих пор едва уловимо пахнувший настоящим керосином. А вот прямо по курсу валяется на боку детская Игорёшкина копилка – гипсовая композиция из трёх лопухих щенков, у одного из которых с давних пор не было головы. Возможно, это результат его собственной жестокой попытки изъять из копилки определённую сумму. Скажем, десять копеек на молочное мороженое или двадцать за вовсе волшебный шоколадный пломбир. Не исключено также, что медные пятаки потребовались ему для игры в пристеночку или в «бе-бе» (по-другому – расшибец, расшибалочка), где металлические деньги ниже «десятьюничка» не годились, иначе никак нельзя было составить стопочку в середине квадрата на земле, называвшегося «казной». А вот валяется матовый от пыли, но изначально строго-чёрный лаковый футляр часов из морёного дуба, а рядом поблекший головастый и щекастый глобус с государствами и границами, многих из которых уже давно нет. Уныло бренькнуло задетое локтем детское пианино, под звуки которого он когда-то по маминой настоятельной просьбе не раз пел для гостей до сих пор не забытую им песенку: «Вновь богачи разжигают пожар, миру готовят смертельный удар. Но против них миллионы людей: армия мира всех сильнее!» Гости снисходительно аплодировали.

...Вдруг в недра дубовых антресолей вновь звонко, нагло дребезжа, влетел дверной звонок.

Игорь Юрьевич раздражённо напрягся. Ума много не надо, чтобы догадаться. Это опять трезвонит неугомонный Аркадий, его молодой сосед. И, возможно, опять вместе с той самой многоцветной Алиной. Однако, вспомнив о ней, Лепендин как бы несколько смягчился. Даже приятно вздохнул.

Однако придать своему залежавшемуся на антресолях телу задний ход ему, как и в прошлое посещение, удалось не сразу. Начните пятиться, лёжа на животе, с помощью локтей и колен, и вы поймёте его. У вас наверняка получится нечто похожее на то, что и получилось у Лепендина.

То, что в итоге получилось у него, никак нельзя сравнить даже с классическим примером пятящегося рака. Вообще, то, как выбирался он на этот раз из глубин антресолей, лучше ни с чем не сопоставлять.

– Иду же! Иду... – крикнул Лепендин со всей возможной громкостью в ответ на новую порцию настырных звонков.

И тут какой-то новый, просто-таки сокрушительный звук прогрохотал на весь дом. Это Игорь Юрьевич ногой толкнул времянку, и она упала на стоявший в коридоре элегантный трельяж югославского производства. Уже и страны такой давно нет, а зеркала её производства до сих пор блистали в его доме, как некогда дружба наших стран. Но ничто не вечно под луной.

– Что там у вас за битва?! – прокричал за дверью Аркадий, но достаточно хрипло: он сегодня надорвал голос на очередном митинге за свободу для Насыпного.

Заскрипев зубами, Лепендин ослабил пальцы и рухнул на дубовый паркет сталинской эпохи.

– Что там у вас за громы, а молний нет?.. – снова подал голос Аркадий.

Игорь Юрьевич глухо, придушенно рыкнул и осторожно пошевелился, проверяя себя – вроде руки-ноги целы, шея не сломана, а мозги хоть и плохо, но, кажется, ещё кое-как работают.

– Вы с Алиной? – болезненно отозвался он. – А то у меня тут такой тарарам!

– Сам я, сам... – чуть ли не со стоном отозвался Аркадий голосом капризного ребёнка.

Дверь неспешно приоткрылась. Перед Игорем Юрьевичем, согнувшись, обессиленно упираясь обеими руками в проём, стоял то ли Аркадий, то ли кто-то другой, отдалённо на него похожий. В любом случае перед Лепендиным предстал человек в куртке как у соседа, но без одного рукава, с очками без стёкол и вспухшей, кровоточащей губой. Этот человек глухо, утробно постанывал.

– Вы с демонстраций? Вас избили омовцы?! – вскрикнул Лепендин.

– Коньячку, пожалуйста... – выдохнул Аркадий. – Это меня так пацаны отделили...

– Ваши революционно настроенные гавроши?

– Они самые. Так сказать, «дети Насыпного»... От которых я был в таком романтично возвышенном восторге... А они меня заподозрили, будто я полицейский провокатор. Даже каким-то попом Гапоном обозвали. – Аркадий тяжело засипел сквозь зубы: – Кстати, не знаете, кто это?

– Потом, всё потом... И чему только вас в школе учили?.. – нахмурился Игорь Юрьевич.

– В общем, они всей толпой набросились на меня... Стали обыскивать, выворачивать карманы... Наверное, удостоверение полицейского искали. И, ничего не найдя, принялись злобно пинать. И при этом кричали, что миром должны править дети! Омовцы едва отбили меня... Не поверите, я даже расплакался на руках у полицейских...

– И вы по-прежнему считаете правильным своё участие в подобных акциях? – строго-отечески проговорил Игорь Юрьевич.

– Именно так! – хорохористо оживая после живительной рюмки неподдельного «Арарата», уже чуть ли не с былой вдохновенностью проговорил Аркадий. – Иного нет у нас пути! США и самые передовые страны Европы хотят, чтобы мы жили толерантно и достойно. Они всегда стремились передать нам свои высшие ценности! Скажем, однополые браки. Во все века мы всё лучшее перенимали у них. И сейчас не должны упустить свой шанс государственного взросления!

Аркадий ещё долго говорил в этом направлении. Особенно вдохновенно зазвучал его голос, когда он объявил, что они с Алиной во имя торжества толерантности в России решили сменить пол, поменяться именами (она станет им, а он – ей) и пожениться. А ещё они решили усыновить или удочерить какую-нибудь забавную микрособачку.

– И я дам ей свою фамилию! Правда, будет звучать круто: чихуахуа Петровская!

В голове ещё не оправившегося от падения Игоря Юрьевича мелькнуло с жужжанием нечто вроде афоризма: «Каждое поколение идёт на баррикады под своим флагом... Но ими всеми правит одна и та же дурь».

Он с омерзением, отчётливо, до памятования тогдашних ночных прохладных запахов, вспомнил себя, трусливо, самовлюблённо расклеивающего идиотские листовки по мрачной и грязной улице кровавого революционера Урицкого.

Пока сосед возжигал «Араратом» пламя своего революционного настроения, Игорь Юрьевич, напрочь забыв об учтивости и много ещё о чём, поспешно вернулся на антресоли. Оглядевшись с помощью «Даймона», нашёл достаточно удобное место. Вдохнув с облегчением, прилёг, устроив

под голову стопку журналов «Огонёк», ностальгически пахнувших его счастливым детством.

Сколько политики в этой жизни... Без неё просто никуда. Словно именно ей и ради неё только и живём. А может быть... Игорь Юрьевич, насколько возможно, вдруг с усилием потянулся рукой к своей спине, норовя достать пальцами как можно подальше, до самых бы лопаток. Нет, он не крылышки там ангельские искал у себя. Он уже наконец отчётливо понял, что их у него нет и быть отродясь не может. Не того сорта он человек. Если вообще он – человек...

Игорь Юрьевич ни мало ни много искал у себя за спиной, на худой случай, нити или какие-нибудь иные жилки попрочней с учётом его достойного веса. Не найдя ничего, он заплакал. По-детски так, почти мило. Но хныкал так-таки недолго.

Поёрзав, покряхтев, Игорь Юрьевич устало закрыл глаза. И у него в эту минуту вдруг появилось нежное, чуть ли не младенческое желание остаться здесь навсегда. Но согласиться с таким мнением или отвергнуть его он не успел. Заснул вмиг и благодатно наш Игорь Юрьевич. Так что не дёргайтесь, господа. Жизнь на антресолях вполне даже возможна. Какая-никакая, может, даже и развесёлая вполне.

Екатерина
МАНТУРОВА

РАДИОГРАММА ЛЮБВИ

ЗВЕЗДОПАД

Выйди во двор. Останься, прошу, живым.
В небе индиго уже пропитал закат,
И по нему кто-то тысячным ножевым
Бьёт и не ставит на месте прорех заплат.
Словно крупа рассыпались горстки звёзд.
Марля небес не выдерживает их груз.
Видишь, они уже брызжут из-под колёс
Стайками перепуганными медуз?
Улица Подполковника так тиха,
Бьют его смотрит сурово куда-то вдаль.
Небо всё шутит. И прыгает как блоха
Звёздочка на серебряную медаль.
Завтра опять будет точно такой же день.
Снова пойдём за хлебом и колбасой.
Ну а пока что с неба летит ячмень
Прямо в гортани мусорок по косой.

СОБАКА

Привязалась в начале дороги,
Хвост поджала и шла, чуть отстав,
Лапы вымазав в мокрой осоке,
Устилающей склоны канав.
Не смотрела в глаза мне, лишь мельком
Я ловила затравленный взгляд,
И решила тогда, что сардельки
Пёсью долю её облегчат.
На пакета рябом целлофане,
Где виднелась в траве жухлой плешь,
Разложила своё подаянье
И сказала с улыбкой ей:
– Ешь!

-
- Екатерина Александровна Мантурова родилась в 1984 году в городе Немане Калининградской области. Филолог. Член Союза писателей России. Автор совместных с Игорем Голубем поэтических сборников «Два кита», «Города», «Неман» (2014–2017), а также сборников стихотворений «Камнеломка», «Инклюзы» (2018, 2021). Победитель в номинации «Сказки» международного конкурса детских писателей «Детское время». Публиковалась в альманахе «Образ», журналах «Симбирск», «Веретено». Живёт в Калининграде.

Исподлобья собака смотрела,
И голодный живот била дрожь.
– Ты, наверное, долго не ела?
Подходи, ну чего же ты ждёшь!
Отвернулась и прочь побежала,
Тонкий хвост гордо вверх задрала.
Не подачки собака желала –
Человеческой ласки ждала.

Раскрути спираль обратно,
Запусти отсчёт.
Там игрушки в жёлтой вате,
Крутится волчок.
В поле том не клевер – кашка,
Куручка, петух,
И губою мягкой Машка
Хлеб берёт из рук.
Собери и склей покрепче
Старый календарь.
Солнце, жги худые плечи!
Не жалея, жаль!
Я всё выдержу, всё сдюжу –
Много было бед.
Разреши опять по лужам
Гнать велосипед.
Спать ложиться в тёплом сене,
С ёлок есть смолу.
В рамочке Сергей Есенин
Пусть грустит в углу.
Тихо-тихо, только слышу
Ходиков отсчёт.
Дочка спит, как будто мышка,
Времечко течёт...

В приморском городке опять июнь,
В садах и скверах набухают вишни.
Старушка на базаре в позе Кришны,
Седая, цепкоглазая, как лунь.

Она торгует старческим добром –
Значки, маслёнка, томик Карла Маркса,
А рядом у фарфорового барса
Шкатулка с допотопным серебром.

Но для меня дороже всех богатств
Нехитрый скарб на выцветшей клеёнке:
Игрушки постаревшего ребёнка,
Сокровища из выдуманных царств.

Меня заметив, востепенулся «лунь»:
Мол, выбирай, нельзя ведь без покупки.
Вот ножик острый к старой мясорубке,
А вот браслет – чистойшая латунь!

А я смотрю, и выбор мой непрост,
Ведь это всё как весточка из детства –
И куколка с медведем по соседству,
И даже старомодный пылесос.

– Давайте их! – и горсть янтарных бус
Мне подала проворная старушка:
– Писят рублей. Вот тут погнулась дужка.
Храни Господь! Какой хороший вкус!

Июнь опять в приморском городке,
И пахнет кукурузой и прохладой.
Янтарь в руке лежит, как мармеладный,
Похожий на карасика в садке.

Запушило в июне от ив,
Стало в городе душно от пыли.
Так встречай меня, Куршский залив,
Долгожданным лазоревым штилем.

Шелестит твой ракушечный пляж,
Небо тает в воде купоросом,
Валунов побережных грильяж
Весь усеян моллюсковым просом.

Вдалеке чёрно-бурый баклан
Распушил свои пёрышки-спицы,
И за лес, как в заспинный колчан,
Запоздалое солнце садится.

Гаснут жёлтые стрелы-лучи,
По песку расплзаются тени,
Дует ветер в кустах алычи,
В сухостое прибрежных растений.

Я с камнями сливаюсь в одно
И твоим становлюсь персонажем,
Драгоценным последним звеном
В прибалтийском вечернем пейзаже.

Потеряны открытки,
Исчез фотоальбом,
Но снова маргаритки
Твой окружают дом.
И снова там, где жёлоб,
Гнездится воробей,
Фонарь висит, как жёлудь,
У стареньких дверей.
Сломалась пилорама,
Пёс новый на цепи,
Летит радиogramма
Твоей ко мне любви.
Сарай стоит по крышу
В разлапистом плюще,
И кажется, что вижу –
Ты в шляпе и плаще
Вдруг распахнул калитку,
Вошёл в цветущий сад,
И смотрят маргаритки,
И не отводят взгляд.

Всё так преходяще и тонко.
Стою у гранитных могил:
Прабабушка, бабушкин Лёнька.
Стрижи нарезают круги
Над кладбищем сельским, над полем,
Над пеной сирени и над
Моим нескончаемым горем –
Летят, и звенят, и звенят..
Глядит равнодушно усопший:
«Иди-ка, покуда жива,
Туда, где цветёт расторопша
И ноги щекочет трава.
А мы подождём, сколько нужно,
Недолго процарствует жизнь –
Для смерти мы все безоружны,
Но ты уходи и держись!»
И я ухожу, но всё помню.
Поёт в бузине соловей,
И темень нависла над полем,
Над маленькой жизнью моей.

**Елена
ОБУХОВА**

ОДИНОКИЕ ЛЮДИ СБИВАЮТСЯ В СТАИ

Лист бумаги летел над городом. Откуда он взялся, не знал никто. Летел он, однако, по некоему чётко определённом маршруту, в конце которого лист влетел не куда-нибудь, а именно в окно официального учреждения, где и лёг аккуратно на стол. Это была нужная бумага, которую взяли, поставили на ней печать, после чего она стала важным документом, способным повлиять на судьбу человека... возможно, даже автора этих строк.

Иногда хочется взять газетный штамп и использовать, но так, чтобы прозвучал свежо и ново. Вот хотя бы этот: «...автора этих строк...» Нет, не звучит. Да, впрочем, это и неважно. Неважно, ново или нет, лишь бы имело значение для конкретного человека. Человек взят сам по себе, а кому-то очень хотелось, чтобы он оказался весьма заурядным, чтобы по нему можно было судить обо всех людях. И эта женщина была бы похожа на всех, на половину человечества, схожую с ней возрастом, цветом кожи и волос, а также ростом, взглядами и жизненной позицией. Она охотно рассказывала о себе. В её глазах читались надежда на бессмертие и вера в загробную жизнь. Эту надежду и веру не убить даже возрасту, который приводит к немощной старости. Всё-таки газетные штампы неистребимы: «немощная старость» – излюбленное словосочетание для определения возрастной черты, за которой следует только смерть. Женщина была самой обычной, потому она ничего не имела против штампов. Ведь судьбы людей во многом повторяются. И лучше быть одной из многих, чем «белой вороной», не похожей на других. О чём же она расскажет, эта типичная женщина? Наверное, стоит её послушать...

– Гербовым листом свидетельства о разводе хорошо прикрывать чашку с кофе, чтобы не остывал слишком быстро, когда в квартире холодно и приходится ходить в тёплых вязаных носках. Длинным, вязким вечером шерстяные нитки весело раскручивают клубок и тянутся к спицам. Льнут, словно это и есть их предназначение – лечь рядком петлями в пяточки, следок, резинку и в носки, чтобы греть мои ноги в весеннюю пору, когда

-
- Елена Михайловна Обухова родилась в таёжном посёлке Кемеровской области. Жила в селе Воскресенском Курганской области. Окончила Курганское культурно-просветительное училище по специальности «Режиссёр народного театра» и Литературный институт им. Горького. В настоящее время живёт и работает в Ярославле.

за тёплыми майскими днями вдруг приходят холодные, а отопление в домах уже отключили и в квартире становится холодно... Согревают ли тёплые шерстяные вещи и мои холодные воспоминания? Нет, увы.

Бланк свидетельства о разводе лучше сложить вдвое, прежде чем положить на чашку. Тогда кофе остывает медленнее, можно успеть переделать много дел, а потом снова взять чашку и насладиться горячей терпкой тёмной жидкостью. Я люблю кофе с корицей... а свидетельство о разводе можно убрать, бумажка вновь становится ненужной и ложится на своё место за стеклом шкафа. Этот лист бумаги первое время радует, потом начинает раздражать и в конце концов уходит из памяти вместе с самим фактом развода. Но это потом, а пока что документ шуршал и словно бы нашёптывал о свободе и таком желанном одиночестве... И кофе очень кстати оказался без обычной горечи, был сладким, с вкусным запахом корицы.

Эта женщина, которая обрела свободу вместе со свидетельством о разводе, довольно долго жила в Москве и любила приходить на площадь трёх вокзалов. Площадь днём была многолюдна; народ потоками двигался в разные стороны, а она могла долго стоять и смотреть, словно очарованная абитуриентка, впервые попавшая в столицу... На самом деле столица её давно не очаровывала. Зачем же тогда она приходила сюда и подолгу наблюдала за людским мельтешением? Может быть, потому, что шум толпы её отвлекал от мыслей о человеке, которого хотелось забыть. Он, впрочем, никак не был связан со свидетельством о расторжении брака, что пряталось за стеклом. Это была совсем другая история. Невесть почему наша героиня была уверена, что от этого человека лучше освободиться в толпе народа, что многолюдье спасает от привязанности к нему. А может, это такая же иллюзия, как и то, что в толпе чувствуешь себя менее одиноким, нежели в пустой квартире. И что-то ей напоминал этот людской поток...

Пожалуй, море. В воображении она нарисовала картинку. Два человека сидят на большом камне у моря, и вода плещется у самых их ног. Шум волн и крик чаек оглушительны; чтобы услышать друг друга, им приходится кричать. Увы, она застала их разговор не с начала, а почти в конце...

– Вы, наверное, хотите сказать, что звучала классическая музыка?

– Да.

– Вдалеке... И вы сидели на берегу и смотрели на море, а за спиной был город?

– Да.

– И море... и город... Вы почувствовали, что они как-то соединились в вас. И ваша личность при этом сделалась не так уж и важна...

– Да...

– Вы почувствовали себя частью моря и частью города. Не совсем человеком. А потом встали и пошли в небо – не человеком, а частью моря и частью города?

– Не совсем так, но... да.

– Идти в небо – это бред, а вот то, что вы любите море и город... это я понимаю.

– Почему нельзя уйти в небо?

– Просто нельзя.

Человек, в котором соединились море и город, спрыгнул с камня и по воде ушёл на берег от собеседника, немного разочарованный. Он не нашёл понимания, ему было всё ясно и очевидно, но вот другой человек его не понял. Хотя его чувства и были из разряда объяснимых. Он чувствовал себя одиноким, потому что в его душе жили только море и город, кото-

рые он любит одинаково сильно, для других же чувств, даже к человеку, места не оставалось.

Потом этот странный человек ушёл от моря в город и оказался в толпе на улице Рождественской. Широким, летящим шагом он миновал часовню, затем фонтан, брызги которого попытались его достать. Может быть, фонтану тоже захотелось как-то заявить о себе. Может быть, фонтан тоже считал себя частичкой моря, совсем маленькой, но причастной к водной стихии. Человек прошёл мимо и не уделил фонтану никакого внимания; брызги воды упали на асфальт и тут же испарились, потому что жара в городе стояла уже вторую неделю и ни капли дождя не пролилось с неба. Ни капельки.

На самом деле эта женщина, которая рассказывала о себе, живёт в городе вдали от моря. Чтобы попасть к морю, ей надо проехать несколько суток поездом. Не такое уж и простое это путешествие. И есть два варианта. Можно просто собраться и отправиться на море поездом, автомобилем или самолётом... А можно тосковать по морю – это мучительнее и нежнее... Знакомый ей человек выбрал именно этот путь, и тоска его была светла. Скучая по морю, он много бродил по городу, выходил на самый широкий проспект и смотрел на людской поток. Толпа прохожих на какое-то время может заменить человеку море, волны-люди могут идти плотнее друг к другу, потом их становится меньше, и тогда виден серый асфальт дороги, они могут идти в различных направлениях, вытекая на площадь, вливаясь в пассажирский транспорт и разъезжаясь в разные районы города. Разные цвета одежды, разный цвет волос, движения людей – всё это так похоже на рябь на воде. Волны и рябь на людских потоках... Но вместо морской свежести – только прогорклый запах города и выхлопные газы. Если долго смотреть на людей, можно немножко забыть о море. Людской поток завораживает, на него тоже можно смотреть сколь угодно долго, как и на море. Обе эти стихии не бывают постоянными или одинаковыми, они меняются ежесекундно, они настолько живые, что вызывают массу эмоций, ассоциаций и образов-грёз. Море всё же нежнее, зато людской поток – динамичнее.

Женщина вместе со своим знакомым всё смотрела на людей, которые растекались по площади и шумели подобно волнам и бились о стены домов. Площадь была мала для такой массы людей; они сливались в группы, толпы, в человеческое море. У каждого своя жизнь, семья, работа, судьба. От женщины они не зависели, она могла только смотреть на них. Хотя, вполне возможно, что все эти люди здесь, в эту минуту собрались именно для того, чтобы она на них посмотрела, и у неё в воображении родились соответствующие образы и настроение. Может быть, они для того родились и жили до момента, когда ступили на площадь у трёх вокзалов и прошли свои триста метров. Всё – для неё.

Море людей... Ей вдруг захотелось повернуть вспять эту толпу. Она окинула их взглядом отнюдь не добрым – и... что-то случилось. Да, люди замерли, наступила тишина. Полная тишина на площади трёх вокзалов? Это невозможно! Но было так. Всего на несколько секунд, а потом всё вернулось на круги своя. Площадь зашумела, но людской поток полился в другую сторону. Она смогла его повернуть, а люди этого и не заметили.

Москва – город суеты и одиночества. Здесь находят себе место люди из глубокой провинции, желающие уединения. В провинции люди не могут быть одинокими, особенно в сёлах и деревнях. Там соседи не дают почувствовать одиночество, они ходят в гости и приглашают к себе на чай. Потому люди, ищущие одиночества, уезжают в мегаполисы и там находят то, что искали. Они съезжаются в Москву со всего мира. Сбиваясь в стаи, днём они суетятся, зарабатывая себе на жизнь, а по ночам наслаждаются своим

одиночеством в клетках столичных квартир, комнат, в залах ожидания вокзалов... Эти люди несчастны. Как им помочь? И нужно ли им помогать? Может, лучше просто оставить их в покое?.. Да, наверное, так лучше всего и сделать – оставить в покое людей, ищущих одиночества. В мегаполисах так и происходит, там соседи даже не знакомы друг с другом. А уж о том, чтобы ходить в гости, и речи быть не может. Тем более – чай вечером вместе пить и обсуждать последние политические события, новости села, деревни или просто улицы.

Люди сбиваются в города, как в стаи, но только мегаполисы спасают одиноких людей. Не будь городов, они тогда уходили бы в леса. Хотя... мегаполисы и есть леса для людей, ищущих одиночества. Эта женщина, которая прикрывает чашечку кофе бланком свидетельства о разводе, украшенным гербовой печатью, тоже в своё время уехала из далёкой уютной деревни в мегаполис. И это стало её судьбой. Способность управлять людскими потоками она открыла у себя недавно. Она никак не отнеслась к этому. Её это не удивило, она этому не обрадовалась. Приняла как должное. И виновато во всём оно – одиночество. Что же это такое? Оно среднего рода, бестелесное существо, с длинными, прозрачными, водянистыми пальцами-щупальцами, которые любят проникать человеку в спинной мозг. А в мегаполисе её пальцы-щупальца – тени.

В городе в сумеречное время залегают тени жилых домов, административных зданий, торговых центров, памятников. Это и есть тени того самого одиночества, которым пугают людей. Хотя и зря. Одиночество спасает многих людей от суицида, оно спасает брошенных женщин и мужчин. Одиночество не как отторжение себя от людей, а как спасение себя от людей, от их косых взглядов и злых суждений. Себя как личности, как субъекта неприкосновенного, природного и духовного существа, для которого общение с себе подобными мучительно и несёт гибель. Чтобы остаться личностью, лучше быть в одиночестве.

Когда вечер переходит в ночь, почти незаметно, но всё же угадывается некая грань – это и есть его время, время одиночества. В это время люди, выбравшие одиночество как образ жизни, испытывают смутное чувство неги, удовольствия. Они чувствуют, что выбранное ими одиночество – единственное, что для них приемлемо, и только в одиночестве они могут выжить в этой стране и в это время. И снова возникает вопрос, как много раз прежде: так что же оно такое, это одиночество? Бесполое ли оно и бестелесное? Или это только сгусток энергии, защищающий брошенных женщин и мужчин. Защищает и даёт время подумать, что же для них лучше – оправившись от потери родного и любимого человека, остаться и дальше жить в одиночестве или найти другого человека и обзавестись семьёй...

А может, одиночество – это право на жизнь человеку, который хочет быть один, не создавать семью, не рожать детей, а просто жить и предаваться размышлениям о сути и смысле жизни? Ведь не все созданы для того, чтобы создавать семьи и рожать детей. Для многих одиночество является спасением и единственной возможностью жить полноценно.

Так значит, одиночество – благо для определённых людей? Не для всех, да, но для многих. А что же города, разве не нарушают они людского одиночества? Это ведь не деревушки, где жители стараются обязательно знать, чем жив и жив ли вообще сосед, где каждый человек на вес золота, и порой смерть одного становится трагедией, которая влечёт за собой умирание всей деревни. А в мегаполисе жизнь и смерть отдельного человека не значит ничего. Жизнь обесценена. И только одиночество объединяет большую часть жителей мегаполиса. Одиночество спасает людей, оно как светлая тень рас-

простёрло над городом свою энергию, и многие находят его именно в мегаполисах, и это спасает их. Они живы и успешны благодаря одиночеству. Благодаря одиночеству растут города и всё больше приезжает людей из провинции, ища и обретая здесь одиночество.

Женщина обратила внимание на девушку, которая шла по широкой улице. Она недавно приехала в столицу из далёкой провинции, ей повезло с работой, и квартиру она сняла недорого. Повезло во всём. Она много ходила по центру мегаполиса, часами блуждала, переходя с площади на площадь. Гуляла, напивалась городом и своей неузнаваемостью. С ней никто не здоровался, никто её не узнавал. Не спрашивали, как у неё дела и что она собирается делать после школы. Никто не лез ей в душу. Она сливалась с потоком людей. Всем было безразлично, кто она, кто её родители, где она сейчас находится и как к этому относится её мама. Всем было всё равно. Можно было вести разговор только с городом.

– Каждый день какое-то количество людей исчезает из города, их хоронят... Кто же занимает их места? Они ведь жили, чувствовали, мыслили в городе. Как же город прощается с людьми? Как город потом живёт без них? Люди уходят...

Хороший город должен оплакивать умерших, как и их родственники. Город с кирпичными домами и керамическими бульварами. Город без жителей умрёт так же, как и деревня. Значит, смерть человека – потеря и для города тоже. Нет... Их слишком много в мегаполисе, людей, и они быстро заменяются другими.

Просто мне хочется... если со мной что-то случится и моя душа покинет тело... чтобы и город уронил слезинку-другую... Или хотя бы пожалел меня. Или пусть просто серая тучка проплыла бы над городом, чтобы он вспомнил, как я гуляла по его центру, по бульварам и площадям... Именно я, не коренные горожане, а я, приезжая из далёкой провинции. Потому что я почувствовала этот город, почувствовала его душу. Где таится душа города? На парадных площадях или в коммуналках окраины? Столица – это не только богатые кварталы, лимузины и иномарки... Это и кривые улочки со старыми домами, где доживают свой век люди, которые знают об истории города столько, сколько и он сам о себе не знает. Эти люди являются хранителями его историй. Когда они уйдут, город обеднеет, а пришлые не восполнят эту утрату.

Так значит, всё-таки человек не такой уж и типичный, наоборот, он оригинален? И все люди состоят из неповторимых, очень разных черт? Как эта вот женщина, которая может изменить движение толпы и отправить её совсем в другую сторону. Она может повелевать толпой людей. Одиноким людям иногда кажется, что они могут повелевать миром. Что они сильны даже мыслью. Это одиночество. Мегаполис скрывает тайны всех одиноких людей. За толстыми стенами домов из бетона, кирпича и стекла. Он хранит их тайны и не даёт им выплёскиваться на улицы и площади. Ведь тогда придётся не только организовывать движение людей в городе, но и передвижение их тайн. А это хлопотливо. Конечно, лучше запретить и не давать выхода на свободу.

Женщине вдруг показалось, что она в толпе на площади трёх вокзалов увидела то самое одиночество. Оно было совсем не таким, каким она могла представить. Одиночество было другое... Оно было похоже на добрую сестру-подружку. И это было одиночество конкретной женщины, которая обнаружила в себе способности повелевать толпой.

Лариса
НЕПОВИННЫХ

ПОД КРЫЛОМ НЕБЕС

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Деревенька моя с пряным запахом скошенных трав,
Разморённая зноем, с дорогой, разбитою в пыль.
Заливные луга средь тенистых прибрежных дубрав,
На равнинах степей горько пахнет седая полынь.

Деревенька моя. По весне соловьиная трель,
И черёмухи цвет над Медведицей быстрой плывёт.
Летний вечер душистый в лугах мягко стелет постель
И уносит куда-то весь груз бесконечных забот.

Деревенька моя. На окраине старенький дом,
И сияет над ней коромысло алмазное звёзд.
И вечерний туман, низко стелющийся над прудом,
И под утро трава вся в серебряных капельках рос.

Деревенька моя. Золотит купол церкви закат,
Отраженье плывёт по прозрачной до донца воде...
Потихоньку стареет, ветшает деревня моя,
На просторах Руси затерялась она невесть где...

СТАРАЯ ПРИСТАНЬ

Лето волжские волны листают.
В путь обратный отправилось время.
Здесь тростник тихо песни слагает
Над размеренно-плавным теченьем.

Пристань волжскую заросли прячут –
Дебаркадер из прошлого века.
Проступает видение ярче,
Пароход возвращая на реку.

-
- Лариса Владимировна Неповинных родилась и живёт в Саратове. Окончила Саратовский государственный социально-экономический университет. Работает в Саратовском государственном техническом университете имени Ю.А. Гагарина. Является участником литературной студии «Голоса поколений» при Саратовском региональном отделении Союза писателей России. Стихи публиковались в международных сборниках проекта «Библиотека современной поэзии» – «Связующее слово» (2021, 2022). Финалист литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2022).

Басовито гудит над волнами,
Чёрный угольный дым расстилая.
Гладь воды под его лопастями
Разбивается, волны вздымая.

Разнеслось по окрестностям криком:
«Барин! Слышите? Барин приехал!».
Зазвенела цыганская скрипка
В вихре танцев, романсов и смеха.

Мчатся кони, и пляшут цыгане –
К нам на «Ласточке» прибыл Паратов...
Облака берега обнимают,
Где-то рядом вздыхает Саратов.

В это прошлое резко, как выстрел –
Крыльев чайчьих острые клинья.
Белой чайкою имя «Лариса»,
Тонким эхом мятежное имя.

Словно русской души отраженье –
Жажда воли, любви, поиск счастья...
Всё смывает безжалостно время,
Канут в Лету порывы и страсти...

Над широкой, раздольною Волгой
Белокрылые кружатся птицы.
Здесь листают историю волны
И баюкают старую пристань.

ЗЕМЛЯНИКА

Под крылом небес земля согрета,
Речка отражает солнца блики.
Кружится над миром запах лета –
Целая поляна земляники.

В каждой малой ягодке хранится
То, что счастье создаёт земное:
Родины заветная крупица,
Пахнущая детством и покоем.

Огоньками светится сквозь листья,
Налилась душистым соком сладким.
Хочется ей в пояс поклониться
И с собою унести украдкой.

Как подарок – маленький букетик,
Ягода, целованная Богом.
Летний день так беззаботно светел,
Земляником выстлал мне дорогу.

НЕВСКИЙ

Шумит привычно толпами людей
Гостеприимный, но усталый Невский.
Закат ещё не зажигал огней,
И вечер не задёрнул занавески.

Машины в плотный встроены поток,
Послушные сигналам светофора.
Под куполами яркими зонтов
Спешит народ нырнуть в подземки горло.

Туристов бесконечная толпа –
Здесь каждый камень многократно сфоткан.
А люди в этих вот живут домах
И плотно занавешивают окна.

Там чья-то жизнь проходит в суете,
Герань в окне сменяет детских кукол.
За вывеской парадной скрыта тень –
Обычный быт их коммунальных кухонь.

Бабулька тихо вышла на балкон,
Чтоб отдохнуть на обветшалом кресле.
Здесь промелькнула жизнь её как сон,
Под ней всегда бурлил потоком Невский.

Он видел куклы детские её,
Теперь, грустя, следит за увяданьем.
Она герань из леечки польёт,
А время снова ускоряет ход,
И вечер занавески закрывает.

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

Как ты живёшь среди вечной суеты,
Душой неспешной в души проникая?..
Мой Петербург. Ведь правда, мы на «ты»?
Хотя с тобой знакома лишь едва я.

Твой влажный воздух, мостовых гранит
Меня влюбил с той самой первой встречи.
Невы пленённой чуть суровый вид,
Атланты, небо взявшие на плечи.

Средь городов стоишь особняком,
Столичный флёр несёшь слегка богомно.
Здесь зажигали словом и стихом,
Да и штыком внедряли перемены.

На мостовых истории налёт –
Шагал по ним Есенин, Достоевский.
И видел поступь царственных особ
Паркет дворцов и твой гранитный Невский.

Здесь время словно повернуло вспять.
Струятся люди по гранитным венам.
И ощутима царственная стать
В дворцах, как прежде, гордых и надменных.

Твои непредсказуемы дожди –
О чём ты слёзы льёшь, чудесный город?
Ты с каждым гостем проживаешь жизнь,
Качая и баюкая на волнах.

МОЙ ЗАСНЕЖЕННЫЙ ГОРОД

Мой заснеженный город, ты встретил меня в январе
И, наверное, сразу вошёл в мою душу и сердце.
Под гирляндами окон, средь зданий твоих и огней
Тихо катится жизнь вслед за ярким, заснеженным детством.

Белой пряжей плетут из чугунных оград кружева
Вьюжной нитью январской привычные наши метели.
В этот лёгкий ажур каждый год наряжает зима
Геометрию взвозов и улиц твоих параллели.

Чистым снегом укутан, ты стал и светлей, и добрей,
Белизне первозданной неведомы вовсе печали.
Мой заснеженный город огнями своих фонарей
В этой белой метели с рождением меня поздравляет.

Мой заснеженный город, ты сказочно преображён,
Выступаешь над берегом волжским в фате, как невеста.
Этой снежной куделью ты мне прямо в душу вплетён,
И другого для жизни и счастья не надо мне места.

**Валерий
АРШАНСКИЙ**

АЛЬТАНКА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Журнальный вариант

*Всё меньше на земле моих друзей,
Всё больше вдов и горьких одиночеств.
Они уходят тихо из судьбы своей
В былую жизнь, в былые дни и ночи...*

Андрей Дементьев

1

Что это, спрашивается? Гранитная глыба, покрытая вековой плесенью? Каррарский мрамор со старинного купеческого надгробья? Отколовшийся кусок айсберга? Нет, нет и нет. Обычная стеновая панель толщиной.. ну, в полкирпича. И вот в ней уже половину воскресного дня с маленькими перерывами на перекур и водопой ошалевший сосед сверлит и сверлит какое-то гнездо своей зубодробительной дрелью, вызывая ответное желание открыть по нему беглый огонь из автомата или крупнокалиберного пулемёта. Если бы только он ещё был под рукой, этот пулемёт. Особенности проживания в «хрущобе» разъяснять не приходится: слышимость – почти что видимость. И вот я думаю: то ли увлечшийся ремонтом старый бобыйль хочет мне в сквозную щель затянувшийся долг протянуть, свернув купюры трубочкой, то ли слуховое окошко делает в силу прежней своей завидной профессии? Но, если прослушка, то меня проверять не следовало бы, я на всех этажах власти – человек проверенный-перепроверенный...

Но будь ты трижды неладен, бабуин с дрелью, заглушающий телевизионный репортаж на самом интересном месте, когда пошла звуковая дорожка о райском житии пижонистых миллионеров, швартующих праздничные яхты на траверзе своих дворцов, замков, гостиниц в супер-пупер курортной акватории Крас-

-
- Валерий Семёнович Аршанский родился в 1945 году в Магнитогорске Челябинской области. Вырос на Украине. С 1967 года живёт в Мичуринске. Работал журналистом, главным редактором газеты «Мичуринская правда». Возглавлял издательский дом «Тамбовская жизнь». Публиковался в журнале «Подъём», в «Тамбовском альманахе», коллективных сборниках. Автор 18 прозаических книг. Лауреат областных премий им. И. А. Гаврилова и А. К. Воронского.

ного моря, доступной лишь владельцам заводов, газет, пароходов, которая Эйлат называется. Заповедную территорию очень любят расчётливые французы, безрассудно швыряющие миллионы на ветер арабские шейхи, а ещё – хитромудрые британские магнаты, со времён Антанты готовые продать свой бизнес и самим продаться хоть чёрту, хоть дьяволу, лишь бы не иссякал банковский счёт и с тобой продолжали здороваться деловые люди известного квартала Сити. Почётным опекуном лакуны для избранных является сенатор кнессета, он же президент Тель-Авивской алмазной биржи, некто N., на перезрелых дочерях которого мечтали бы жениться многие жиголо из стран Азии, Африки и Латинской Америки, скрывая свой возраст, прежние браки, простатиты и совершенно не принимая во внимание общественное мнение. Это по его личному указанию – не подлежащему обсуждению приказу бриллиантового короля, инкогнито посещающего алмазные копи Родезии и подземные шахты Якутии, в каждый заезд на территории заповедника проводится специальная очистительная операция.

Когда за гроши нанятые местные папуасы, чьё одеяние лишь стыдливая пальмовая ветвь в паху, с утра до вечера гоняют палками, швабрами и двухпальмовым свистом засевших близ берега моря ярко-зелёных попугаев, гнусно, безумолчно, как наши вороны на свалках, перекликающихся на своём птичьём эсперанто. Расторопные портье в отелях подгоняют медлительных горничных и сами берутся быстрее расстилать в коридорах и на лестницах бесшумные ковры с ворсом, по высоте равным шкуре бурого медведя, механики переводят на бесшумный режим скоростные лифты. А вышколенные барышни на ресепшн в самых изысканных выражениях отказывают звонящим сановитым гостям в прибытии на отдых с малолетними детьми... «Пардон, месье, но дети... У нас не допускается никаких шумов, нет телевизоров и радио, все номера заняты людьми, пожелавшими хотя бы на время полностью отключиться от внешнего мира, пожить в полном безмолвии. Простите... Мы сожалеем...»

Можно себе представить, что за мощна у таких постояльцев, небожителей, именуемых в детективных романах властителями мира и действительно во многом диктующих правила игры в сферах политики и экономики по всему белу свету.

И вот на фоне всех этих загорелых, вальяжных, мускулистых мистеров-твистеров с их царствующими жёнами, таскающими на руках породистых котят с выпученными глазами или прогуливающими на поводке кровожадных бультерьеров с пеной на языке, промелькнуло до боли знакомое лицо, не изменившееся и с годами.

К отдельно стоящему кремовой окраски двухэтажному особняку с причудливыми портиками, башенками, эркерами и балконами по фасаду подкатывает отлакированный как бильярдный шар белоснежный джип, марку которого не разглядеть. Медленно пятится в сторону багажника покатый кузов, а взамен, в направлении подъезда, выставляются над капотом два крепких стальных полоза – рельсы. Миг – из дверей особняка выкатывается инвалидная коляска с улыбающимся ветру и солнцу мужчиной. Миг – и подвластные кнопке на пульте автомобильные рольганги почтительно подхватывают кресло со всадником. Ещё мгновение – и металлические руки усаживают пассажира коляски на водительское сиденье. Клаксон поёт: «Чао!», приветливо помахав рукой смуглой домоправительнице, гонщик срывается с припаркованного места, не оставляя на мозаичной плитке никаких следов и набирая крейсерскую скорость в считанные секунды. И я ахаю от изумления: это же Ян, Янчик, Януш, шорт его побери! А рукой с балкона, конеч-

но же, махала ему всевластная его богиня – Стелла! Живы, значит, живы, здоровы и успешны, мои вы дорогие? Ай да, Стелла! Ай да, Ян... Партизан Моше Даян. Так преуспел! Хотя... Кто бы сомневался...

2

Ян всегда утверждал, что мы с ним познакомились ещё сидя на горшках в детском садике. Не уверен. Но, может быть, у него память покрепче, только я этого не помню. А вот он не помнит другое: как в первом классе после уроков я трахнул его портфелем по голове за то, что он спёр у меня из-под парты и втихаря сжевал шоколадку, которую я, чуть не плача (подарок сестры на день рождения), безуспешно проискал всю большую перемену. Поражение своё Ян признал, ещё большей шоколадкой отдался... Так и подружился. Потом, как водится у всех пацанов, утром он заходил за мной в школу, после уроков топали тоже вместе, друг другу на плечи руки положив и девчонок по пути задирая. Летними вечерами до потери пульса гоняли мяч на заросшем лишайниками, кипреем и крапивой пустыре, а зимой, там же, консервную банку самодельными клюшками.

Натаскивая меня по проклятуей математике, Ян поражался той лёгкости, с которой давались мне литература и стихоплётство, позволявшие слыть малость знаменитым на школьных вечерах и в компаниях. В два счёта набрасывая любвеобильному другу посвящение, поздравление, оду на цветастой открытке, с которой он отправлялся на День ангела то к Ирине, то к Марине, я взамен получал от него безупречную домашнюю работу по алгебре, геометрии и даже тригонометрии. Тем самым точным наукам, в которых не смыслил ровным счётом ничего, разве что любуясь безупречно вычерченными треугольниками, хордами да пунктирными биссектрисами. Зато я первым в классе тянул руку на введении в предмет, тараторя, как стихи, что изучает физика, химия, алгебра, та же астрономия. А почему бы нет, если предисловие к учебнику отпечатывалось в моей голове от строчки до строчки просто фотографически. Только воспроизводи! «Садись, Россинский, пять. Ведь можешь. И дальше так учи!»

Легко сказать «дальше». Дальше шли крючковатые теоремы, совершенно непонятные извлечения корней, синусы, косинусы, секансы, косекансы, джунгли уравнений, в которых иксам что-то требовалось доказать игракам. Как когда-то из болота, так и сейчас из математической топи Ян вытягивал меня, то похваливая, когда я тараторил, чему равен квадрат суммы и квадрат разности двух чисел, то оттягивая щелбаном по лбу, когда я буксовал на простейших (для него!) задачках.

Ян, правда, в детстве из настоящего болота меня вытаскивал. Можно сказать, спасал, когда все, кто был рядом, в страхе разбежались. Не дрогнул только он. А то бы я писал эти строки... ага... с того света.

У нас с ним была одна общая тумбочка в пионерском лагере пригородного села Гребенюковка. Запихивали мы на полки – он сверху, я снизу – всё что ни попадя: измазюканные в походах рубашки, колом стоявшие носки, а ещё прятали от бдительных вожатых чесночные головки, на которые пошла дурная мода, потому что в столовке чеснок не давали и мы выменивали его у сельских пацанов за сахар-рафинад, к превеликой радости крестьянских ребятишек, справедливо считающих городских барчат полными олухами.

А в то утро, за день до конца смены, потопал наш отряд на озеро Торфяное, влечь искупаться и кийков нарезать. Эти болотные растения, дующие на полтора метра ввысь, где-то называют камышами, где-то – чижиками,

а вот у нас, в Ярмолинске, кийками. Дёрнул же меня бес полезть за самой толстой семейкой кийков к самой середине заводи, прикидывая пяток трофеев перочинным ножичком срезать, днём в лагере на солнышке высушить, а вечером у прощального костра как следует раздуть, подпалив маковку, и камыш мой даст такой фейерверк – китайцы позавидуют! И Томка Несветова одарит наконец не насмешливым, как всегда, а продолжительным, заинтересованным, уважительным взглядом...

Как же эта кочка у меня под ногой чпокнула! Как мина. Я только и успел крикнуть «бля», прежде чем стал медленно погружаться в замаскированное безобидной ряской, ехидно квакающее болото, из которого напрасно пытался выволить новенькие тапочки... Бледная, не знающая, что делать, открывала и закрывала рот, петляя по бережку, старшая пионервожатая. Беспомощно толкались около неё, как цыплята у крыла наседки, перепуганные девчонки. Зажимала в страхе рот и глаза Томка. Сухие ветки валежника – на подстилку, что ли? – собирали ничего не соображающие пацаны. И только Ян лёг на пузо и по-пластунски пополз навстречу, издали протягивая мне свой брючный ремень с матросской бляхой... Так и выползли. Причём с пяточком добытых кийков, которые я, от полноты чувств, тут же протянул готовой упасть в обморок после пережитого старшей пионервожатой. По младости лет я тогда плохо осознавал, что вполне могла стать моей последней дорогой та проклятая болотина. Но сколько же потом придётся встретить по жизни таких болотин...

Улыбаться не во весь рот, а скупое, сдержанно, по-мужски, как Джеймс Бонд, – этому я учился у Яна. Немедленно бросаться на помощь оступившемуся или поскользнувшемуся на льду старику или старушке – это во мне от Яна. Осторожно выбирать слова, предупреждая вот-вот готовую вспыхнуть драку (это когда мы уже отправлялись подвыпившей гоп-компанией в парк, на танцплощадку) тоже учился у Яна... Как это он умел, держа руки в карманах брюк, негромко обращаться к чувакам из чужого района: «В чём проблема, парни? Может, по винцу? Не надо только брать на бас, ладно?».

Чуваки пожимали плечами, переглядывались, опускали покорёженные в битвах под Ватерлоо носы и, успокаиваясь, шли в парковое кафе, чокаться на мировую, чуя неведомую силу за этим коренастым малым со смоляными кудрями и спокойным взглядом грустноватых глаз. Лучше уж правда с ним по винцу, чем бляхой по лицу. А увесистая бронзовая бляха с матросским якорем – амулет и напоминание о флотской службе папы Сёмы – угрожающе поблёскивала в отсветах бледно-жёлтой луны, давая чёткое представление о том, что будет, если отпечатается она ненароком на мягком месте противника.

Коль уж заговорили о папе Яна, то не будет преувеличением сказать, что для интеллектуальной верхушки Ярмолинска это был феномен в двух ипостасях: основной – стоматологической, на лечение к нему записывались за месяц, и побочной – шахматной, в которой он, ещё обучаясь профессии зубного врача в московском «меде», преуспел до полновесного мастера. И одно не мешало другому, поскольку турниры проводились в выходные дни, когда поликлиника оставляла в своих стенах только дежурного врача, конечно, не Семёна Матвеевича, вместе с сыном сражавшегося с утра до вечера за Ярмолинск против шахматистов из соседних городов и весей нашего чернозёмного края. Нечего удивляться тому, что и единственный отрок Липкиных быстро добрался до кандидатов в мастера, гоня на спор «вслепую» да ещё на время по пять партий с неофитами. Папины гены! Толпящиеся у доски юниора действительно знатоки матовых ловушек и неоче-

видных комбинаций единодушно сходились во мнении, что в лице этого чернявого паренька с быстрыми, смыслёнными глазёнками растёт не кто иной, как великий Таль!

Оракулы не ошибались: для Яна рижский гроссмейстер Михаил Нехамявич Таль, виртуоз цирковых представлений на чёрно-белых клетках, которому восхищённые зрители скандировали на проводимых им в спортивных залах сеансах: «Та-аль, по-жерт-вуй!», в самом деле был кумир. Идол. Религия. Икона. Непокколебимый авторитет. Как для его папы Сёмы – Ботвинник.

Ян звал меня с собой в Сочи на летние каникулы после девятого класса. А у меня в то время завязался такой страстный лямур с пухлогубой комсомолкой Томочкой, что я, и как меня зовут, позабыл. Какой там юг, какие Сочи, какое море, когда у Томки пустует дача, из свидетелей наших безумных встреч и объятий в хорошо знакомом селе Гребенюковка – только бельмастый кот Нельсон и пегая дворняга Альма, которые ни за что не выдадут, потому что сами грешные.

А Янчик тем временем уломал предков, и они отпустили его одного в южный город пальм, магнолий и платанов, где открывался грандиозный международный шахматный турнир с участием всех звёзд – мужчин и женщин, днём и ночью поклоняющихся богине шахмат – Каиссе.

– Представляешь, Борька, какой цвет собрался в «Жемчужине»! Они все там жили, там же играли, – полыхали от свежих воспоминаний щёки моего друга. – Вход платный, но для участников одновременной игры – за половину. А меня там бати флотский дружок пригрел, электрик в гостинице. Я с утра рабочий фартук на себя накину, кепарь на уши натяну, в руках разноска с инструментом – чем не ученик электромонтёра? «Проходите, братцы, у нас на третьем этаже люминесцентные лампы не горят...»

Отмахиваясь, как от несущественных, от других бытовых вопросов – где ночевал, что ел, что пил, – Ян упорно возвращался к главному – дух захватывающим поединкам под десятками разноцветных флагов, зазывно трепыхающихся в порывах морского бриза у парадного входа в сочинский отель.

– Я на пляже у одного пузана журнальчик «64» стибрил, он им всё равно только от мут отмахивался, – лолая арбуз с таким наслаждением, что позабывал бы и Гаргантюа, признавался Ян. – Открываю первую страницу – ничего себе: как раз анализ новой «Сициалинки» челябинского гросса Евгения Свешникова, лучшего корефана в этой защите. И вот он сам: я – нырь к нему, мол, вот журнальчик, вот он я, ваш поклонник, подпишите, пожалуйста. Свешников обе руки поднял: «Только после партии, молодой человек, раньше – плохая примета...» А когда там после партии, если к участникам без пропусков на этажи не пускают, а он, вижу, какой-то даме в зале машет после игры, показывает, как к нему пройти... На фиг там я ему сдался?

Сочувственно выслушав и мои откровения о Томке, Ян сокрушённо помотал головой: ну ты и влип... После долгого молчания, вздохов и раздумий он поднял наконец на меня сливовые свои очи, вздохнул: «Других вариантов, конечно, не было»? – «Если только жениться...» – «Я понял. Действительно. Ну... Давай дорасскажу, и пойдём к Томке. Есть у меня монта, купим ей на базаре дыню, арбузик, виноград, надо поддержать девчонку!»

Ян! А мне это и в балду не пришло. Янчик!

Теперь я готов был хоть до утра слушать переполнявшие шахматиста излияния.

– Боря, а не пора ли нам выбирать уже своё направление в жизни? – вдруг посерьёзнев, отобрал у меня изо рта и растоптал окурочек Ян. – Скоро нашей школе привет, родители над головой зонтик держать не будут. И куда

мы с тобой? Ты думал? Я хочу подналечь на языки, накопил вон десяток словарей, парюсь, стараюсь. Правда, ещё не решил – или в институт иностранных языков идти, или в архитектурный. «Сказав слипый: побачимо!» Пока обдумываю. Но инглиш, дойч, франсе – согласись, везде будут нужны. А я ещё и мамбо итальяно в довесок прихватил, буду зубать по самоучителю. Есть у меня, Боренька, одна мысля, но о ней опосля... Сбацаем твист, боцман Боб? «Эй, мамбо! Мамбо итальяно, бэпс, тудэй!» Знаешь, Борька, перевод, нет? Слушай:

*Эй, тупица, тебе не нужно ходить в школу,
Просто делай это с большой девочкой,
Что, как вино, с годами лучше.
Малышка, ты симпатичная,
Но ты не знаешь, как соблазнить, пока...*

– Эй, мамбо, итальянское мамбо, согласись, майн фройнд, шикарный танец, лучше, чем тарантелла и твист! – экспромтом выдумывая речитатив, приплясывал, по-стильному вихляя корпусом, и давил носками остроносых туфель воображаемые окурки гроссмейстер и будущий архитектор Ян Семёнович Липкин.

Действительно, майн фройнд. Большой человек из маленького, утопающего в вересковой роще городка Ярмолинска, сбегającego улицами и переулками к речке Золотинке – петляющей меж лугов и трав своенравной речушке, где четыре века назад дерзкой крепостцой против набегов диких племён и возник наш городок, один из разряда тех городков, без которых не представить теперь всю нашу громадную Россию.

3

Я приходил к нему на Пушкинскую со своей Красногвардейской. И Ян, пока вскипал на газовой плите закопчённый, как и вся их посуда, когда-то белый эмалированный чайник (мама Сима, вечно озабоченная состоянием своего здоровья, целыми днями шастающая по врачам, та ещё была хозяйка...), заставлял меня экзаменовать его по «дойче шпрахе», подсовывая очередную шрифтовую заметочку.

Он шарил текст наизусть, я сверял точность воспроизведения с гэдэ-эровской газеткой, восторженно рассказывающей о знаменитом двадцатом съезде партии: «Дер цвайцигсте партайтаг дер КПДСУ тагте ин Москау фом фирценте бис цум фюнфундцванцигсте фебруар нойнцен хундерт зекс унд фюнфцихь. Дизер партайстаг вар айн эрайгнисс фон вельтгисторише бедой-тунг, дарум эр цайгте фом аллем дас дас Зовьетфольк фом социализмус бис цум коммунизмус юбергейт!»

Ян, как из пулемёта выпалив всю эту абракадабру, и я, терпеливо дослушав, смеялись до хрипа и долго баловались чайком с шоколадками, предусмотрительно налив в стаканы по четверть кубинского рома, извлечённого из неиссякаемых запасов Семёна Матвеевича, отзычивого на подарки благодарных ярмолинцев, фантазия которых дальше спиртного и конфет не распространялась. (В том, что такая традиция присуща далеко не одним ярмолинцам, довелось убедиться с годами, побывав... ой, да где только не побывав!)

Послушные слуги партии, адъютанты ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ – «правды», «известия», «труды», «комсомолки», обгоняя друг друга, воспевали разоблачение двадцатым съез-

дом «Der KPDSU» культа личности насколько умного и пронизательного, настолько жестокого и беспощадного одного кровожадного тирана, тридцать лет правящего неизмеримо талантливой, прекрасной, но несчастной конгломерацией из шестнадцати союзных республик, чтобы тут же перейти к словословию иного верного ленинца – из той же сталинской когорты, – дорогого и любимого, как его величали беспринципные лизоблюды, бородавчатого генсека (нет, тогда он ещё назывался Первым секретарём), трижды героя Никиты Сергеевича Хрущёва, повинного в очень и очень многих бедах народных с довоенных времён, когда без сожаления подмахивал расстрельные списки на Украине и в Москве. Разъезжая по просторам СССР, принимая в дар где тибетейку, где чапан, где пастуший кнут, главный кукурузовод страны привычно размахивал кулаками, на чём свет стоит костерил проклятых империалистов, обещал всей Америке показать кузькину мать, а своему народу обещал «юбергейт», то бишь переход в течение ближайших двадцати годков от «социализмы к коммунизму» – как он выговаривал. Правда, на всякий случай, хитрый лис оговаривался: если не будет военных действий. А когда их не было?

Уже назревал карибский кризис, и великий азербайджанец Муслим Магомаев, энергично выбрасывая балетные руки к залу, пел: «Куба, любовь моя, Патриа а муэрте, так говорит вдохновенно Фидель: «Родина или смерть!». Евгений Евтушенко, находясь под неизгладимым впечатлением недавней встречи с главным барбудос Кубы – Фиделем Кастро, торопливо вставлял в свою новую поэму строки про Остров зари багровой: «И как бы мог любить я Кубу, её оливковую куртку, её деревья и дома, когда бы нежно и кристально я, как Есенин мать-крестьянку, не обожал тебя, зима!». Министр обороны Родион Яковлевич Малиновский срочно снаряжал караваны торговых судов с баллистическими ракетами, ховая их в трюмах и приказывая командирам на всём протяжении морского пути от Херсона до Гаваны выгонять на палубы мирных садоводов, пчеловодов, овощеводов – то бишь переодетых в сугубо гражданское платье солдат и офицеров-ракетчиков. Так было нужно для введения в заблуждение американских разведчиков, ведущих фото- и киносъёмки с вертолётов, постоянно зависая над нашими судами, где советские крестьяне играют на палубе то в теннис, то в футбол, то в волейбол...

Легальная версия была такова: по настоятельной просьбе кубинских сельхозпроизводителей к ним едут консультантами опытные советские товарищи, профессиональные земледельцы, полеводы, животноводы учить, как правильно коров доить, как мелкий домашний скот выращивать... на тростниковых и табачных плантациях... Конспирология, конечно, обхохочешься, для умственно отсталых. Скептически настроенная к лысому хмырю – по-иному она его не называла – мамуля, выслушав очередную сводку радионовостей, сплёвывала через левое плечо: «Опять Никита наобещал сорок бочек арестантов! Мало нам было комбижира, теперь он ещё маргусалин какой-то придумал, который не тлеет, не горит. Чтоб ты уж сам угорел со своими талонами, лысый хмырь!»

Ян переворачивает одну, другую, третью страницы своего самодельного блокнота, куда вклеены разномастные заметочки на разных языках и куда вписаны наиболее трудные для произношения слова на свистящем английском, мелодичном итальянском, лающем немецком, гундосом французском... Наконец находит то, что искал.

«Вот ещё одна, последняя, сверяй!» И друг мой чешет по-дикторски хроннику из «Берлинер цайтунг»: «Der Patriarch von Mosrau und ganz Russland,

Alexiy11, hat die Deutschen um Vergebung dafür gebeten, dass das totalitäre Regime, das nach 1945 in Ostdeutsch vielen Menschen Leid gebracht habe, aus seinem Land gekommen sein...» Хотя бы в одном словечке сбился этот долбачер! Нет, всё чётко, как по-писаному излагает приезд Патриарха Московского и Всея Руси Алексия в обрадовавшийся его визиту Берлин...

И я думаю: конечно, Яна ждёт военный институт иностранных языков, где готовят классных переводчиков, военных атташе, а там, глядишь, и... как там поётся в той песенке: «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино...» Разведчик он и есть артист, да ещё какой. Ян, с его феноменальной памятью, обаянием и наблюдательностью, вполне мог бы сменить Рудольфа Абея на невидимом фронте. Вот только английский подучит как следует... Я искоса поглядываю на Яна, а он, словно читая мои мысли, погрузился в созерцание моей физиономии. И в свою очередь на нас обоих без особого интереса взирают резвые разноцветные рыбёшки, жадно хватающие нежными, будто поролоновыми губёшками сухой аквариумный корм – дафний, хлопья, порошок, палочки, пластинки – и вновь шмыгающие в потаённые норы, размером чуть ли не с игольное ушко, куда только и могут протиснуться миниатюрные петушки, ляпиусы, гурами... Любуясь ими, я аккуратненько поправляю длинной вязальной спицей изумрудные водоросли, закрывающие гроты из ракушек, поправляю покрытые патиной времени галечные камешки, привезённые родителями Яна с черноморского побережья Крыма.

Я потом уже, задним числом вспоминал пытливый взгляд Яна, разделявший моё любование аквариумной жизнью – тихой, размеренной, благополучной, где каждая рыбка сама по себе, и нет над ней никаких начальников, и сама она не чувствует себя подчинённой. Классно! Но что же сотворил мой дорогой корешок, чем порадовал меня на семнадцатилетие, свершившееся аккурат (спасибо, мама!) в Международный женский день. Вначале я услышал несвойственный тихому нашему закоулку шум мотора и какое-то пыхтение, полужнакомые мужские голоса. А выглянув, увидел липкинский мотороллер «Вятка» с кузовком – был тогда в ходу такой трёхколёсный гибрид велосипеда-мотопада – мотоцикла, производства Полянского машиностроительного завода, удачно скопированный с итальянской модели «Vespa», недостижимой для нашей семьи стоимостью 320 рублей... Дядя Сёма отчаянно гонял на нём в свою стоматологическую поликлинику и на дачу, не считаясь с ухабами и мелким гравием на дорогах, зная, что все технические премудрости – замену то и дело прогорающей прокладки между картером и цилиндром, своевременную заливку бензина и смену масла, а равно – подтяжку гаек, мытьё и смазку – произведёт добрый доктор Айболит, в смысле, сынок Янчик. В награду папа доверял отроку это чудо-юдо на весь воскресный день, пока стоматолог будет в своём кабинете шлифовать фиксы и вставные челюсти для страждущей части населения Ярмолинска. К вечеру спидометр «мотика» придётся перекручивать в обратную сторону, чтобы добрый папа не догадался, как далеко заносило его «Вятку», в общем-то не предназначенную для многокилометровых путешествий. Но не играть же здоровенным лбам в детских песочницах, когда на свете есть рыбалка, шашлык в лесу и само озеро Торфяное, сказочное по красоте, облюбованное для рисования взрослыми художниками и ребятами из детской художественной школы.

Итак, «Вятка», трубно прочихавшись, застопорила свой бег. Из распахнутого кузова мотороллера, чертыхаясь, отряхивая на себе какое-то сено, солому, паутину, птичьё перья, выбрался на свет божий Ян. И оба Липкина, загадочно улыбаясь, заговорщицки переглядываясь, бережно подняли,

подхватили и, отогнав любопытствующую бабу Варю, потащили в наш дом закрытый, точнее, завёрнутый в старый медицинский халат какой-то огромный ящик, вроде как из-под макарон. Мне велели отвернуться, не подглядывать. И, к изумлению моему, сестры и мамы, открыв клапаны, представили взору... бесподобной красоты аквариум. Заполненное прозрачной водой заветное рыбье царство, в котором, осваиваясь с новой обстановкой, беспокойно нарезали спринтерские и стайерские дистанции длиннорылый свинорыл с пунцовыми бантиками на плавниках, кошачий сомик – рыбка без чешуи, краснозубый спинорог с малиновым ротиком и алыми зубками... Сбылось! Не в двенадцать лет, как у Яна, но и в семнадцать не поздно получить такое богатство!

Дядя Сёма, обцеловав ручки моим дамам – сестре и маме, тысячу раз извинился: «Представляете, я вплоть до Дальнего Востока друзей своих обзвонил – ни у кого нет отечественных композитных материалов. Смешно: карликовое княжество Лихтенштейн их выпускает, а мы – страна космоса – не можем. Нужно срочно ехать в Москву, к барыгам, иначе для ярмолинцев вставить зубы будет стоить дороже чугунного моста».

Вновь всхлип бежевой «божьей коровки» – и мотороллер по нашей Красногвардейской потёк, как убежавший из яичницы недожаренный желток, за углом прощально посигналив обтрёпанной кошке-токсикоманке, балдевшей у раструба глушителя «Вятки», вдыхая запах бензиновой гари.

Родичи мои, наказав мне и Яну вести себя по-хозяйски, радушно, отправились в кино смотреть любимую Гурченко. А мы в ожидании гостей-одноклассников расставили шахматы и потихоньку отщипывали крошки фирменного изделия моих домашних старательниц – торта «Наполеон».

Врывались в дом, постукивая открытой форточкой, порывы шального мартовского ветра. С лёгким шипением просаживались на солнце кучугуры (по-вашему – сугробы) тающего снега. Уличная переключка разносилась как на реке – звонко, чётко, вплоть до запятой. Необыкновенно прекрасен был этот напоённый тысячевольтным небесным светом день полужимы-полувесны, приведший в броуновское движение даже мои – теперь уже мои – рыбные косяки. А через дорогу напротив, у пивного шалмана с названием кратким «Хмель», гудела и толкалась развесёлая компания, с утра хорошо отметившая приход Восьмого марта. И школьная наша гардеробщица – огромная, как шкаф, тётя Варя, подхватив под ручку товарку – худющую дворничиху, распевала с ней во всю мочь то ли самолично изобретённое, то ли где-то в торговых рядах услышанное:

*Вышла б замуж за Хрущёва,
Да боюсь я одного:
Говорят, что вместо ...
Кукуруза у него.*

Толпа угорала со смеху, требуя продолжения банкета. К радости грузчиков, возчиков, случайных прохожих, за подругами дело не стало: что бы и в самом деле не потешить православных в такой славный денёк! И – эх-х, какую дробь выдали на асфальте каблочки самодеятельных артисток:

*Показала Зойка в койке
Новое движение.
Я подумал – перестройка –
Вышло ускорение...*

И вновь корчилась в пароксизмах истошного смеха пёстрая, невзыскательная, зато добродушно настроенная к сцене, себе и миру разночинная публика нашей окраины, её самого что ни на есть Пролетарского района, где если уж поют, так до слезы, если пьют, так до бузы...

С тех пор мне сколько раз думалось о том, что вот кардинально меняется время, сдвигаются горы, мелеют реки в Европе, от Урала до Португалии, но набухают в Сибири и так полноводные реки. Оползают, подтаивая, антарктические айсберги и ветры выдувают причудливые отверстия в базальтовых скалах Египта и Афганистана. А «Две девчонки, девчонки, девчонки на палубе под баян будут вальс танцевать!» Им хоть бы что. Меняются в стране генсеки? Кто-то из них, вопреки диалектическому материализму, требующему уважения к историческим традициям, настаивает на повальной трезвости? Да ради Бога! Непобедимый реформами и перестройками народ и на вынужденную смену декораций откликнется так, как он это может.

*В шесть часов поёт петух,
В восемь – Пугачёва.
Магазин закрыт до двух,
Ключ у Горбачёва.*

– Записывай или запоминай, Борька, станешь писателем – ух, как пригодится, зуб даю! – большим пальцем правой руки фигурально «вырывает» у себя зуб единственный сын дантиста.

И я перелистываю сегодня когда-то наспех начириканные, но, слава Богу, сохранившиеся записочки позабытого времени:

– А у нас сегодня дождь. А у вас?
– А у нас в отставке вождь. Это раз.
– А у нас сегодня кошка
*Родила троих котят,
Их Хрущёв собрал в лукошко,
Хочет вырастить телят.*

И громыхающий бас мужа тёти Вари, колхозного тракториста, притоптывающего кирзовыми чёботами и прихлопывающего огромными ладошками в такт:

*Я работал на быках,
Опосля – на дизеле,
Ни копы не заработал,
А куфайку сп...ли!*

И под эту прекрасную частушку вваливаются в мой дом всё слышавшие, а потому сгибающиеся от хохота парни и девчонки. Дорогой мой десятый класс! И моё солнышко – Томуля!

4

Какие бы мы с Яном ни вынашивали стратегические и тактические планы, как ни старались попасть на службу в один полк, роту, взвод – нас успокои-

ли только на призывной комиссии – сказали, да, да, конечно, ну что вы, обязательно командованием будут учтены пожелания земляков, тем более таких толковых ребят, как вы. Думаете, мы газеты не читаем, о ваших успехах на турнирах и олимпиадах не знаем?

А на самом деле, едва мы успели пожать друг другу руки перед посадкой в разные автобусы, как все тут же кинулись выполнять зычный приказ: «Слушай мою команду!» зятянутого в струнку подполковника, чётко распределявшего маршруты в четыре стороны света. Янчик попал в какое-то предместье украинского «миста» Овруч, где нахватался чирьев и простуд после прохождения месячного карантина в брезентовых палатках. А в первое утро после лазарета как раз выпало принятие присяги с автоматом в руках на полковом построении под знаменем части, в обед – праздничный винегрет и компот вдобавок к постылым щам и перловой каше. На другой день – ни к чему не обязывающие учебные стрельбы – лишь бы салаги преодолели в себе нервную дрожь от ощущения «калашей» в руках. Хотя каких там «Калашниковых», автомат салабонам полагался один на весь взвод только в час принятия присяги, а так в пирамиде стоит записанный за тобой карабин, вот и пуляй из него на стрельбище в белый свет, как в копеечку, из этого СКС – семизарядного карабина Симонова. Пиши письма родным и близким на политзанятиях, пустых, как те самые щи без мяса. Стой у казарменной тумбочки дневальным. Отправляйся на пост караульным.. Так и втягиваешься в солдатскую службу.

Месяца через три-четыре письма от Яна приходили уже с обратным адресом из Житомира. Он и начал свои новости впечатлениями от коллективного похода роты новобранцев в музей Королёва. На родине главного генерального конструктора космических кораблей стояла ракетная часть моего друга, и он изо всех сил пробивался во взвод управления, где мозги у персонала не чета призванным из глухих аулов сослуживцам, с которыми можно говорить только об асидоле, которым драишь бляху, гуталине для чистки сапог и материи на подворотничок. Слава Богу, попал!

И теперь, после дней и недель уныния и скорби, Ян в каждом своём «треугольнике» без марки, но с указанием номера полевой почты, хохмил, острил, приглашал создать совместно сатирическую пьесу. Он уже и роли распределил. Любимый старшина, замучивший первогодков двухкилометровым бегом в любую погоду на утренней физзарядке и лыжными гонками по выходным, будет горластым директором ВНИИ химических удобрений и ядов («Прочти, Борька, сокращение по заглавным буквам», – призывала смеющаяся рожица). Личный секретарь босса – грудастая Ариадна Вайсбейн (так Ян отыгрался на обманщице-председательше призывной комиссии, обещавшей нам службу в одном взводе), комендант ВНИИ, процентщица Жулькова (памятливый друг мой, раздавая литературные долги, не забыл и сдиравшую с людей три шкуры за несчастье гинекологиню), а охранник на турникете – тот самый мой сосед с дрелю в одной руке и наушниками в другой. Его Янчик наделил чудной фамилией – Перетятыкин. Уж я не знаю, кого он имел в виду.

Своими письмами Ян как мог поддерживал мой тонус, потому что первые месяцы службы и мне казались просто адом, и я готов был выть по ночам на криворогий месяц или недоношенную луну от отчаяния и тоски. Надо же, угодил, поэт: рота аэродромной охраны тяжёлых бомбардировщиков на стратегической линии Красный Кут – Астрахань, где через день – на ремень, через два – на кухню.

Ян, всё же сумевший пробиться в планшетисты взвода управления, продолжал развлекать меня то от имени саудовского монарха Абдалла Бен

Абдель Азиз Аль Сауд (до сих пор храню порыжелые письма друга), то, называясь королём какого-то Непала – Махендра Бир Бикрам Шах Дева, прибывшего с визитом в Москву со своей супругой Ратной Раджией Лакшми Деви Шах... А я считал за удачу избавиться хотя бы на недельку от проклятого тулупа и валенок караульного, чтобы протопать с ребятами по плацу перед вечерней поверкой, выпевая строевую.

Избавление подсказал «старик» – Жора Ренгевич, до армии футболист динамовского дубля, которого я прикрыл, когда он под утро еле пролез под забором с колючей проволокой, будучи всё ещё пьяным, в солдатской форме, сапогах, но в фетровой шляпе вместо пилотки, которой он махнулся с каким-то штатским – таким же выпивохой, проважавшим полузащитника из самоволки до самого забора.

В ночь моего дневальства казарму проверял самый лютый дежурный по части, вдруг обнаруживший пустую койку.

– Где? – ткнул он пальцем в хорошо заправленное одеяло.

«Матросы затаили все дыханье», не зная, как я – молодняк, салага, салабон – выкручусь, не сдам «старика» в лапы правосудия. Бог Янус меня осенил!

– В госпитале, товарищ майор. Подозрение на аппендицит. Оставили на обследование.

– Проверю! – хищно дыхнул в мою сторону витязь в тигровой шкуре – майор Челидзе.

Ах, если бы он слышал в эти минуты беззвучные, но бурные, продолжительные аплодисменты, которыми осыпали меня притаившиеся на своих шконках однополчане, дивясь стойке и выдержке первогодка, форменного салаги, черпака. А я знал: это во мне Липкина школа, переданное им увлечение йогой, её наставления: в любой обстановке оставайся спокойным, мудрым, выдержанным, не теряй хладнокровия.

Вот она, мудрость йоги, и выручила в роковой момент. Чем я рисковал? Да ничем. «Мне сказали по телефону, что ефрейтор Ренгевич заболел, находится в госпитале, я вам это и доложил. А кто сказал? Не могу знать, товарищ майор, не представились».

Спасла индийская наука и отчисленного из динамовской команды за пьянку футболиста Ренгевича, который за три года службы добрую треть провёл на «губе». А теперь, перед дембелем, по совокупности проступков ему бы точно светили выездной трибунал и штрафной батальон, с отбыванием назначенных пары лет где-нибудь в болотах Белоруссии. Знали мы в солдатских кругах о таком «райском» местечке: Масюковщина. Где птицы не поют, деревья не растут... Дальше – по тексту песни.

Жора, похмельно икая и разминая в руках новую пилотку, благосклонно подаренную ему каптенармусом взамен гражданского головного убора, наставлял: «Не будь поцем, понял? Ты вроде малый с головой, вот и поговори сначала с комсомольцем нашим, а потом с замполитом, умираю, мол, страсть как хочу вступить в партию. А билет получишь – в штаб двинут, я знаю».

Стариков нужно слушать. Я поговорил с заместителем командира полка по комсомолу, вечно куда-то спешащим Лёней, заручился его рекомендацией, пообещав – по бартеру – оставшиеся два года службы ежемесячно выпускать стенную газету «На страже!» После отчётного концерта солдатской самодеятельности, где прослезилась жена замполита, слушая в моём исполнении стихи Есенина, можно было смело подходить за рекомендацией и к её мужу, подполковнику Гришину, чей влиятельный родич, как сплетни-

чали другие наши офицеры, тот самый всемогущий московский Гришин, способный дать квартиру свояку в самом центре столицы, с видом на Кремлёвские звёзды. (Поговаривали, дал-таки.) Бог с ними, дал не дал, мне какое дело, мне там не жить. Главное, замполит относился ко мне по-отечески, ласково наставляя: «И утром, ото сна восстав, читай усиленно устав». Он имел в виду не только устав строевой службы, который нам впендюривали для изучения и запоминания на каждом политзанятии командиры-политработники, а Устав Коммунистической партии Советского Союза, лично им принародно подаренный мне в Ленинской комнате. Где Жора Ренгевич, капитанармус и ещё пара дембелей яростно грохали пластинками домино, матерясь при каждой «рыбе» так, что Ильич на стене вздрагивал.

– Как ваше мнение, товарищи старослужащие, не подведёт наш полк молодой кандидат? – счёл нужным посоветоваться с опытными бойцами замполит.

– Никак нет, «товщ пдплкн»! – не совсем понимая, в чём дело, вытянулся в струнку подобострастный распределитель банного богатства – кальсон, нательных рубаш, постельного белья, рогожных мочалок и хозяйственного мыла – каптёрщик – закарпатец Любомир Мыцко, для которого и старшина был богом. А тут – аж две звезды на погонах. Да большие!

– Вас, Ренгевич, я не спрашиваю, вы кому угодно нахамите...

– Исправляюсь, Владимир Вячеславович, – совсем по-братски заулыбался Жора, вызвав у нас оторопь и онемение членов: с подполковником, замполитом – по имени-отчеству... – Воспитываю молодых, так сказать...

Вот есть, видимо, везде такие Жоры, которым всё прощается, даже то, что никогда не прощается никому другому. Замполит вяло махнул рукой в его сторону, вздохнул, велел пошире открыть форточки, чтобы выветрить застоявшийся дым: «Кто вам вообще разрешил курить в Ленинской комнате? Дежурный! Два наряда вне очереди! Доложите своему командиру. Полное безобразие!»

И подполковник Гришин валяжно отбыл из казармы, сопровождаемый понурившимся дежурным по роте, ни за что ни про что отхватившим чувствительное наказание (прощай теперь, два воскресенья, а с ними – кино, эскимо, назначенные свидания с девочками). Скорее бы уж валили отсюда эти дембелы, считающие дни до Приказа!

Утром, ото сна восстав, тужась, простите, в том самом месте, куда и царь пешком ходил, я заучивал постулаты подаренной мне замполитом брошюры Политиздата: «Коммунистическая партия Советского Союза есть боевой испытанный авангард советского народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР». Так грамотно и чётко всё изложено, не придерёшься. Странно только, почему во время знаменитого путча в нашем Ярмолинске, да и по всей губернии, где, как хвалились, насчитывалось 98 тысяч членов наиболее сознательной части общества, никто из коммунистов не вышел на её защиту. Развал, разгром, разоружение КПСС восприняли как должное, равнодушно зевнув и перевернув прочитанную страничку.

Но так будет и «сто лет» спустя. А тогда молодого кандидата, с блеском ответившего на все вопросы выездной партийной комиссии – «Кто живёт в Китае? Куда впадает Волга? Что едят лошади?» – перевели в телефонно-телеграфное отделение, где в смену работали три вольнонаёмные барышни, дочери и племянницы полкового начальства, не поступившие летом в институты, и две презрелые тётки – жёны городских бонз, скучавшие без дела,

пока их мужья проводили свои бесчисленные собрания – заседания – активы – съезды – пленумы. А тут хоть посплетничать можно, душу отвести.

Конечно, я утаивал в письмах к Томке ненужные для неё подробности, а то моя шальная императрица примчалась бы и сюда, в закрытый военный городок, наводит порядок. С неё станется. А я, пижонясь, покорял доверчивых девиц своими кроссвордными знаниями, переданными Яном, например, о том (когда зашла речь о романах Дюма), как звали – не мушкетёров, нет, это всем известно – слуг мушкетёров? Барышни смущённо потупляли взоры. А я колбасил: «У самого толстого, как майор Челидзе, Портоса, (ой, хи-хи, ха-ха) слугу звали Мушкетон. Так? У красавчика Арамиса («Ой, девчонки, правда, красавчик, не помните, кто его играл? Ефремов? Ты чё, Ефремов... Скажи ещё Кобзон. Игорь Старыгин – вот кто! Ах, да, он, Игорёк...») был Базен. У Атоса кто? Правильно, не стесняйтесь, называйте – Гримо. А у Дартаньяна? Кто первым назовёт – поцелую в щёчку... Молчите? Эстет – так его назвал сам Дюма – эстет Планше!

Это я им ещё не пудрил мозги своими глубокими познаниями о жизни монархической династии короля Непала. А ведь он, стервец этакий, вначале, как известно, родил со своей очаровательной Раджией трёх сыновей – Бирендра, Гьянендра, Дхикендра, затем трёх дочерей – Шанти, Шараду, Шадху. А когда безжалостная судьба обрекла несчастную супругу короля покинуть белый свет, глава Непала – Махендра Бир Бикрам – женился на младшей сестре усопшей – Индре – взяв с неё обет оставаться бездетной. (Видимо, у новой первой леди под рукой всегда была своя мадам Жулькова.)

5

– Живы? Живы, чёртушки, живы! – хлопал нас по плечам вновь возникший после вчерашней затяжной гулянки в вокзальном ресторане некий матрос Железняк, как он сам себя называл.

Действительно, он был матрос, как и мы с Яном, оттянувший срочную, только не три года, а целых четыре, и не в сухопутке, а в составе катерной береговой охраны на Балтийском флоте, что давало ему право на экипировку по всем нормам вещевого довольствия военнослужащих БФ. Вот и щеголял Железняк в клёшах, бескозырке и тельняшке, вызывая некоторое чувство зависти у безусых салажат, которым ещё только предстояло служить как медным котелкам, и вполне понятный интерес девушкам Ярмолинска, мечтающих о состоятельных кавалерах, тем более – надёжных спутниках жизни.

Постепенно приходя в сознание, матрос Железняк крутил головой:

– Как же я вчера набрался, братва... Ни фига не помню. Выполз из такси крабом, до комингса добрался и всё, аут. На пороге кубрика вмиг вырубился, матушка говорит, и лыка не вязал. Сколько же мы вчера выдули? Таечка, сколько, я говорю, приняли мы намедни?

– Да отстань ты от девушки, – увещевал я матроса. – Ей гостей нужно обслуживать, видишь, московский литер подошёл. А ты со своими вопросами...

– Всё, я пас, – отодвинул от себя вторую кружку пива Ян. – Больше не потяну.

– Значит, не уважаешь! – сделал грустные глаза гроза Балтфлота. – Теперь прикажешь мне и Борику за тебя отдуваться? Так нечестно.

– Не хочет человек, нечего и приставать, – ух, как распушила вдруг перья пролетающая мимо с подносом в руках Таисия.

– Ян, ты пропал! – прокомментировал приговор заступницы Аркадий. – Это ж вы ещё не поженились, а что будет потом? Всех друзей потеряешь, помни моё слово. Такая цыпа кого хошь отвадит.

– Потом? Потом будет суп с котом, правда, Янушка? – озорно откинула косу белозубая озорница, и на второй день не сдавшая своей закадычной подружке – дежурной по вокзалу – ключики от КМИРа.

И правильно! – переглянулись мы с Железняком: ещё не спето столько песен! А ты-то чего хмуришься, Янушевич? Чем-то или кем-то разочарован? Наша компания, в которой мы отмечаем благополучное возвращение на «гражданку», не устраивает? Тоже «пас»?

Никогда не нужно лезть в душу человеку, если он о чём-то задумался. Мало ли... У каждого из нас бывают такие гипнотические моменты полной отключки, даже когда ты сидишь за рулём автомобиля, не понимая, в какую сторону будешь сейчас сворачивать, а сзади идущие сигналият тебе что есть силы, обгоняя – крутят пальцем у виска, а это значит – нужно немедленно приходиться в сознание, пока не наделал беды.

– Нет, ребята, обижайтесь не обижайтесь, но я – пас, – во второй раз за одно утро сказал Ян, приподнимаясь с уютного ресторанный кресла и давая понять, что решение принято им окончательно и бесповоротно и он собирается отчалить из ресторации по своим делам.

И это – после доверительного рассказа Аркашки о том, что в не такой уж далёкой от нас Кировской области ведаёт крупным леспрохозом родной его дядька, мировецкий мужик, поднявшийся в период чубайсовских купонов, талонов или как их там назвать, ага, ваучеров, из работяг, простого водилы директорской персональной машины, до директорского кресла.

– Парни! Не будем уточнять, как и каким путём, тогда все так поднимались, кто умел и знал, куда, кому и сколько надо занести и как обзавестись надёжной крышей в среде малиновых погон и у братков, чтобы они с обеих сторон в случае чего прикрывали. Дядя Андрей, с его всего лишь профтехучилищем, сроком отбывания на «малолетке» по мелкому хулиганству, но влиятельными друзьями, для которых в лесной глубинке на берегу уютного озерца построил укромную заимку, с полузапрещённой охотой на пернатых, обильной рыбалкой и кое-чем ещё, – все эти премудрости знал. И теперь он в своём рабочем посёлке Лесной, где тысяч десять жителей, – царь и бог, – окончательно оживившись после второй кружки хмеля, крутил головой Аркадий. – Так я это к чему? Поехали к нему по орнабору, а? Дядька давно меня звал. Говорит, бери хороших друзей, приезжай хоть на годок, работы всем хватит. Нормальные деньги подзаработаете, стаж трудовой пойдёт, в любой институт с грабущками примут. Если захотите в наш Лесотехнический – и говорить нечего...

Вот когда, скривив губы, и произнёс своё второе отрицание Ян. Добавив: «И тебе, Борис, не советую. В институт тех, кто после армии, и так берут на льготных основаниях, хоть на тройки всё сдашь...»

Что-то не понравился мне тогда нравоучительный тон моего кореша. «Борис» – он никогда меня так официально не называл. «Не советую»? А кто ты, пардон, такой, чтобы мне советовать? Да и вообще. У тебя, Ян Семёнович, папа с мамой хорошую копну грошей напаквали для безбедного жития сыночка. Вон какой на тебе японский свитер крупной вязки, вельветовые брючата – писк моды! – светлый китайский пыльник и кепи набекрень. Недаром Таечка, повидав всяких разных пассажиров, на богатый прикид клюнула. А у меня? Что носил до армии – благо, талия только чуть расширилась – в том и хожу после трёх лет, в солдатском галифе и гимнастёрочке. Могу, правда, ещё парадный китель со значками и свежим подворотничком напялить... Мой батя, закусив губу, шкандыбаёт на своей скрюченной ноге каждое утро два километра на работу, на свой топливный склад, будь

он неладен, где грозит беда за всё – и за перебор угля (откуда излишки?), и за недостачу (куда топливо дел?)... Мама, с её отмороженными на торфопроизводствах в тыловую пору, вечно красными рученьками («Весь тыл, громадину-махину, тянули бабы, как волю»), стоит на «толкучке», продаёт старенькие свои сумки, пудреницы, босоножки. Сестра-студентка, сидя на сундуке, грустно штопает при свете каганца фильдеперсовы свои чулочки, не помышляя даже о таких, как у подружек, капроновых колготках. А злобный смех одноклассницы Женьки Боровенко, её вытянутый палец, указывающий Томке на мой перелицованный из отцовского пиджак с нелепо пришитыми пуговицами... И это – на выпускном вечере.

Говорить приходится долго, а мысли-то в голове проносятся метеорами... Всё рассказанное в считанные доли секунды и пронеслось у меня в голове. И потому на проферансное Яна: «Пас» – я хлопнул Аркашку по протянутой навстречу ладошке: «А я – раз!» Орнабор? Отлично! Значит, за проезд платить не придётся? Звони своему дядьке, едем!»

И это был первый, скорее даже, первый и единственный случай раскола в нашей с Яном дружбе. Больше таких случаев жизнь не предоставляла. Хотя... Но не всё же сразу.

6

«Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым!» – красовался над входом в контору леспромхоза вылинявший от ветров и стужи, выцветший от дождей и снегов транспарант, мирно соседствующий с киноафишей «Убить пересмешника!». А в самой конторе за большим письменным столом, не знаящим ни одного листика бумаги, сановито восседал длиннорылый свинорыл – тот самый Алексей Ильич Антонов, который одним именем своим наводил страх и ужас на окружающих, включая поселковое начальство. Действительно, царь и бог сказочно богатых лесных массивов, свой человек в московских кабинетах, где тоже сидят люди, не чурающиеся сердечных подарков таёжного вепря, его каждый раз всё более и более изобретательных подношений (чтоб он здоров был!). А уж техникой, ассигнованиями, лимитами мы поможем – государство наше богатое, не своё отдаём – всё нам возвратится и воздастся!

Человек, с носом длинным и тонким, как у Буратино (насмешница моя мама непременно фыркнула бы в ладошку: «Ох и нос – для семерых рос, одному достался»), с приплюснутыми ушами и желтоватыми впалыми щеками, долго разглядывал наши орнаборовские направления, поворачивая их так и этак. Зевнул. Поднял на Аркашку внимательные, утопающие под густыми бровями глаза: «Фатер твой как сейчас, не квасит? Нет? Смотрите мне, скворцы, – это он уже обращаясь к нам обоим, – лес любит трезвость, ферштейн? По буховке ни топор в руках не удержишь, ни пилой не поработаешь. Приказ я подписал, комнату в общежитии даю, аванс сейчас получите. С Богом, цезари!» Он ещё раз протяжно зевнул, крикнул в приоткрытую дверь секретарше: «Нинок, займись новобранцами!» И продолжил то, с чего начал, когда мы переступили порог его кабинета, – тщательную полировку ногтей миниатюрным маникюрным набором. У каждого человека есть свои интересы, увлечения, слабости. У Алексея Ильича, видимо, была такая страсть – уход за ногтями. Всё по Пушкину: быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.

Молчаливая барышня Нинок, слегка прихрамывающая на левую ножку, проводила нас и в отдел кадров, и в бухгалтерию, и к инженеру по технике

безопасности на первичный инструктаж. Потом, накинув кацавейку, отвела в неподалёку от конторы расположенное общежитие – одноэтажное, чистое, ухоженное, с ласковым матерком пожилой вахтёрши у входа. Как выяснилось, эта тётя – страж, в одном лице и кастелянша, ведающая выдачей и заменой постельного белья, и уборщица, доходчиво объяснившая, что нам будет, если посмеём сорить в комнате, и гардеробщица... От неё мы с ходу узнали все новости: в какой из трёх поселковых магазинов что утром завезли, в какой час откроет наконец свои ворота так долго ремонтируемая баня, во сколько сегодня будут крутить в клубе фильм, нет, не про пересмешника, тот уже давно прошёл, а «Новый кой-то кино, дай бог памяти, ну это, «Присидатель», где Ульянов Михаил. Небось, такого-то уж знаете?»

К вечеру забежала в нашу комнату Нинок, внимательно осмотрела, как мы устроились. Аркашке шепнула: «Вас Алексей Ильич к себе домой приглашает, тортик можете купить в столовой, она до восьми». Стоя вполоборота ко мне, продолжила: «Кто фильмами интересуется, сеанс у нас в девять сорок пять последний. Хорошее, говорят, кино – «Председатель». Подождав пару минут, не последует ли за её сообщением вполне понятное приглашение, пожалала плечами, отвечая неким своим потаённым мыслям, кивнула: «Отдыхайте! Завтра выходной, а в понедельник сбор у конторы к семи, час езды до лесосеки. Пока, мальчики! Вот мой телефон, если что».

Аркаша, чувствуя некоторое смущение оттого, что на званный ужин приглашён он один, покашливал, похмыкивал, расхаживая по комнате туда-сюда, не зная, о чём говорить, чем меня развлечь. А я, не торопясь развеять его переживания, тупо перелистывал цветной журналчик, оставленный в прикроватной тумбочке кем-то из прежних обитателей общаги, и мстительно молчал. Пусть племянник погорюет, посетует в душе на своего невоспитанного дядьку. А я переживу.

Быстро догорал и так недолгий ноябрьский денёк. Успокаивающе раскачивалась за окном роскошная ветка лиственницы. И то ли в яви, то ли в наплывающем полусне прокручивались в моей памяти все впечатления от знакомства с новым, необжитым краем. Этот рабочий поезд, отходящий поздно вечером с Вятского вокзала, а перед его приходом – заполошные крики местных таксистов: «На Уржум! Есть кто на Уржум? Кто желает прокатиться на родину Сергея Мироновича Кирова, на Уржум?» Толстый дядя, в летних шортах, тельняшке, тапочках на босу ногу и нахлобученном по брови голубом берете десантника, похлопывая по борту своей «Нивы» и поигрывая брелоком с ключиком зажигания, призывал поинтереснее: «Машина – новяк! Водитель – похмелённый свояк! Любой каприз – за ваш счёт в любой конец света!»

А в самом поезде, составленном из пяти обшарпанных вагонов, стоял невыносимый смрад махорочного курева, лука, ливерной колбасы и дешёвого какого-то пойла... Под мат-перемат бородатые таёжники отчаянно рубились в карты, шлёпая ими об столик так, как бьют врага по морде – хлесь, хлесь, хлесь. Бедные тузы, короли и валеты от таких шлепков только вздрагивали, что уж говорить о несчастных шестёрках с их облупившимися рубашками. А дамы, не зная, как прикрыть уши от срамных слов, низвергаемых проигравшими в «петуха» или в буру (не знаю, во что они там, эти лесорубы, играли) в истоме прикрывали глаза, изображая из себя спящих царевен...

На всём протяжении пути каждый вагон и каждое купе тщательнейшим образом досматривал военный патруль из пяти краснопогонников, оснащённых не только пистолетом у офицера и автоматами у солдат, но и могучими, как прожекторы, ручными фонарями. Бойцы поднимали все до единой плац-

картные полки, протряхивали матрасы и подушки, как будто и в наволочку мог забиться беглый, карликового роста зэк, простукивали потолки, что уж говорить о туалете и тамбуре – местах наиболее подозрительных, там шмон вёлся с утроенной энергией. Аркашка, правда, меня ещё в Ярмолинске предупредил, что дядькин посёлок Лесной – не Мальдивы, а территория колонии общего режима. В ней заключённые не только валят лес, а и разделяют спиленные сосны на пилораме, потом доски разной толщины пакууют, грузят в железнодорожные составы на отправку. А в лесопильном цехе головастые инженеры, попавшие в неволю, сами научились и других научили изготавливать по чертежам разборные срубы, стены, перегородки и все прочие причиндалы типовых финских домиков, спрос на которые невероятный по всем городам и весям шестой части земли с названием кратким Русь. И не только. Потому едут к дядьке, как к батюшке царю, снабженцы отовсюду, униженно выпрашивая ускорение поставок таких домиков, не напоминая и даже не намекая о просроченных договорах, обязательствах, контрактах, отчего всемогущий маг Алексей Ильич вмиг свирепеет и звереет, расценивая вполне справедливые упрёки как покушение на его дееспособность. А это он ни от кого не потерпит.

Зато, отрываясь от устранения заусенцев и полировки ногтей, падишах милостиво мурлыкает, принимая особо эффективный ясак, преподнесённый ему очередным командированным – только от чистого сердца (никак иначе!). И даёт понятную команду верной хромоножке своей, Нинку, насчёт внеочередной отправки готовой продукции в безлесный край. Пару-троечку деньков подождите, поживите в нашей гостинице, клуб вот там, столовая вот там, магазины там, там и там – подождите, пока открытые платформы с домами-срубами отчалят в нужном направлении – в степной Волгоград, на берега тихого Дона или в бескрайние степи Казахстана. Не забудьте, пожалуйста, получить на грузовом дворе все квитанции, все накладные на отправленные грузы, девочки из бухгалтерии уже отдебетовали ваше авизо, не переживайте. Доброго вам пути! Приезжайте к нам ещё! Ой, да что вы, спасибо, не надо... Ну ладно, ой, как приятно... Ещё раз – доброго вам пути!

Мы утром шли с Аркадием от вокзала к дядькиной конторе пешком, и он, до армии пару раз побывавший гостем в Лесном, рассказывал мне про все эти шахеры-махеры... И вдруг за несколько шагов перед нами распахнулись неприметные створки ворот, и оттуда в колонну по четыре двинулась строевым шагом безлика масса заключённых – все в одинаковых чёрных комбинезонах с пришитыми на груди номерными бирками, в одинаковых чёрных картузах уродливой формы, в однотипных башмаках, то ли брезентовых, то ли парусиновых... Тяжело шаркала в ногу ли, не в ногу шеренга за шеренгой молчаливых, угрюмых людей, все с тусклым взглядом, без особого интереса поглядывавших на окрестности. Малость подрастерявшись, мы вначале остановились с Аркадием, пропуская заключённых, но и они сделали проход, пропуская нас. Страшно было? Да нет, как-то о страхе и не думалось. Скорее неприятно, когда в мыслях лишь одно: скорее бы это закончилось. А слух поневоле ловил короткие реплики, которыми обменивались невольники между собой.

- Залётные караси. Кофры шикарные. (Это они о наших баулах.)
- Клифт хорош.
- И гудок.
- И шкары новые...

Всё успели оценить лишенцы – клетчатый мой пиджак, Аркашкин пёстрый галстук, наши начищенные до блеска туфли на отечественной микропоре.

Бегали по деревянным тротуарам рослые – каждая размером с добрую овцу или барана – мирные собаки, открывающие пасть не для того, чтобы хватануть прохожего за брючину, а для напоминания, что я, мол, тоже живое существо и, как и ты, шамать хочу, дай, дядя, чё-нибудь. Аркадий уместно заметил: «Купишь хлеб – прижимай к орденам, а то будешь нести на весу – он, – кивнул на умильно вертящую перед нами длинным хвостом палевую псину, – выхватит всю буханку, глазом не моргнёшь...» Он ещё что-то говорил, кажется, о богатстве, нажитом Антоновым в этих краях – его трёх «Волгах»: чёрной для себя, небесно-голубой – для жены, заведующей здесь детским садиком, бирюзовой, редко используемой, для наезжающих в родимый край сыновей – московских студентов.

А я почему-то подумал, что, может быть, здесь, пребывая в тыловом Лесном, Симонов написал свои знаменитые строки:

*В деревянном домотканом городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с лётчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски...*

С удивлением слушали меня друг мой Аркадий и всё та же не отстававшая от нас ни на шаг рослая собака бежевого окраса. Аплодировать они не стали, но, я видел по глазам обоих, и стихи Константина Михайловича Симонова, и моя чтецкая манера исполнения им понравились. Ну и спасибо.

7

Вот так и заторчали мы с Аркадием Ивановичем в Лесном – не на год, не на два, а до той поры, пока не сменятся в стране Советов один за другим болезные вожды, пока благоприобретённые жёны – приехавшая ко мне вовсе не по оргнабору, а по сердечному влечению Томуля, и Аркашина пассия, Инна, с которой он, как и я, заочник Лесотехнического, познакомился на какой-то сессии, – понарожают нам пятерых малышей за две пятилетки. И мне будет предложено возглавить местное профессионально-техническое училище, а головастому Аркадию Ивановичу Грачёву – стать главным инженером леспромхоза с последующей перспективой на выдвижение – какой, понятно. Вот освободит вскоре место плюгавенький Дон Доньч, проштрафившийся на ваучерах в областном центре и сосланный от греха подальше на пересидку в Лесной, чтобы подписывать бумаги, но не влазить и краем носа в производственные дела, в которых ровным счётом ничего не смыслит. А командовать всей цепочкой леспромхоза будет дипломированный инженер Грачёв. А готовить молодые кадры – Борис Григорьевич Россинский. Такое мнение обкома. У товарищей есть другие мнения? Нет. Тогда – с Богом!

Наши семьи осчастливили шикарными «трёшками» в самом центре Лесного – доме в двух уровнях, возведённом по индивидуальному проекту отбывавшего срок в колонии общего режима ленинградского управляющего строительным трестом, повинного в несчастной любви к жене начальника питерского районного отдела милиции. Разгневанный полковник, прознав имя виновника адюльтера, сумел с помощью верных вассалов – обэхаэсэсников подыскать нужную статью для святотатца, покусившегося на его поляну. Подыскивал он и способ мести жене, но вскоре скоропостижно скончался. Причём при так до конца и не выясненных обстоятельствах: в своём загородном доме, без гостей, без родных и близких, наедине с бутылкой водки.

Вроде бы, от сердечного приступа, – писала в лагерь своему ненаглядному пылко ждущая его Беатриче, пока что очень жизненно, достоверно играющая у себя в заводском самодеятельном театре леди Макбет Мценского уезда.

Господи, каких только историй не слушаешься от эзков в глухом заповедном краю Лесного – и трагических, и комических, и трагикомических... Вроде той, как пытался бежать отсюда некий парень – армянин, которому отец по его просьбе и сумел-то передать лишь два фарфоровых ролика. А он – всё ведь продумал! Соорудил самокат, накинуд эти ролики на провода электролинии и покатился на них, поджав ноги, вон из зоны, туда, к манящей свободе, да был подстрелен с вышки зорким часовым. Легенда эта кочевала много лет, обрастая новыми подробностями: сорвался на полпути, руки не выдержали напряжения; пробил электроток...

Неоспорима была среди жуликов, воров, мошенников, хулиганов и бандитов, попавших в лагерь, конечно, «ни за что», лишь одна мечта: чудодейственное освобождение, амнистия, свобода... И тоска по ней, тоска зелёная, жуткая тоска-кручина. Ещё бы!

Где-то вдалеке от запретной зоны, сторожевых собак и часовых травка зеленеет, солнышко блестит, свободные люди пьют квас или холодное пиво, ужинают с красивыми девушками за столиками кафе и ресторанов, весело гомонят улицы, звенят на поворотах трамваи. Полнотелье женщины чуть ли не нагишом загорают на песчаных пляжах, все живут умно, весело, плодят детей, ходят с гордо поднятой головой. А тут? Картуз, конвой, кусок обеденного мандра в придачу к миске баланды, осточертевшие хари «одноклассников», иных из которых с наслаждением перекрестил бы табуреткой по голове, и... Лучше не считать, вжимаясь ночью в подружку-подушку, сколько дней остаётся ещё до конца срока...

Вместе с директорством в ПТУ, куда, кстати, охотно перекочевала замом по воспитательной работе та самая секретарша Антонова – Нинок, теперь уж, конечно, Нина Власьевна, я оставил за собой преподавание технологии деревообработки, не полагаясь ни на кого иного. Столько накопил в Лесном институте лекций, насобирал побочного материала, вплоть до стихов и песен, и отдать эту дисциплину кому-то другому? Нет, братья, только после меня. А уроки я придумал проводить не в классах, хотя в каждом кабинете учебного инструментария имелось больше, чем в аудиториях родного нашего Лесотехнического, а на производстве. Потом эту связь школы с жизнью подхватили и растиражировали по всей отрасли, и каждый мнил себя героем, каждый присваивал первенство себе, все стали первооткрывателями, Колумбами профессионального образования. Но я на лавры чхал. У меня были отличные ребята – учащиеся, я видел их искрящиеся глаза, а потому – нехай недруги клеветуют, а я хорошо помню ту бабварину частушку:

*«Я москвичка, я москвичка!»
Успокойся, не кричи.
День с лихвой на электричке –
Все мы тоже москвичи!*

Держа в малость озябших руках тетради и блокноты, мои пэтэушники, окружив остановленную на полчаса цеховую циркулярку, записывали за мной: «У брёвен, заготовленных из комлевой части ствола, – вот сюда смотрите, – на первом месте от комля довольно часто возникают коричневые наплывы. Вот они и вот... Сергеев, в лоб получишь, если ещё раз соседку толкнёшь... При распиловке брёвен на доски учитывают диаметр верх-

ней части брёвен, не превышающих по длине трёх метров. Сергеев! Опять? Отправлю к ээкам, будешь с ними пайку первого котла лопать. Не знаешь, что это? Первый котёл – четыреста граммов хлебной пайки, второй – пятьсот, третий – семьсот. Ольга! Отойдите от Сергеева на три шага, он вам всё равно житья не даст. Давайте повторим историю лесов. Что мы изучали на прошлой лекции?

– Леса в России были казачьих войск, – бойко затараторила голубоглазенькая отличница, пышка Оля (которую – прости меня, Господи! – я и сам был бы не прочь ущипнуть слегка за филейные выпуклости), – а ещё – заводские, монастырские, городские, для духовного ведомства и частные...

– Оля, молодец! Приписываешься к третьему котлу! А Сергеев зовёт мастера включать циркулярку. Переходим к фуговальным станкам и прессам...

В день похорон астматика, трижды Героя Социалистического труда, падкого до женщин Генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко, просидевшего на престоле считанные месяцы, мы поминали его по иронии судьбы с земляками выдающегося партийного и государственно-деятеля. Приехавшими в наш посёлок красноярскими мужиками-заготовителями, прекрасно знающими родные места усопшего генсека – в частности, и село Большая Течь бывшего Минусинского уезда бывшей Енисейской губернии. Времена изменились, и теперь вместо водки и селёдки коллеги везли в безвозмездный дар богам вятских лесов нужные в повседневной работе вещи. В этот раз Грачу подарили буссоль.

Переговорив вполголоса о недолгом царствовании земляка-сибиряка: «Мог бы ишшо ж пожить, нешто 74 годика возраст?» – хорошо упитые красноярцы, прежде чем преподнести Аркадию Иванычу упакованный в красочную коробку подарок, поделились дедовской мудростью. «У нас в старину, знашь, как проверяли, нагрузилси ты по самые гланды или ишшо ж можешь выпить? Ежели ты в состоянии попу от лавки оторвать – наливай ишшо, не промажешь, выпьешь, а ежели жена у тебя приподняться не может – тогда всё, каюк, сиди, песни пой, жди, пока полегшает». И вручили презент наследнику атамана Антонова. Аркаша ахнул: «Буссоль!» Как же, он во флотские годы дальномержик эсминца «Старательный», бороздившего Балтийское море (оно же – Маркизова лужа), мечтал об этой хитроумной штуковине, даже спереть хотел такую на институтской геодезической практике, еле я его остановил... Буссоли! Я знаю, что вертелось сейчас в голове главного инженера: вот он, заветный прибор, нужный и мореплавателю, и маркшейдеру в горных разработках, и в артиллерии при управлении огнём (проходили военную науку на офицерских сборах), и в нашем таёжном деле – для отвода лесосек, подбора и съёмки участков, выбора площадей...

С тех пор краснофлотец, не доверяя оптику – бесценный дар! – ни таксатору, ни кому другому, сам определял с её помощью сортиментные, хлыстовые, объёмные делянки, сам размечал их к разработкам, приводил на место самого толкового бригадира ээков – домушника Костю по кличке Капитан. И терпеливо объяснял, как, что и почему нужно будет делать здесь, и здесь, и здесь... Строптивый Костя, однажды – по делу, за подсунутое фуфло уважаемому заказчику – получивший от Аркадия кулаком по кумполу, согласно кивал головой, что-то помечал на протянутом ему листике бумаги и прикидывал будущий объём работ. Знал специалист по выемке ценных вещишек из чужих квартир: с бывшим матросом спорить опасно: первый раз двинул по балде – второй раз даст по крышке гроба. Лучше с ним ладить, тогда и премию выпишет, и на кое-какие ээковские вольности глаза закроет. А гор-

батого ему не вылепишь, всё знает; за удачный подбор делянок под рубку похвалит, быстрое определение кубатуры штабеля отметит, даже толковое применение обычной рулетки мимо его внимания не пройдёт. Как говорил папаша Мюллер, хорошо иметь дело с профессионалами. Или это не он говорил? Ну да не он, так говорил от его имени актёр Броневой.

Мои ребята охотно записывали Аркашины наставления (я попросил его провести урок): «Таксация леса – это выявление и установление соотношений между количественными и качественными характеристиками запасов древесины на корню и показателями возможного производства лесоматериалов из этой древесины...»

Пышка Олечка, прикрываясь учебником М. М. Орлова «Лесная вспомогательная книжка», окончательно смирилась с хищной лапой Сергеева, завладевшей под столом её округлым коленом как своим, даже не попискивала. А утверждающий своё превосходство над скромной дивчиной варвар только для виду листал «Справочник таксатора», всё туже сжимая трепетную плоть девчоночки, то и дело облизывая пересохшие от страсти губы. Ну, погоди, сомик, погоди! Твой экзамен впереди, ты у меня ещё попляшешь.

8

Я несколько не удивился новостям из маминого письма: «Встретила вчера на рынке Симу Львовну Липкину. Рта мне раскрыть не дала, только про сыночка своего и тараторила: он у неё уже все олимпиады в Москве повиигрывал, на международных конкурсах всех победил, и куда-то там его теперь за границу сватают, в Италию, что ли... Но хотя бы единым словечком спросила, а ваш-то, мол, Боря, как, где он, чего он? Ни слова. А вы всё ж таки дружили с Яном и в школе, и после армии вместе хороводились. Не знаю, что за женщина...»

А я знаю. Это тётя Сима в своём репертуаре. Но мне куда как интереснее не она, а её сын, видишь, как уверенно штурмующий все высоты в своём архитектурно-строительном деле. Уже и к международной планке добрался. Орёл! Ничего не скажешь. А то, что тётя Сима ведёт свой речитатив со скоростью пулемёта ШКАС – (Шпитально-Комарницкий авиационный скорострельный – убойная сила с трёхсот метров), который я однажды опробовал в учебном полёте вместо курсанта на «Илюхе» (бомбардировщик Ил-28), – это у Липкиных у всех наследственное, включая Яна.

Он сумел мне дозвониться однажды из Ленинграда, где его, как выдающуюся личность среди молодых конкурсантов – лучших архитекторов России, поселили в обкомовской гостинице, неподалёку от Смольного, с предоставлением всех и всяческих благ, кроме девиц лёгкого поведения. Я только и успел спросить, не женился ль ты, майн фройнд, как в трубке клацнуло, ёкнуло, нечто невразумительное промычал мой зодчий и погнал свои впечатления о городе на Неве и горожанам.

– Представляешь, Боб! (хорошо хоть, как зовут меня, не забыл!). – Представляешь, хлеб у них – булка, окурок – я скис, когда услышал – хабарик, водолазка – бадлон. Говорю одной барышне: пойдём в сквер погуляем – поправляет: у нас не сквер, а садик. Пучок волос свой, знаешь, как она зовёт: кичка. Чукавый народ, я тебе скажу, ну а город – сказка.

И погнал Ян Семёнович, и погнал экскурсию по мостам и каналам, музеям и храмам, театрам и памятникам. В Питер ехать не надо, всё его глазами увидел, от Московского вокзала до Адмиралтейства и от Петергофа до Кронштадта. Тридцать минут занял его монолог. В обкомовском «люксе»

денег за переговоры с постояльцев не брали, не принято, гости могли говорить сколько хотели, о чём хотели и с кем хотели (прекрасно зная, что всё прослушивалось), а то хорошо пополнилась бы казна «Колыбели революции» за те полчаса вдохновенного трёпа молодого архитектора – допустим, внебюджетным взносом на ремонт подков вздыбленным коням Клодта на Аничковом мосту.

Помню ещё одно – теперь такое далёкое – леспромхозовское утро, случившееся как раз в двадцать пятый год моего рождения, когда коты всех стран и континентов возвращаются с мартовских ночных бдений, жадно припадая к мискам в поисках капельки сметаны, а я, злой, невыспавшийся, лежал, уставясь в потолок, и проклинал на чём свет стоит своего напарника Аркашку, храпящего в эти минуты так, как хрипит трелёвочный трактор на просеке, захвативший брёвен вдвое больше нормы. И только я хотел перетянуть краснофлотца по оголившейся заднице припасённой на этот случай бельевой верёвкой, как в дверь постучали, а следом вбежала перепуганная вахтёрша, трясушимися руками протягивая мне телеграмму и от страха переходя на «вы»: «Вот! Я расписалась! Правительственная!» Тут и Аркадий подскочил, словно ни в одном глазу: «Полундра! Читай!» Под величественным красным грифом всего лишь в одну строку уместилось всего пять слов, но каких: «УДОСТОЕН ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА тчк ЯН!»

Всё остальное в сбивчивом от волнения моём повествовании – в изложении самого Яна Липкина. Почему я должен за него, лауреата вон какой премии, отдуваться? Другое дело, что он о себе – в третьем лице, как о постороннем. Но тут уж я ему не указ.

В том, что Ленинский стипендиат и лауреат премии Ленинского Комсомола представит к защите дипломный проект, тянущий на кандидатскую диссертацию, в знаменитом АРХИ не сомневался никто. Потому Яна отпустили в родной его Ярмолинск на преддипломную практику, связанную со строительством объекта, на целых пять месяцев, вместо положенных трёх. Пошли молодому таланту навстречу в порядке исключения. Тем более что инвестором, спонсором, меценатом затратного проекта – называйте денежный источник как хотите – подрядилось быть не прижимистое федеральное ведомство и не вечно худой ярмолинский бюджет, а некое частное лицо из Эйлата, известное лишь тем, что здесь испокон веку жили его деды-прадеды, основатели в пору Керенского первой электрической и первой телефонной линии, а при нашествии гитлеровцев сгинувшие бесследно здесь же, в распроклятом гетто, кровожадно поглотившем тысячи людей от мала до велика, всех – с нашитой на рукаве пальто или пиджака шестиконечной звездой Давида.

В осуществление замысла Яна, как уже было сказано, ни на йоту не сомневаясь, поверило ведущее институтское трио – заведующий кафедрой, декан, ректор – люди, по заслугам увенчанные званиями и наградами. Их рекомендательному письму с просьбой о содействии молодому зодчему безоговорочно вняли в обкоме КПСС, без отмашки которого в ту пору ни одно подобное дело не решалось.

9

А юный наш корнет действительно со студенческих лет творил чудеса. Ещё находясь на международном colloquium в Генуе, он, без спутников и переводчиков, вооружённый лишь доброй сотней заученных слов, обла-

зил, обрыскал, исходил все тропы, все пути-дорожки, ведущие в доступные по наличию лир в кармане музеи, библиотеки, галереи. Кое-где пропускали бесплатно; музейщики за километр видят и отличают настоящего червя-учёного, поглощённого добрыми идеями отшельника, от праздного шатающегося бродяги, пусть и со звонкими монетами в кармане. Ян довольствовался приставным стульчиком в двадцать пятом ряду концертного зала, ужимался в тени открытой для посещения публички художественной мастерской великого скульптора позапрошлого века, незаметно сливался с группой японских туристов в картинной Мекке, которая дороже сна, еды и денег, лишь бы пустили послушать чичероне, посмотреть, узнать. И пускали. Рашен? Ля-ля! «Калинка-малинка»...

В старинной библиотеке близ Римского собора, куда привезла его черноокая полутальянка-полурусская-полувенгерка-полуеврейка Стелла, охотно коротавшая с улыбчивым бамбино не только дни, но и ночи, предназначенные, как заметил великий Булгаков, «для встреч без китайцев», она быстренько оформила на свой абонемент редкое издание по архитектуре, в котором Яну важен был не столько текст, сколько чертежи и рисунки... Тут же эта Шумахер умчалась на своём вишнёвом «фиате» повидаться с мамой-папой, сестрой, братом, в надежде после обмена впечатлениями от коллоквиума отскочить от родных и близких и всласть провести время с другом в любимом ресторанчике с бассейном на Via Litoranea в del Primo Cancellato Paradise beach... Не тут-то было.

Её благоприобретённое двуногое сокровище, усиленно посапывая красиво вырезанными ноздрями, обложился ещё десятком фолиантов, перелистывая их с кроткой улыбкой блаженного. «И это будет мой муж?» – приостановилась в некотором замешательстве быстрая как ртуть Стелла. Остановилась – и не пожалела: что может быть прекраснее позы мыслителя, раздумывающего не о том, где бы жажнуть стаканчик граппы, а о чём-то серьёзном и вечном как Рим.

Поздним вечером они всё-таки прогулялись по той воркующей, ликующей, чарующей Виа Литорана, где, ловя обрывки музыки, хриплый спор двух депутатов парламента, милый щебет подружек, сожалеющих о женитьбе какого-то знакомого им баскетболиста, Стелла всё ждала и ждала, когда он скажет наконец долгожданные слова. И как скажет? Но этот задолбанный своими проектами и прожектами крейзи плёл ей только о своём дивном парковом сооружении, праотец которого был тот самый итальянский маэстро, который успел при жизни издать пухлый том своих трудов, прежде чем с честью отойти в мир иной. Кто-то, обгоняя на узком тротуаре их парочку, неволью толкал Яна, кого-то, огибая прохожих, без умысла цеплял Ян – ничего этого не замечал одержимый своей идеей архитектор, рассказывая Стелле о высоком балконе на постаменте – лёгкой ажурной конструкции, обсаженной лианами. И какой же трепет, какое выражение лица было в эти минуты у мальчишки – как у православных перед изваянием Иисуса Христа, как у мусульман, со святым Кораном в руках поминающих Аллаха, как у буддистов, склоняющих бритые головы перед памятником Будде. Не выдержав больше словесной пытки, Стелла крутанула с левой ноги фуэте, точно так, как когда-то её учили в хореографической школе и, подбоченившись, запела под одобрительные взгляды и даже рукоплескания музыкальных итальянцев: «Ночью в узких улицах Рима слышу поступь гулких столетий, слышу века... Но я от тебя далека...». И слабовидящий Ян наконец прозрел: девочка в мире! «Я люблю тебя, Стеллёнок! Будь моей женой! Никогда не пожалеешь, и никогда я тебя не подведу!»

Затяжного поцелуя после этого признания вполне хватило на то, чтобы жених с ужасом осмыслил всю бессвязность своей речи (и это – золотой медалист лучшей школы Ярмолинска?), а практичная невеста тут же прикинула, что «пожалеть» о выборе спутника ей в предстоящей жизни, конечно, придётся, и не раз, да и «подвести» за влюбчивым Яном не заржавеет... Но кто из её замужних подружек купается в абсолютной нирване? Кто из них вытащил беспроигрышный лотерейный билет? Да никто. Всем всего хватает – и сладкого, и горького. Абсолютно счастливыми бывают только обитатели сумасшедшего дома, которые с утра до вечера пускают слюнявые пузыри и довольствуются общением друг с другом, не понимая, с кем общаются. У нормальных людей так быть не может. Но и в ссорах, спорах не должна испаряться любовь – это невероятно хрупкое вещество, которое держать нужно бережно, обеими руками, не выпуская ни на миг, если хочешь, чтобы счастье, каким и является любовь, уцелело.

«Защита в пятницу, в 10, Дом архитектора, Гранитный переулок». Ян знал: приедем. И мы таки рванули из Лесного всей группой поддержки на трёх антоновских «Волгах», захватив с собой и детей, заскучавших на зимних каникулах.

Председательствующий согласно регламенту отвёл соискателю всего лишь пятнадцать минут на представление проекта. Ян проговорил полтора часа, ни разу никем не остановленный. Без запинки сделал описание вводной части на английском. Характеристику ландшафта свободно произвёл на дойче шпрахе. Вставлял лёгкие реплики на французском, а в особо ударных местах переходил на итальянский. Яну повезло в том, что в эти же дни Москва принимала грандиозное собрание европейских мастеров садово-паркового хозяйства, они-то и подвалили на открытую защиту интересного проекта уже известного им синьора Липкина, получив право оппонировать и выступать, но в регламенте – не более трёх минут.

Со стороны казалось, Ян ничуть не волнуется – гладко выбритое его лицо мужественно украшали аккуратно подстриженные усики и борода, каштановые пряди волос как по линейке были уложены на пробор. Отутюженные брюки, белоснежная сорочка, из нагрудного карманчика пиджака выглядывает пикантный уголок малинового платочка. Ну, европеец, и только! Зал без переводчика, и слушатели у микрофона...

– Глубокоуважаемые коллеги, дамы и господа! – делая необходимые паузы в голосе, спокойно смотрел в зал без пяти минут доктор архитектуры, ничуть не смущаясь конклава мудрецов – академиков, занявших первые два ряда президиума, лысин и пролысин забредших на огонёк столотазов, которым всё равно, что происходит – свадьба или поминки, лишь бы по усам текло да в рот попадало, нескольких европейцев, чопорных, неразговорчивых, целеустремлённых настолько, что, казалось, им всем после серьёзного ДТП надели гипсовые ошейники, наконец, победного триумфирата – заведующего кафедрой, декана и ректора родного вуза, с их одобряющими улыбками и приветственными кивками...

– Вашему вниманию предлагается уникальная модифицированная модель садово-паркового павильона, универсально подходящая любой стране мира как устройство для полноценного отдыха в парках, садах, скверах, с надёжной защитой от различных атмосферных осадков в любую пору года. В России как беседка такая модель впервые случайно появилась по счастливой случайности неподалёку от нынешнего Ярмолинска, где инженеры-бурильщики искали нефть, и купец Лещинский, по-современному, продюсер и инвестор проекта, в знак одержанной победы возвёл это сооружение с крылатой богиней

Никой в центре своеобразного киота. Выполнено первоначальное сооружение по чертежам курского самородка Матвея Щавелева, к слову – несправедливо забытого... Построенная с перерывами из-за русско-японской войны в течение пяти лет в начале XX века альтанка, получившая такое название в силу аналогичного строения старинных итальянских мастеров, осталась в чертежах, поскольку за два прошедших века подвергалась нашествию и наполеоновских, и гитлеровских варваров. Предлагаемый вашему вниманию проект ставит своей целью воссоздать во всей полноте первичный облик строения, способного стать художественной доминантой любого города России, украсит облик фитоцентров, которыми, по идее, являются наши парки и скверы.

Тут же у зашторенного стенда появились две гибкие красавицы, в которых легко можно было узнать жену Яна Семёновича – брюнетку Стеллу, и с готовностью помогавшую ей кареглазую шатенку Таечку, директора вокзального ресторана «Привет», примчавшуюся помочь старому другу накрыть шикарную поляну после защиты и вообще вспомнить молодость с красавчиком, который никогда не был забыт, несмотря на годы и расстояния. Для бдительной супруги Яном она была представлена... Борькиной двоюродной сестрой, которой якобы Борис – а не он – посвятил на юбилей весёлые строчки: «Ярмолинск наш – проталинка, альтаночка – карниз, а вот и дом, где Таечка с сестрёнкой родились...» (Я же говорил, что Ян – гений, способный и дома строить, и стихи писать...)

С очаровательными улыбками раздёрнув с обеих сторон плотные шторы, представив Риму и миру десятка полтора выполненных на больших ватманских листах чертежей, обе спутницы Яна, расчётливо переключая внимание облизывающихся российских академиков и несокрушимых европейцев на свои гитарные станы и стройные ноги, медленно спустились с подиума. А Ян, пользуясь заранее приготовленной эбонитовой указкой, перешёл к технической характеристике проекта.

– Что представляет собой классический тип альтанки? – повторил он эту же фразу на английском, вызвав некоторое шевеление застывшего, как в летаргическом сне, мясистого загривка рыжеватого джентльмена, на бейджике которого значилась ничего не говорящая фамилия, зато известный город – Лондон. – Вы видите общий вид и фасад сооружения. Это восьмигранная резная деревянная терраса, придающая воздушность своей открытостью, установленная на достаточно высоком, порядка трёх метров, кирпичном цоколе – по замыслу архитектора – без декоративных элементов и облицовки, но с торкретированием как средством защиты от палящих лучей солнца, снега и дождей, с крестообразной сводчатой крышей и филигранным, как говорится в учебнике Александра Терентьевича Тульчинского (хитрец Ян сделал необходимый реверанс в сторону председателя ареопага академиков), затейливым трапецидальным куполом, который может быть смещён в любую сторону, согласно розе ветров.

Напрасно опасался Ян Семёнович, да и часть зала, что иностранцы безучастно воспринимают его доклад, его обстоятельное описание деталей. Когда, прибегнув к четырём освоенным языкам, Ян сообщил об изюминке, главной особенностью альтанки – сборке и установке её в первозданном виде без единого гвоздя, – лондонца, а следом миланца, парижанина и берлинца как ветром подняло. Они азартно зааплодировали, засвистели, застучали костяшками пальцев по спинкам стульев, выражая свой восторг, своё отношение к замыслу коллеги. А там уж и падкий на рукоплескания зал заревел изо всей силы и «браво», и «вау», кто-то даже не к месту вдруг завопил: «Бис!» Ещё только «Горько!» не хватало.

Глотнув тёпленькую минералочку, заботливо припасённую «девчонками» в нише учебной кафедры, Ян, извинившись за последующую скучную тематику своего реферата, предложил публике, пока он будет делиться с президиумом хозяйственными заботами, посмотреть короткометражный фильм «По странам и континентам: архитектурные чудеса мира», снятый им за годы странствий. А сам тише, вполголоса, чтобы не забивать комментарий диктора фильма (она же и монтировщица) – Стеллы, продолжил:

– По спецификации объекта вы можете убедиться, что профилированные колонки, кружево карнизов, резные накрывные шпили (простите, господа, за сложности перевода специфических терминов!) носят действительно уникальный характер. Их изготовление будет доверено только мастерам высокого класса, имеющим большие практические навыки.

Теперь уже не острый Тамарин локоток, а увесистая кость Аркадия впилась мне под рёбра: «Слышь, Боб, пусть он свой заказ отдаст нашему леспромхозу, мои эки ему что угодно, хоть дирижабль, сделают».

– Главное условие долголетней эксплуатации альтанки, даже при защитном каркасе, это предохранение её от бурного наплыва паводковых вод. А парки, и у нас, и в Европе, особенно парки, переходящие в эспланаду, исторически закладываются на берегах примыкающих рек и озёр. Должны быть также предусмотрены короткий удобный подход, но поодаль от мест общего пользования, и умеренное солнечное освещение, потому так важен продуманный, оптимальный выбор реперной точки, где будет вестись застройка.

Я обратил внимание, как, позабыв о своём перманенте и костюмном лоске, строчили в блокнотах записи и один, и второй, и третий вальяжные гости, полчаса назад такие гордые и неприступные, а тут вдруг ставшие послушными школярами. Растопырив уши, перенимали они рецепты Яна о применении винтовых свай в слабых, насыпных или насыщенных подземными водами грунтах. Ян сам столкнулся с такой прелестью, начиная стройку в Ярмолинске. Тут-то и пригодились ему советы старины – курянина и итальянца, предвидевших, с чем придётся столкнуться потомку.

– После установки, смотрите, сваи могут быть подняты на нужную высоту и нужный уровень, потому что легко вкручиваются в образовавшиеся лакуны. – Острием указки, как кончиком шпаги, вонзал доказательства в чертёжные листы бархатноглазый капитан. – Затем на сваи устанавливаем ростверк из деревянных балок, сечением сто пятьдесят на восемьдесят сантиметров...

Ян даже не забыл в своём реферате сказать о пропитке древесины антисептиком от гнили и древесных жуков. И Европа вновь послушно кивала головами, соглашаясь с каждым словом юного маэстро садово-паркового ландшафта.

10

Выжатый из страны после путча, распада СССР и разгона КПСС, когда никто не мог помочь сотням и сотням таких талантов, как Липкин, Ян под ежедневным давлением Стеллы... Я сказал «ежедневным»? Конечно, оговорился, ночная кукушка дневную всегда перекукует. Значит, под еженощным давлением жены сдался наконец; по сохранившемуся на идиш свидетельству о заключении брака ещё родителей своих родителей, то бишь, деда и бабушки, быстро оформил новое гражданство. И вскоре присылал свои весточки из маленького городка, примыкающего к огромному по сравнению

с его поселением мегаполису – Тель-Авиву. Полиглот Ян никогда не испытывал трудностей с освоением чужого языка, а тут сама жизнь заставила постигать и новую грамматику с её угловатыми очертаниями букв, напоминающими обгорелые спички, и фонетику с её протяжными «ВОООС?», и всем таким прочим. Освоил. И если бы не та проклятая авиакатастрофа, когда из всех пассажиров обстрелянного боевиками «Боинга» спаслись лишь четверо: находящиеся в хвосте самолёта Ян, Стелла, бортпроводница и повредившийся потом разумом араб, – сто раз навесил бы нас дружок и в Лесном, и в Ярмолинске, и в Москве. Переломанные ноги лучшие врачи, лучшие хирурги восстановить не смогли, несмотря на огромные денежные вливания всё того же сказочно богатого мецената. Благо, с его помощью добились самостоятельной посадки и высадки Яна с инвалидной коляски, враскоряку, с палочкой. Остальное – Стелла, Стелла, Стелла. Улыбчивая на людях и глухо рыдающая в подушку по ночам.

Зато мечта Яна – пусть на чужой земле – сбылась...

Альтанка

**Юрий
КОЗЛОВ**

ПЕВЕЦ ВОЛГИ И ВОЛИ

*Дмитрий Николаевич
Садовников*

Так называли современники поэта и этнографа Дмитрия Николаевича Садовникова. Героями его произведений были мужественные и сильные люди, а местом действия – любимая река русского народа.

Отец будущего поэта, Н. А. Садовников, из дворян Владимирской губернии, окончил Главный педагогический институт в Петербурге, был комнатным надзирателем пансиона для детей бедных дворян при Симбирской мужской гимназии, затем – домашним учителем у местных помещиков. Николай Александрович был женат на Татьяне Ивановне Полянской, в доме которой 25 апреля 1847 года у них родился сын, при крещении наречённый Дмитрием.

«Отец его <...> был человек очень образованный и умный и как учитель замечательный, – писала впоследствии Ю. И. Полянская. – Моя сестра, мать Митина, была женщина болезненная, но тоже по тогдашнему времени очень развитая, много читала и даже писала недурные стихи»¹.

Митя рано потерял мать и жил с отцом в доме Полянских, то есть с тёткой и бабушкой. Был он тихим и сообразительным ребёнком, в пять лет выучился читать, на восьмом году пробовал сочинять стихи. Дом находился на Петропавловском спуске, вытянувшемся на три версты от южного конца Большой Саратовской улицы до пароходных пристаней на Волге.

В семь лет отец взял Митю с собой в деревню, устроившись домашним учителем к помещику Дроздовскому. Влияние родителя было самым благотворным, мальчик с десяти лет принялся за изучение сразу нескольких иностранных языков. Николай Александрович готовил сына к поступлению в университет, причём намеревался и сам слушать лекции, чтобы помогать своими

¹ РГАЛИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 284. Д. 1.

- Юрий Васильевич Козлов родился в 1954 году в с. Вороновка Инзенского района Ульяновской области, окончил Ульяновский политехнический институт. Более 20 лет возглавлял Средневолжский филиал института «Спецпроектреставрация», заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор сотен статей и восьми научно-популярных книг. Награждён памятной медалью «200 лет со дня рождения И. А. Гончарова» Министерства культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

объяснениями. Предполагал даже отправиться вдвоём в заграничную поездку с образовательной целью. Однако судьба распорядилась иначе – отец умер в 1860 году от апоплексического удара.

Оставшись круглым сиротой, Дмитрий жил у своей заботливой тётки – Юлии Ивановны Полянской. Её стараниями в 1862 году был определён в гимназию, где и продолжал своё обучение. Большинство преподавателей имело университетское образование, исключением был директор гимназии И. В. Вишневский, выпускник духовной семинарии. Гимназический курс был семилетним, плата за обучение составляла около 20 рублей – немалую по тем временам сумму. Воспитанники должны были освоить более двадцати предметов, включая древние языки – греческий и латинский. Садовников довольно успешно справлялся со всеми дисциплинами, за исключением математики, которую недолюбливал за сухость и, как он выражался, «за бессердечность»².

Дмитрий, оказавшись в шумной компании из 150 гимназистов, поначалу растерялся. Но уже через год почти избавился от застенчивости и радовался новым знакомствам, хотя особенной бойкости никогда не проявлял. Бывал в доме Глазовых на Стрелецкой улице, где силами гимназистов и семинаристов устраивались домашние спектакли, музыкальные вечера, чтения классических произведений.

Отставной полковник Ардалион Иванович Глазов был вдовцом, состоял гласным уездного земства и членом комитета Карамзинской библиотеки. Четверо его сыновей воспитывались в мужской гимназии, а дочь училась в женской гимназии.

Симбирская классическая гимназия

Будучи гимназистом, Садовников начал печататься в повременных изданиях. Первые его публикации – небольшие корреспонденции из Симбирска – появились в 1864 году в «Северной пчеле» за подписью «Ю. Подгорич». Но радость начинающего литератора смешалась с горечью погорель-

² ГАУО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4041. Л. 14 об.

ца. В августе страшный пожар уничтожил центральную часть города, от огня пострадала и гимназия вместе с пансионом. Два года гимназистам и преподавателям пришлось ютиться в съёмном доме на Лисиной улице, лишь в октябре 1866 года они возвратились в восстановленное двухэтажное здание. К тому времени мужская гимназия была преобразована в классическую, с правом поступления выпускников в университеты без экзаменов.

Однако Садовников в 1867 году был выпущен из гимназии без аттестата зрелости, так как получил три неудовлетворительные оценки. С мечтой о поступлении в университет пришлось расстаться, собственными силами навёрстывал пробелы в своём образовании. В 1870 году сдал экзамен «на право обучения в частных домах», зарабатывал на жизнь уроками в семьях состоятельных горожан.

Через год отправился в Москву, где занялся поисками подходящих занятий и заработка. Средств не хватало даже на пропитание и сколько-нибудь приличную одежду. Знание французского, итальянского, английского и немецкого языков позволяло заниматься переводами. Два его стихотворения – переводное из Г. Лонгфелло «Стрела и песня», оригинальное «Первый снег» – были посланы В. Р. Зотову в «Иллюстрированную газету» и в 1868 году увидели свет. После публикации в солидном издании он стал печататься в других журналах и газетах.

Вскоре Садовников познакомился с московским купцом Ломакиным, в качестве учителя английского языка отправился с ним в Персию. Когда его спутнику по домашним обстоятельствам пришлось вернуться с подорожи, самостоятельно поехал в Крым. Два месяца прожил в Одессе и успел привыкнуть к тёплому морю, голубому небу, роскошной растительности.

По возвращении в Симбирск устроился домашним учителем к земскому деятелю Д. А. Лазареву, где познакомился с его родственницей, Варварой Ивановной Лазаревой. Встреча с девушкой произвела на него неотразимое впечатление. В 1871 году они обвенчались и переехали сначала в Москву, а оттуда в Петербург, но прожили там недолго и вернулись на родину.

Симбирск, основанный как крепость на крутом, правом берегу Волги, в 1670 году целый месяц безуспешно осаждали отряды Степана Разина. С тех пор «в память избавления от разбойничьих шаек» симбиряне ежегодно в мае устраивали крестный ход вокруг города.

Это был едва ли не единственный из поволжских городов, который не захватил Емельян Пугачёв, объявивший себя царём Петром III. Но в Симбирске ему пришлось побывать дважды, причём каждый раз не по своей воле. В 1773 году здесь останавливался конвой, сопровождавший арестованного Пугачёва в Казань, откуда он бежал. Осенью следующего года, после разгрома мятежников в низовьях Волги, самозванца почти месяц содержали под стражей в подвале самого крепкого из местных домов; его допрашивала учреждённая Екатериной II следственная комиссия во главе с графом П. И. Паниным.

Неподалёку от классической гимназии находилась Карамзинская площадь, названная так после установки в 1848 году памятника местному уроженцу Н. М. Карамзину, автору многотомной «Истории Государства Российского». Тогда же в здании Дворянского собрания на Венце открылась Карамзинская общественная библиотека, книгами и журналами которой Садовников пользовался ещё с гимназической поры.

Помимо изучения по книгам и рукописям местной истории в поволжских городах и сёлах он знакомился с устным народным творчеством. Собранный материал послужил основой для этнографического очерка «Жегули и Усолье

*Памятник Н.М. Карамзину
в Симбирске*

на Волге» (Жегули – так называли в XIX веке. – Ю.К.), с изложением преданий и легенд о Стеньке Разине и волжской «вольнице». В 1872 году очерк опубликовал московский литературно-политический журнал «Беседа», выходивший в течение двух лет под началом известного публициста, критика и драматурга С. А. Юрьева.

В предисловии автор отметит: «Предлагаемый мною очерк заключает в себе и собственные путевые наблюдения, и свод того, что известно о Жегулях и Самарской Луке, и преимущественно с исторической стороны. История этого небольшого клочка земли, игравшего свою роль в жизни русского народа, не должна, по-моему, обходиться молчанием и не может иметь интерес лишь местный»³.

Тогда же журнал для народного чтения «Грамотей» напечатал два перевода Садовникова и побасенку «Лень перекатная». Через год в «Семье и школе» было опубликовано народное предание в стихах «Усолка», открывшее ряд поэтических переложений исторических сказаний края. Спустя ещё год в нескольких номерах «Симбирских губернских ведомостей»

появились собранные им заговоры и детские песни, в журнале «Нива» – статьи по этнографии, географии и истории.

В 1875 году в «Ниве» был напечатан, без подписи, новый ряд его статей, а в «Пчеле» – перевод одного из сочинений Эмиля Золя. Отдельной книжкой вышли, без указания переводчика, «Норвежские сказки», получившие немало одобрительных отзывов. Спустя год – наряду с целым рядом статей и стихотворений в «Ниве» – появилась в «Вестнике Европы» поэма Садовникова «Попутный ветер». Канвой автору послужил услышанный в селе Озерки Ставропольского уезда Самарской губернии вариант напечатанной А. Н. Афанасьевым, известным исследователем фольклора, сказки «О драчливой жене и смирном мужике».

К этому времени Садовников завершил большой труд, написанный после изучения материалов по истории заселения Сибири выходцами из России – Ермаком, С. Дежнёвым, Е. Хабаровым. Его рассказы в 1873 году печатались в «Грамотее» под заголовком «Подвиги простых русских людей» и пользовались популярностью, через год вышли отдельным изданием под названием «Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири. 1581–1712».

В зачине он предупредит будущих читателей: «Впереди мы будем вести речь о тех людях, которые в несколько лет прошли от Уральских

³ Русский биографический словарь. Т. 18. С. 46.

гор до далёкой оконечности Сибири, терпя всевозможные лишения: и голод, и холод, и непогоду. Люди эти (называет их «землепроходцами». — Ю.К.) совершали великую путину <...>, покоряли дорогой разные племена, прибавляли к нашей земле новые края и населяли их»⁴.

Много усилий потребовала подготовка сборника «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач», который увидел свет в 1876 году и впоследствии не раз переиздавался. В загадках Садовникова привлекали прежде всего «бытовая обстановка и мировоззрение русского земледельца»⁵. Ему пришлось воспользоваться материалами А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, И. П. Сахарова и других собирателей. В результате удачной группировки загадок на 21 цикл получилось одно из самых полных собраний народных произведений этого жанра.

Дмитрий Николаевич объездил и даже обошёл родное Поволжье вдоль и поперёк, узнавая народ путём личного общения. На месте записывал предания и легенды, невольно поддавшись неотразимому обаянию этого творчества. В 1876 году в «Русской старине» напечатал народные исторические рассказы «Иван IV Грозный», «Разин в Симбирске», «Пугачёв в Симбирске», «Расправа с Пугачёвым». Тогда же «Вестник Европы» опубликовал одну из лучших его поэм «Попутный ветер», где рисует «мать-кормилицу реку», вводит образ «служивого» — излюбленный персонаж народной сказки.

Плодотворный период в творчестве Садовникова был прерван семейной трагедией. В 1877 году он потерял любимую жену, оставшись с тремя малолетними детьми и «безо всяких определённых средств». Как говорят в народе, беда не ходит одна: следом умерла младшая из дочерей. Потеря близких людей неожиданно привела к рождению нескольких лирических стихотворений: «Небесной равниной, послушны дыханью...», «Я не рождён для злобы дня...», «В степи», «Ребёнку» с посвящением дочери Ольге.

Дмитрий Николаевич оставил дочь и сына на попечение своей воспитательницы Полянской и уехал в Петербург, где раньше бывал лишь наездами. В журналах появлялись его стихи, статьи, блестящие переводы; особо обильным на публикации оказался 1879 год. Так, в «Огоньке» были напечатаны поэтические переводы из М. Бушора, М. Сюлли, А. Терье под заглавием «Из

Титульный лист книги Садовникова

⁴ Там же.

⁵ Краткая литературная энциклопедия. — Москва, 1971. — Т. 6. С. 597.

весёлых песен» и рассказ «Как он ездил в Персию», подписанный псевдонимом «Жанрист». В «Живописном обозрении» появились стихи из Ш. Петёфи, в еженедельном «Новом времени» – рассказ «Шут», в «Стрекозе» – ряд фельетонов «На полях книг», в «Будильнике» – несколько переводных стихотворений.

Для переводов он чаще всего выбирал поэтов, воспевающих сильных духом людей, использующих в стихах творчество своего народа. Современники в числе главных достоинств его переводов отмечали их «близость к букве подлинника и верность красоте духа его»⁶.

Богатым на оригинальные стихотворения выдался следующий, 1880 год. К примеру, в «Огоньке» он поместил стихи «Сон», «Тоска», «Песня колодистой ржи», «Полонянка». В последней легенде наблюдательный поэт-художник лёгкими штрихами нарисовал типичный волжский пейзаж.

*Среди этих тёмно-зелёных холмов
Сказания местного слово,
Как крик выплывающих в небо орлов,
Как шум отдалённый сосновых лесов,
И дико, и вместе сурово...⁷*

Этот отрывок из «жегулёвского предания» может служить не только красивым, но и выразительным эпитафием ко всем эпическим стихотворениям Садовникова.

В тот год С. А. Юрьев совместно с журналистом и переводчиком В. М. Лавровым основал журнал «Русская мысль», который возглавлял в течение пяти лет. Тогда же Сергей Андреевич был избран председателем Общества любителей российской словесности. Осенью 1879 года Садовников писал ему в Москву:

«По вине своей и благодаря разным экскурсиям по Волге, я ни одной строкой не известил Вас о том, жив я или нет <...> Летом я собирал сказки и народные легенды <...>, на днях сяду отделять, затем перепишу и пришлю. Если понравится – возьмите; но здесь такую поэму помещать негде...»⁸.

Зная о приверженности своего адресата к традиционному православию, описал любопытный случай на пароходе с крестьянином-старообрядцем из Костромы. В конце послания указал свой адрес: Петербург, Васильевский остров, 4-я линия, д. 24, кв. 14.

В эти годы Садовников записал в Заволжье более семи десятков сказок от крестьянина Абрама Новопольцева, крестьянина села Ясашное Помряскино Ставропольского уезда Самарской губернии. Знакомству с удивительным сказочником он был обязан родственнику покойной жены Д. А. Лазареву. Записи производились в усадьбе помещика в деревне Новиковке, на речке Красная, в нескольких верстах от Помряскина, куда неоднократно приглашали Новопольцева. Этот высокий, широкий в плечах старик «был пастухом, жил бедно, имел четырёх сыновей, любил выпить, побалагурить и сказки сказывать»⁹.

⁶ Садовников Д. Н. Песни Волги. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 21.

⁷ Садовников Д. Н. Избранные произведения. – Саратов, 1989. – С. 41.

⁸ РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 442. Л. 1.

⁹ Сказки волжской вольницы. – Тольятти, 2002. – С. 435.

В упомянутой Новиковке встречался Дмитрий Николаевич и с другими сказочниками, местными жителями – Василием Андреевым, Исаем Ивановым и Максимом Кузьминым. Среди сказателей также он упоминал симбирских мещан Петра Степановича Полуэктова, Михаила Ивановича Извошкова и Елену Степановну Смирнову, дворника Алексея из Симбирска и его тёзку, воротника Алексея из села Озёрки Ставропольского уезда Самарской губернии.

С 1879 года Дмитрий Николаевич принял на себя ведение литературно-критического отдела в журнале «Искусство», где выступил с циклом статей «Открытые письма по русской поэзии» за подписью: «Д. Волжанов». В «письмах» рассматривал творчество А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, Л. А. Мея, А. А. Голенищева-Кутузова. К примеру, в «поэзии гражданских мотивов» Некрасова отмечал, что поэт в душе борется с прозаиком, намеренно изображавшим самые тёмные стороны народной жизни.

Садовников с удовольствием посещал Мариинский театр и знал его ведущих солистов; бывал на художественных выставках, интересуясь полотнами И. К. Айвазовского, И. Е. Репина, В. М. Васнецова. На исходе 1879 года планировал отправиться в Париж, даже заручился обещанием жившего там по зимам И. С. Тургенева познакомить его с тамошними молодыми поэтами. Однако поездка не состоялась по банальной причине: отсутствие нужных средств.

Среди русских поэтов Дмитрий Николаевич в особенности ценил А. С. Пушкина. Когда услышал от Тургенева на одном из литературно-музыкальных собраний, которые проводил у себя по пятницам поэт Я. П. Полонский, о готовящейся в Москве установке памятника Александру Сергеевичу, то начал хлопотать об открытии в Петербурге Пушкинского кружка.

«Недели три тому назад мне совершенно случайно пришла в голову мысль об основании Пушкинского кружка или чего-нибудь в этом роде, – отметит в марте 1880 года Садовников в дневнике. – В. В. Чуйко (литературный критик. – Ю. К.) предложил мне стать членом Шекспировского кружка; я ему предложил в свою очередь устроить Пушкинский, благо и день открытия памятника недалеко. В квартире у Острогорского (известный педагог В. П. Острогорский. – Ю. К.), который принял это предложение горячо, был набросан первый план устава. В пятницу, 7 марта, я с этим уставом явился к Полонскому, где, по моим расчётам, должен был быть Тургенев. Я не ошибся. Кроме Тургенева были ещё Григорович и потом читавший о Пушкине лекции Незеленов»¹⁰.

За вечерним чаем Садовников познакомил с уставом сотоварищей по литературному цеху, просил каждого пропагандировать будущий кружок между знакомыми. Товарищ председателя Славянского комитета И. Ф. Золотарёв изъявил желание стать его членом и обещал пригласить ещё живых товарищей Пушкина по лицу. С восторгом отнёсся к этой идее и Д. В. Григорович, заявив при этом: «Относительно предполагаемого общества я могу быть вам многим полезен, к тому же это было всегдашней моею мыслью. У нас есть несколько пустых зал в школе (рисовальная школа при Обществе поощрения художеств, где Дмитрий Васильевич был секретарём. – Ю. К.) – вот вам помещение на первый раз»¹¹.

¹⁰ Русское прошлое. Петроград–Москва. 1923. Кн. 3. С. 109.

¹¹ Там же. С. 111.

Участники кружка собирались на квартире прозаика и мемуариста Н. А. Соловьёва-Несмелова, большого поклонника Пушкина и Грибоедова. Своему появлению на свет Николай Александрович был обязан сельскому священнику Соловьёву и дворянке Несмеловой. Он окончил в Саратове духовное училище и духовную семинарию, с 1875 года жил в Петербурге, писал рассказы и редактировал журналы. В 1881 году кружок литераторов официально получил название Пушкинского кружка, куда входили Д. Н. Садовников, С. Д. Дрожжин, М. Н. Альбов, А. В. Круглов, А. К. Шеллер и другие.

26 мая 1880 года в Первопрестольной состоялось открытие памятника, ставшее крупным общественным событием. Садовников, находившийся в это время в Симбирске, подготовил стихотворение «На открытие памятника Пушкину», в котором рождение поэта уподоблял наступлению весны. Стихи были прочитаны на торжестве в зале Симбирского Дворянского собрания, затем появились в сборнике «После Пушкина» и «Огоньке». Этот журнал также опубликовал его два переводных стихотворения из А. Терье «Малиновка» и «Ласточки», а «Живописное обозрение» – рассказ «Сила Ерофеич».

Многие поэтические и прозаические сочинения Садовникова были адресованы детям, в них он говорил со свойственной его таланту простотой и непосредственностью. Они печатались не только в «Игрушечке» или «Детском чтении», но и в толстых журналах; их заучивали наизусть малыши и читали взрослые.

14 марта 1880 года, вернувшись от Полонских, Дмитрий Николаевич отметит в дневнике: «Н. П. Аловерт (редактор журнала «Огонёк». – Ю.К.), бывший в числе гостей, сообщил мне, что в одном кружке любящих поэзию и вообще ценителей моя «Весенняя сказка» очень понравилась. Полонскому – тоже. Она написана была для детей, а ценят взрослые. Впрочем, дети, если хоть что-нибудь понимают в ней, и то ладно <...> По словам Аловерта, сказку читали раза три вслух разные лица. Заношу это, как, несомненно, любопытный для меня факт. Публику надо всегда слушать»¹².

В 1881 году Садовников напечатал в «Огоньке» перевод поэмы Л. Рунберга «Король Фьялар» в пяти песнях, с гравюрой и виньетками, посвящённый Я. П. Полонскому. В журнале «Слово» появились его оригинальные «Песни о Стеньке Разине»: «Астраханский загул», «Стенькина шуба», а в «Русской мысли» – волжское предание в стихах «Настасьина могила». Активно сотрудничал он и с поволжскими изданиями; в газете «Волжско-Камское слово» опубликовал «Письма из Петербурга», в журнале «Волжский вестник» – стихотворение «Атаман и есаул» о первой схватке молодого Стеньки Разина с разбойником Ураковым. Источником якобы послужило предание об Ураковом бугре, появившееся впервые в 3-м номере «Саратовских губернских ведомостей» за 1859 год.

Близко знавший его Полонский утверждал, что влюблённый в богатырский образ Разина поэт задумал цикл из двенадцати песен-легенд, посвящённых народному герою, но успел воплотить только половину задуманного. В странствиях по Волге Садовников не раз убеждался, что имя Разина не забыто простым людом, напротив, обрело необыкновенную популярность. Восхищённый этим, Садовников писал, мол, Разин «до такой степени жив в народной памяти и удаливость его было из таких крупных и блестящих, что

¹² Там же. С. 115.

народ думает о Разине как о живом ещё человеке, не будучи в состоянии помириться с мыслью, что такой богатырь мог умереть»¹³.

Лучшие стихи Садовникова – «Из-за острова на стрежень», «По посадку городскому» – с лёгкой руки другого писателя, тоже волжанина, С. Г. Скитальца, исполнявшего их под аккомпанемент гуслей, со временем станут известны как народные песни.

Более десяти лет занимался Садовников литературной работой, его справедливо считали певцом Волги и воли, а стихи – истинно русскими и самобытными. Дмитрия Николаевича знали и ценили многие писатели, артисты и художники, включая самого И. Е. Репина. Илья Ефимович, собиравший в Жигулях натурный материал для знаменитого полотна «Бурлаки на Волге», разделял любовь Садовникова к широте и раздолью Волги, к быту и нравам удалого народа, живущего на её берегах. Живописец с восторгом вспоминал воскресный день, когда приплыл в Моркваши и его обступили прибрежные жители.

«Какой красивый, дородный народ! Высокие цилиндры-гречневники с большим перехватом посередине так к ним идут. И откуда у них такая независимость, мажорность в разговоре? И эта осанка, полная достоинства?

Как ни станет мужик – всё красиво. И бабы подходят. Тоже – княжны какие-то по складу: рослые, красивые, смелые. Всем здесь говорят «ты» обыватели, и за этим чувствуется равенство»¹⁴.

В 1882 году Садовников познакомился с архивными материалами симбирского уроженца, покойного поэта Н. М. Языкова, переданными его племянником. На следующий год в «Историческом вестнике» напечатал фрагменты писем братьев Языковых и славянофила П. В. Киреевского, которые проясняли взгляды Пушкина на народную словесность.

Власть имущие относились к Дмитрию Николаевичу неодобрительно, даже с некоторым предубеждением. Когда он хлопотал о должности секретаря губернского статистического комитета в Казани или Симбирске, которая привлекала его в силу научных интересов и затруднительного материального положения, то места не получил. Обращался к заведующему Симбирской чувашской школой И. Я. Яковлеву с прошением принять в качестве преподавателя естественной истории, тот посоветовался с губернатором и тоже отказал.

«В обществе считали Садовникова талантливым журналистом, этнографом, знатоком литературы, – напишет позднее Яковлев. – Однажды мне пришлось ехать вместе с ним на пароходе от Казани до Симбирска. При этом он мне рассказывал о том, как собирает песни (только русские), народные предания и т. п., расхаживая и разъезжая по Приволжью»¹⁵.

Лето 1883 года Дмитрий Николаевич провёл в Симбирске, посетил любимые Жигули, занимался со своими подросшими детьми. До глубокой ночи засиживался над составлением обширного сборника сказок и преданий, насчитывающих около двух сотен. Работал также над этюдами о Тургене-

¹³ РГАЛИ. Ф. 3137. Оп. 1. Д. 168. Л. 100.

¹⁴ Репин И. Е. Далёкое – близкое. – Ленинград, 1986. – С. 232.

¹⁵ Яковлев И. Я. Моя жизнь. Воспоминания. – Москва, 1997. – С. 369.

ве, любимом авторе «Рудина» и «Аси», и биографией Языкова, известного «своим бойким, искристым, звонким и блестящим стихом».

Однако замысел Садовникова не суждено было сбыться: он скончался в Петербурге на 37-м году жизни. Незавершённой осталась его последняя крупная этнографическая работа «Поволжские заговоры». Умер в клинике профессора С. П. Боткина после крупозного воспаления лёгких 19 декабря 1883 года.

Старый знакомый К. М. Фофанов пометит в дневнике: «Сегодня, 22 декабря, мне пришлось участвовать на похоронах Д. Н. Садовникова. Кто бы мог думать, что такая колоссальная фигура так рано будет сражена смертью. Скромная, но вполне приличная процессия медленно подвигалась к Новодевичьему монастырю. Народу никого не было почти. Несколько знакомых литераторов покойного, сочувствующие горю поэты следовали за гробом. Над могилой было до семи речей, из них два-три стихотворения <...> Необъяснимое грустное чувство испытывали все уходившие от ранней могилы начинающего развиваться таланта и глубоко симпатичного человека»¹⁶.

Дмитрий Николаевич жил недолго и трудно, его произведения были разбросаны по сорока журналам и газетам. Многие издания, прознав о печальном событии, опубликовали полные искреннего сожаления некрологи. «По единодушному отзыву всех знавших Д. Н. Садовникова, это был необыкновенно сдержанный и деликатный человек, – писал А. А. Коринфский. – В людях он старался находить хорошие стороны и всегда стремился помочь каждому – чем только был в силах. Он страстно любил музыку; любимым его композитором был Моцарт; его он готов был слушать по целым дням. Любимым поэтом был Пушкин; он находил в нём неисчерпаемый источник наслаждения. Из иностранных поэтов он преклонялся перед Шекспиром и Байроном. Всё изящное привлекало его, во всём он любил красоту. Книга являлась в его глазах святыней; для неё он нередко отказывал себе в самом необходимом»¹⁷.

На следующий год после кончины Дмитрия Николаевича в «Записках Императорского Русского географического общества» будут изданы «Сказки и предания Самарского края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковым». Перед смертью он успеет просмотреть корректуру последних листов готового к печати сборника из 183-х «сгруппированных по содержанию» рассказов, большую часть которых услышал от Абрама Новопольцева. Под Самарским краем подразумевал не только левобережную Самарскую губернию, но и правобережную Симбирскую, а также смежные с ними губернии.

«Более всего <...> оценят труд Дм. Н. Садовникова исследователи народного творчества, – отметит в предисловии Л. Н. Майков, – и пожалеют вместе с нами о преждевременной кончине этого полезного и даровитого деятеля по русской этнографии»¹⁸.

Вскоре в «Историческом вестнике» заботами А. А. Коринфского будет напечатана поэма из волжских преданий «Кума». Образ главной героини – «красавицы-вдовы» – был навеян Садовникову симбирским преданием о Марине-русалке, обеих сближает неудержимая любовная страсть, приводящая героев к гибели. Известный драматург, создатель пьес на материале

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 525. Оп. 1. Д. 394. Л. 6.

¹⁷ Аполлон Коринфский. Д. Н. Садовников и его поэзия. – Санкт-Петербург, 1900. – С. 97.

¹⁸ Сказки и предания Самарского края, собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. – Санкт-Петербург, 1884. – С. 5.

старого русского быта И. В. Шпажинский на сюжет «Кумы» напишет трагедию «Чародейка», а позднее составит либретто для одноимённой оперы П. И. Чайковского.

У родных Дмитрия Николаевича осталось ещё несколько мелких лирических и эпических стихотворений, часть которых можно было напечатать без всякой дополнительной отделки. Так, в литературном сборнике «Помочь», изданном в 1892 году в помощь голодающим, появится восемь поэтических «вещиц» Садовникова под общим названием «Из забытых тетрадей». Публикация сопровождалась примечанием: «Стихотворения присланы из Симбирска Юлией Ивановной Полянкой, попечительницей детей покойного поэта»¹⁹.

Коринфский переписывался с этой удивительной женщиной, которая вырастила сирот и сумела воспитать в них благоговение к памяти отца. Имя последнего в её глазах было синонимом всего чистого, возвышенного и благородного. Каждое письмо «покойного Мити», каждый забытый им черновой набросок являлись для неё драгоценными реликвиями.

В одном из писем она, в частности, сообщит:

«Митя <...> очень любил покупать книги, отрывал от себя с детьми, чтобы приобрести интересную книгу или историческую рукопись, у него образовалась очень хорошая библиотека. Но теперь она осталась в Петербурге, а которые книги остались здесь, в пожар они сгорели, лишь остались иностранные книги <...>

Письма же его ко мне пропали, когда Митя был последний раз в Симбирске. Он все мои письма взял, ему для чего-то нужно было, так они и пропали. Не знаю, будет ли Вам какая-нибудь помощь от моего сообщения, я писать совсем не умею, да не знаю, разберёте ли Вы мою мазню, я всегда писала сносно, а теперь не вижу, совсем плохо с глазами. Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу бесконечную доброту, что Вы нашли время хлопотать об издании Митиных стихов. Это моя была мечта, я уже и не знаю, как благодарить Вас»²⁰.

В марте 1900 года А. А. Коринфский сделал о Садовникове доклад в литературно-художественном кружке имени Я. П. Полонского, продолжавшем традиционные пятничные собрания после смерти их организатора. В альманахе «Денница» он поместил статью «Певец вольных людей», затем вышла его небольшая, но проникновенная книжка «Садовников и его поэзия» с гравированным портретом поэта. С горечью сетуя о незаслуженно забытом поэтическом наследии Садовникова, он обратится к книгоиздателям с горячим призывом:

«Не пора ли выйти литературным косарям из дремучих лесов равнодушия, подойти к этому имени да и скосить под корень весь не на месте выросший, заслоняющий его бурьян? Пора, давно пора услышать русскому читателю вдохновенное слово забытого певца вольных людей и воочию увидеть всю красоту его песен – этих заживо погребённых сокровищ!»²¹

Его клич, словно по волшебству, возымеет действие. Уже в 1901 году будут переизданы «Загадки русского народа», ещё через год в Москве выйдет книга Садовникова «Ермак Тимофеевич – покоритель Сибири», следом появится другая – «Подвиги русских в Сибири. Ерофей Хабаров и Семён

¹⁹ Садовников Д. Н. Избранные произведения. С. 213.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2.

²¹ Аполлон Коринфский. Д. Н. Садовников и его поэзия. С. 112.

Дежнёв». Не забудут славного уроженца и в Симбирске, там к 1906 году подготовят сборник «На старой Волге. Песни и легенды Дмитрия Николаевича Садовникова». В 1913 году новое издание «Песни Волги» увидит свет в петербургском издательстве В. С. Терновского, до сих пор оно остаётся самым полным собранием его поэтического творчества.

В советское время лучшие произведения Садовникова неизменно входили в хрестоматии, сборники, антологии русской поэзии. Шире и глубже познакомятся читатели с его творчеством в 1940 году после выхода в Куйбышеве сборника «Певец Волги Садовников. Избранные произведения и записи», его составителем и автором обстоятельного предисловия была В. Ю. Крупянская.

После так называемой «перестройки» в Саратове будет издан прекрасно оформленный томик «Избранные произведения» с предисловием и комментариями В. Н. Болдырева, открывший серию «Библиотека волжской поэзии». В 2002 году при содействии фонда «Духовное наследие» в Тольятти выйдет в свет любовно составленный Н. И. Таракановой сборник сказок, легенд и преданий, записанных на территории Поволжья. Львиную долю объёмистой книги под названием «Сказки волжской вольницы» составили труды незабвенного Дмитрия Николаевича Садовникова.

**Наталья
ЛЕВАНИНА**

ЛЕТИ, «ЧАЙКА», ЛЕТИ!

Мои земляки поделились со мной своей радостью – прислали только что вышедший, хорошо изданный, солидный (262 страницы!) сборник своей прозы и поэзии «Чайки над озером» (Галич, 2022). Все авторы – галичане, члены городского литературного объединения «Чайка». Литературным редактором книги выступила высоко ценяемая мною Елена Львовна Балашова, поэт и организатор культурного пространства на Костромщине. Редактор-составитель и «пламенный мотор» издания – руководитель этого самого галичского Литобъединения Вера Львовна Клевич, журналист и поэт. Среди авторов имена в большинстве своём тоже мне хорошо знакомые: Сергей Потехин, Вера Клевич, Анна Волкова, Светлана Павлова, Алевтина Погодина, Владимир Самков, Олег Зайцев. Есть и такие, с которыми только предстоит познакомиться.

Любая книга, если перефразировать классика, *это вещественное доказательство твоих неважных отношений* с литературой. К тому же отбор материала был суровым, принципиальным, редактурка – качественной, оформление – оригинальным. В итоге книга вышла с профессионально подготовленными текстами, в твёрдой обложке, на хорошей бумаге, с фотографиями и авторским оформлением (Елена Виноградова). И только создатели книги знают, чего им это стоило!

«Выход такой книги не должен пройти под сурдинку. Не каждый год в моём родном Галиче, маленьком городе с большими литературными традициями, родине замечательного Виктора Лапшина, Сергея Потехина и Елены Балашовой, выходят такие достойно изданные художественные книги. Надо отозваться», – заранее решила я и приступила к чтению.

Однако, углубившись в книгу, скоро почувствовала, что лечу на крыльях галичской «Чайки» в какую-то новую для себя профессиональную реальность. Нет, книга хорошая, чистая, искренняя. Дело во мне. Написав в своей жизни множество рецензий

-
- Наталья Юрьевна Тяпугина (Леванина) – прозаик, литературовед, литературный критик. Член Союза писателей России. Доктор филологических наук, профессор. Автор более двухсот научных, литературно-критических и художественных работ. Публиковалась в журналах «Москва», «Октябрь», «Дон», «Волга», «Волга–XXI век», «Наш современник», «Литература в школе», «Женский мир», «Крещатик»; альманахах «Саратов литературный», «Краснодар литературный», «Другой берег», «Мирвори» (Израиль), «Эдита» (Германия) и мн. др. Победитель конкурса «Российский писатель» в номинации «Критика» в 2019 и 2021 гг.

и критических разборов, я по мере погружения в тексты вдруг поняла, что весь мой предыдущий опыт мне совсем не помощник. Передо мной сейчас не просто очередная книжная новинка, этот сборник требует особого подхода, ведь с его страниц я отчётливо услышала голос моих дорогих земляков, их окающий говорок, интонацию того самого *глубинного народа*, о котором так любят рассуждать наши интеллектуалы.

По сути, сборник составила современная *народная литература*, то есть созданная самым что ни на есть реальным народом – тем, что многие века живёт на родной земле; кто занят самым сущностным делом: учит, лечит, охраняет, а ещё думает, переживает, творит. Стихами и прозой пишут эти люди от душевного избытка, с верой в печатное слово и надеждой на понимание.

Вот почему скоро на первый план у меня вышли проблемы морального порядка. Будто дорогие люди излили мне свою душу, от простоты душевной поделились самым сокровенным, а мне надо оценить этот искренний порыв: достаточно ли он мастеровит? И дело здесь не в том, что произведения моих земляков недостаточно мастеровиты. Они ведь и не прикидываются профессионалами. «Чайка» – настоящий клуб по интересам, который держится на чистейшей любви к литературе. У них есть лидер – волевая и талантливая Вера Львовна Клевич, организатор этой стихийной литературной вольницы. У «Чайки» есть постоянное место для встреч – свой уютный уголок в городской библиотеке, куда с охотой приходят учителя, охранники и журналисты, рабочие и домохозяйки, а также неугомонные пенсионеры – все, кто по неизвестной им самим причине всю жизнь что-то пишет и втайне мечтает увидеть это что-то опубликованным.

У сборника «Чайки над озером» есть и другие особенности. Он предназначен для *семейного чтения*. Большая редкость по нынешним временам. Его смело можно дать в руки и старику, и подростку, родителям и внукам; можно принести его в свой дом без опасения испачкаться и навредить. Никому не будет стыдно. Рассказы Ольги Алимовой, Марии Гусевой, Ольги Смирновой, Светланы Фёдоровой и замечательный биографический очерк Светланы Павловой действительно можно читать вслух, бесконечно отвлекаясь на личные комментарии.

Само обилие жанров и имён, конечно, повышает риск эклектичности, зато расширяет представительность публикации, создаёт ясную картину литературного процесса в отдельно взятом российском регионе во всём его многообразии. Несмотря на неизбежную калейдоскопичность, сборник в целом отличается тем редким единством, той самой общей духовно-нравственной основой, на которой от веку зиждется всё здоровое в России и её культуре. Тексты «Чайки», при всём их разнообразии, сумели отразить ту сохранённую народом систему ценностей, то общее, коренное, лучшее, чем мы по-настоящему дорожим и что хотим передать поколению, идущему вслед.

Что значит сам факт выхода этой книги для её авторов, издателей, составителей, редакторов и благотворителей в маленьком русском городе, где с трудом всем миром наскребли средства на её издание? Уж точно, не амбициозное, прости, Господи, желание популярности и славы. Да и какая популярность при тираже в шесть сотен экземпляров! По библиотекам, авторам-издателям-спонсорам разнести – и тираж закончился. И жди ещё сто лет, когда созреет в Галиче что-то подобное.

Впрочем, для каждого автора, профессионального и не очень, источник писательского счастья один: если есть люди, которые вас читают, если им

это нравится, если есть такие, кто понимает смысл написанного вами, разделяет ваши чувства и эмоции, – вы в этот момент просто счастливы. Так что да, книжная «Чайка» действительно многих осчастливила. И авторов, и читателей.

РЕКВИЕМ ПО РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

А теперь к главному – к текстам. Они, будто дружная семья, стоят плечом к плечу, поддерживая друг друга и создавая тот прочный фундамент единодушия в развитии идей и тем, что людей действительно волнуют. Оговорюсь сразу: речь сейчас пойдёт о стихах. Анализ прозаических произведений решительно превосходит отведённые границы и требует особого внимания. Так что на время оставляю этот материал, сосредоточившись на поэзии.

Основу сборника составляют традиционные для лирики стихи о любви и природе, о жизни и смерти, о времени и о себе. Ничего вроде бы нового. Но ведь и азбука человеческого счастья, по сути, вечна и неизменна: жить в гармонии с собой и миром, заниматься любимым делом, чувствовать поддержку и внимание родных.

Всё вроде бы очевидно, вот только почему-то не реализуемо. Авторы отчаянно пытаются разобраться: почему пробуксовывает счастье? Отчего существует оно подчас только в памяти, только в воспоминаниях? А ещё – во сне. В мечтах. Одним словом, где-то там, не в реальной жизни. Таких стихотворений много в этом сборнике. С них и начну.

Стихи трогают своей беспомощной безгневностью, какой-то христианской смиренностью, а в итоге рождают горькую досаду на неостановимый каток нашей жизни, сминающий самое дорогое и незащищённое. По сути, это реакция на трагическую суть порушенного миропорядка, где милый лад прежней жизни – не больше, чем мираж.

*В сиреневом краю малиновые зори.
Лазоревый туман струится по лугам,
И горизонт блестит в берёзовом узоре,
Мне снится, что спешу к родимым берегам.*

*Мне снова снится мать, накрыт скатёркой столик,
Она глядит в окно, смахнув слезу рукой,
А по углам просел её убогий домик,
Здесь тоже всё давно пропитано тоской.*

*Управившись в хлеву, печь истопила справно,
Из печки пироги дымятся на шестке.
Как хочется домой, где сердцу так отрадно,
Где мама ждёт в цветном сатиновом платке.*

*Где бегали гурьбой играть в медвяных травах,
А в жаркие деньки купались на реке,
Где загорали днём на деревянных лавках,
Лишь к вечеру спеша до дома налегке.*

*Но это только сон, пронзительный и горький,
Судьба деревни той не нами решена...*

*В сиреневом краю играют только зорьки,
И громкая, звенящая плывёт здесь тишина.*

Анна Волкова

«Стране забытых деревень» посвящено и другое стихотворение Анны Волковой.

Да, Костромщина – это страна забытых, исчезнувших, уничтоженных деревень, со своим укладом и родными людьми, которых не забыть и не вернуть. Это Атлантида, от которой на поверхности остались лишь дурные заросли леса вместо пашен, обвалившиеся печные трубы на месте многолюдного и тёплого семейного гнезда, покосившиеся указатели деревень, ведущие в никуда.

*Эти деревья – чьи-то деревни,
Чьи-то вокзалы и города.
Чьи-то дворцы. Боги. Дети. Харчевни.
И звездолёты, и поезда.*

*Эти деревья – кто-то в поленья.
Кто-то – в молельни. Кто-то – в мечты.
Там березняк. Там лиственничка. Там ельник.
Кто-то обломит. Кто-то почтит.*

*Эти деревья – серверы древних.
Записи жизни в кольцах тугих.
Ивы плакучи. Поджоги плачевны.
Эти деревья – руки благих.*

*Эти коряги – это бумага.
Дека гитары. Угли костров.
Копья отваги. Древко для стяга.
Эти деревья – чья-то любовь.*

Олег Жеребцов

И на что мы поменяли всё это? На дешёвку, бессмысленность, пустоту: «на табак, печенюшки и кофе», как иронизирует тот же Олег Жеребцов.

Светлана Фёдорова подхватывает и продолжает тему:

*Недосказанность нужных слов,
Недозрелость чужих идей,
Недоплата за хлеб и кров,
Недосолнечность будних дней.*

*Недолюбленный мамой сын,
Не достроенный в сроки дом,
Недолеченный лёгкий сплин,
Недокатанный снежный ком.*

*Не дописанный к фильму текст,
Не дослушанный в ссоре крик,
Недовыраженный протест,
Недокаявшийся старик.*

*Не умеем мы жизнь ценить,
Недоделки крутим в клубок.
Нам бы время остановить,
Сделать всё, что хотели, в срок:*

*Досказать, долюбить, дожечь,
Добежать, догнать, долечить,
Каждый час, каждый миг беречь.
Завтра может не наступить...*

Авторы сборника думают о России, о её тяжелейших утратах и незаживающих ранах.

НА РОДИНЕ

*Вот и всё, что осталось...
Вот и всё, что осталось:
скудных красок ноябрьских
неяркая малость.
Жухлых трав обречённых
безрадостный шёпот,
старичков позабытых
неуслышанный ропот...
Да скелеты домов,
в коих радость звенела,
да земли недоласканной
ещё крепкое тело...
.....
...Не могу наглядеться...
Не могу нареветься...*

Вера Клевич

Разобраться в этом тем более важно, что деревенская Костромщина в последние десятилетия – это женская Голгофа, где вместе со своими ветшающими домами и умирающими деревнями доживают свой век их хозяйки, наши старенькие бабушки.

*Схоронила и сына, и мужа
И свой век доживает одна.
Ничего ей на свете не нужно,
И она никому не нужна.
На двоих приготовила ужин,
Может быть, хоть соседка зайдёт.
На душе – одиночества стужа,
На дворе – темнота, гололёд.
Как тосклив нескончаемый вечер!
А во сне, что под утро придёт, –
Юный муж обнимает за плечи
И сынок из кроватки зовёт.*

Алевтина Погодина (Лапшина)

А ведь люди, что жили здесь, – чистое золото. Я застала их. Да и те, что остались, – просто заповедный, настоящий русский народ, беспомощный, доверчивый, терпеливый, добрый, простой. Об этом с любовью пишут и мои галичане:

*Кто б ни жил в той бревенчатой низкой избушке,
Знаю, встретит меня как любимую дочь,
Молока мне нальёт из подойника в кружку
И душистого хлеба отрежет ломоть,*

*И подвинет мне стул к жарко пышущей печке,
А потом не спеша разговор заведёт
Про детей, что разъехались нынче далече,
И про то, что сын в письмах всё в город зовёт,*

*Про дрова, про дела, про подросшие цены,
Про внучат, про соседку – мол, тоже одна,
И про то, что зима будет долгой, наверно,
Но короткой и тёплой должна быть весна...*

*И покажется мне всё здесь с детства знакомым:
Занавески из ситца, цветы на окне,
И на кухне из лука шуршащего крона,
И желтеющий в рамке портрет на стене.*

*Я узнаю узор на резном коромысле,
И тепло мне опустит на плечи покой...
И поймаю себя я невольно на мысли,
Что давно я не ездила к маме, домой...*

Вера Клевич

Можно, конечно, мысленно переселиться... нет, пока не на тот свет, туда мы всегда успеем, а в отмытое твоей фантазией прошлое, которое было человечнее и веселее, хотя бы по причине твоего юного возраста.

*Осыпается в реки смородина,
Только некогда ягоду брать...
Моя бабушка, Лиза Погодина, –
Гордый нрав да крестьянская стать.
Темнокосая, белокожая,
Ты завидной невестой слыла.
(Я на бабушку мало похожая,
Знать, не всё от крестьянки взяла.)
Никогда ты от дела не пряталась,
Многотрудно, но честно жила,
И хоть парни богатые сватались,
Под венец лишь с любимым пошла.
Только долгого счастья не выждала,
Наступили ненастные дни:
Умер муж, двое деток не выжило –
Лютый тиф поубавил родни.
Горевала, не видела лишнего,
Но осилила долю свою,*

*Положилась на волю Всевышнего
И одна поднимала семью.
Ты стихами да дивными сказами
В раннем детстве открыла мне свет,
Обожала поэта Некрасова,
Потому как крестьянский поэт.
Хорошо было вместе обеим нам,
Жаль, не помню тебя молодой.
Ангел мой, Лизавета Сергеевна,
Что ж мы рано расстались с тобой?*

Алевтина Погодина (Лапшина)

Есть и другие варианты. Например, сделаться в своей внутренней (книжной, лесной, домашней – вариантов множество!) эмиграции человеком отстранённым, живущим в своём прекрасном ностальгическом мире, как под наркозом.

*Все мы сетуем, что денег не хватает,
Погляди, какая осень золотая!
Хоть гребни лопатой это золото,
Можно и без денег быть богатым.
Мы богаты духом и природой,
Памятью родных и древним родом,
Небесами, лесом и полями,
По которым с девушкой гуляли.
И топтали золота излишки,
Ничего не взяв в свою кубышку.
Мы богаты этим лесом, полем,
И богаче нам не надо доли.
Так чего же сетуете, братцы?
Разве не хватает вам богатства?*

Олег Зайцев

Так же хорошо, говорят, от сплина помогает рыбалка. Тем более что галичане – мастера этого дела:

*Тропинкой к реке, прихватив собачонку,
Спешу до рассвета к заветным местам.
Ещё серебрится роса на юбчонке
Молоденькой ели с пушистой чёлкой,
И жмётся прохлада к прибрежным кустам,
Стараясь укрыться от первых лучей,
Которые скоро пробьются сквозь сумрак,
Изменяя расцветку ночного костюма,
Того, что набросил на лес Берендей.
В образе бормочет о чём-то ручей –
Наверно, зовёт к перекаату большому,
Где в царстве Нептуна красавицы язи
Хватают стрекоз, телом волны пронзив,
Пугая сорожек, мне с детства знакомых,
Но их не поймать без тяжёлых грузил.
И, зная об этом, шагаю на омут*

*(В нём травы щекочут бока водяному),
С надеждой найти хитрецов окуней...
Удача, наверно, подарит трофеи,
А если же нет, то для кошки уклеек,
Душой отдыхая, словлю побыстрей.
Возможно, вам кажется скучной затея –
Выуживать мелочь, на воду глаза,
Но вечером зимним припомню о ней
И, чуть приукрасив, в тетрадь набросаю,
Как речки быстрина, меж елей петляя,
Лечила меня красотой своей.*

Владимир Самков

Можно попробовать ловить и не только рыбу:

*Закинул удочку: клюёт,
Не знаю, ёрш или уклейка.
Душа ликует и поёт,
И счастья полная бадейка,
Чего и надо рыбаку.
На берегу пусть сохнут сети.
Тебя я в сеть не завлеку;
Не подошла ты мне по смете.
Она рассчитана на год,
А капитал уже растрачен.
Какой же был я идиот,
Как самого себя дурачил!
Река не так уж глубока,
И широка она не слишком.
Уклейка съела червяка
И уплыла, махнув хвостиком.*

Сергей Потехин

Что и говорить, природных и душевных богатств у моих земляков в избытке. Им не хватает возможности жить, не хватает даже не столько помощи, сколько – не мешали бы, не трогали! Мой народ не знает меры в своём многовековом терпении. Он скромно оценивает свою жизнь и возможности. Он даже вымирает молча, любясь при этом Божьим миром.

*Одуванчиковая Россия...
Нераспаханные поля...
Грустно. Но всё равно красива,
Терпелива моя земля...*

*Между вечным лазурным небом
И разбитою колеёй –
Не тугие колосья хлеба –
Одуванчик лишь золотой...*

Вера Клевич

Да и выбора-то у народа, по сути, нет:

*...А налево пойдёшь – лишь луга да леса,
Лишь медвежьи следы да безлюдная даль...
А направо пойдёшь – лишь волков голоса
Да седой старины вековая печаль...*

*И куда ни пойдёшь – ни кола ни двора,
Ни дымка над трубой, где бы нам отдохнуть...
На развилке дорог нам подумать пора,
Куда нас заведёт нами избранный путь...*

Вера Клевич

И ведь вот что важно: своих авторов в Галиче знают, их творческие вечера всегда собирают полные залы, их стихи, опубликованные в районной газете, читают, к своим писателям здесь прислушиваются. Читателей, конечно, не тысячи, но и жителей в городе и его опустевших окрестностях теперь совсем негусто. Данные свидетельствуют о стабильном снижении численности населения Галича с 17346 человек в 2010 году до 16629 человек в 2021 году. И ещё одна ужасающая статистика: за последние 20 лет в России исчезли 37 тысяч деревень. И ещё в 36 тысячах живут по одному человеку. То есть в ближайшие годы и они перейдут в разряд полностью обезлюдевших. Причём вымирают, в первую очередь, сёла центральной – коренной России...

Но идём дальше. Люди грамотные всегда были в чести у народа. Особенно те, кто своим трудом и умом получил образование. От них всегда ждали совета. Им в провинции по-прежнему доверяют. Вот почему здесь у людей пишущих есть и ещё одна важная миссия, почти утраченная столичными профессионалами: объяснять, сколь возможно, происходящее и морально поддерживать своих соотечественников. А стихи, как ни крути, самая подходящая для этого, самая доходчивая форма. Вот почему наши поэты – это ещё и советчики, если хотите, учителя жизни. И, кстати, советы они дают правильные, толковые.

ПОСПЕШИ

*Отложи все дела.
Не ищи оправданий.
Не пакуй чемоданы,
А иди на вокзал.
В скорый поезд садись –
Поезжай к своей маме,
Чтоб сказать ей всё то,
Что ещё не сказал...
Брось заботы свои,
Вспомни серенький домик,
Скрип калитки и ель,
Что под ветром шумит...
Там за домом овраг
В белой таволге тонет,
Там крыльцо лет уж двадцать
Неровно стоит...*

*И, поверь, ей не надобно
Вовсе подарков –
Лишь бы ты, улыбнувшись,
Ступил на порог...
Она встанет от печки,
Натопленной жарко,
И заплачет: «Ой, Господи!
Здравствуй, сынок!..»
Обними её старые,
Хрупкие плечи,
Осуши её слёзы
Окрепшей рукой.
Подари своей маме
Хотя б один вечер,
Чтоб в тревожное сердце
Вселился покой...
Отложи все дела,
Не ищи оправданий,
Чтоб потом, опоздав,
Не жалеть много лет
О поездке сорвавшейся
К старенькой маме...
Горько ехать туда,
Где её больше нет...*

Вера Клевич

А ведь точно, предательство Родины начинается с предательства родителей, родных, своего рода. Неслучайно наш мудрый язык собрал все эти понятия в крепкий узел однокорневых слов.

*Православная вера и русское слово –
Это наши сокровища, наша основа.
С ними нам не страшны никакие враги,
Пуще жизни своей ты их, брат, береги.*

*Если мы этот дар пронесём сквозь века –
Будет Русь неделима, свободна, крепка,
И народы как дань старине золотой
Назовут нашу Родину Русью святой.*

Алевтина Погодина (Лапшина)

И что сегодня остаётся поэтам? Быть вместе со своим народом. Вместе искать выход из тупика. Сохранять то, что осталось. И ещё – вместе горевать и плакать по России ушедшей и уходящей. А чайки над озером разнесут этот плач по миру. Кто-нибудь да услышит. Что-нибудь да изменится. Когда-нибудь.

*Сердце бьётся надрывно и глухо,
Слух терзает томительный звук –
Повсеместно развал и разруха,
Запустения мерзость вокруг.*

Не вернулась Орда Золотая,
 И не взяли любимых в полон.
 Что же кружит стервятников стая
 Вместо мирных грачей и ворон?
 Лихо крутятся чёрные спицы
 Мимо сёл, что стоят без огней, –
 Это мчится беды колесница
 По провинции нищей моей.
 В этих сёлах не лают собаки,
 Не качают старухи внучат,
 И погосты в бурьяне и мраке
 С диким ветром протяжно кричат.
 Мимо поля, что грезит пшеницей,
 Мимо леса – из сучьев и пней –
 Мчится, мчится беды колесница
 По несчастной России моей.

Алевтина Погодина (Лапшина)

«Мчится, мчится беды колесница / По несчастной России моей»...
 Поклон Вам, Алевтина Михайловна. Плачу вместе с Вами.

А СЕРДЦЕ ВСЁ РАВНО ПОЁТ

Но, знаете, эта книга не была бы галичской и народной, если бы всё обрывалось на такой безнадежной ноте. Нет. Наш народ мудр и силен. Он по-прежнему умеет петь и любит смеяться. Многие стихотворения сборника так и просятся быть положенными на музыку. Что, кстати, часто здесь и происходит. Свои композиторы тоже есть. И в исполнителях недостатка не наблюдается.

А семена калины
 имеют форму сердца,
 а ягоды калины горчат,
 всегда горчат.
 Я, стоя под калиной,
 пытаюсь разветвись,
 но слёзы, как нарочно,
 наружу не хотят!
 Зима стоит какая!
 Морозит не на шутку!
 Мои ресницы иней
 покрасил в белый цвет...
 Побуду под калиной
 ещё одну минутку
 и к дому пошагаю –
 другой дороги нет!
 У печки я, быть может,
 сумею отогреться,
 хоть это и непросто
 мне с некоторых пор –

*любимый мне так долго
выстуживает сердце,
что на несчастном сердце
заиндевел узор.
Оно уже не стонет,
оно уже не поет –
к нему пристыли слёзы
и литься не хотят.
Любимый не утешит,
меня не успокоит,
а если скажет слово –
то источает яд.
Ах, дерево-калина!
Лишь от тебя не скрою,
как свет меня не манит
в родном моём окне!
Ты ветками киваешь,
согласная со мною,
и грозди красных ягод
протягиваешь мне.
А раньше мне казалось,
что счастье бесконечно...
Как у тебя-то, милый,
не дрогнула рука?
А семена калины
похожи на сердечки,
но ягодное сердце
не мучает тоска...*

Елена Виноградова

А вот и удаль молодецкая. Куда же без неё! Ах, как лихо!

*Эй, позёмка верховая,
Не скрывай мои следы!
Не нашёптывай беды!
Я назло иду, плутая,
Вдоль заснеженной гряды.
Не видать дороги торной –
По сугробам, напрямик,
Сквозь заносы и тростник
Пробираюсь, непокорный,
Рвусь к зазнобушке в Родник.
Что ведёт меня? –
Чёрт знает...
Может, удаль, страсти хмель,
Чувств амурных карусель,
Но всё крепче обнимает
И постель мне расстилает
Лиходеюшка метель...*

Владимир Самков

А вот эта песня на стихи Сергея Потехина, скорее всего, через некоторое время и вовсе утратит авторство, как уже не раз бывало:

*Ласка нужна и кошке.
Что же меня ты гонишь?
Счастлив и я немножко,
Глядя твои ладони.
К берегу плот прибило.
С бурной водой не слажу.
Что между нами было,
Я не припомню даже.
Есть у меня загадка.
Хитрости в ней нисколько.
Налито сладко-сладко,
Выпито горько-горько.
Наша с тобою дружба –
Странная это штука.
Долго гадать не нужно,
Ждёт впереди разлука.*

Песенно-есенинская интонация, несомненно, добавляет красок в стихотворную палитру сборника: то же душевное, трогательное, совершенно беспафосное, глубоко родственное отношение к своей земле и твёрдая вера в неубываемую живучесть всего доброго и правдивого; то же любование красотой Божьего мира.

Но по-настоящему многоцветной и полифоничной делают книгу потехинские шутки-прибаутки. Галичский мэтр, он же поэт-отшельник Сергей Александрович Потехин, навёл шороху, растормошил элегическую пастораль и взбодрил взгрустнувших. Оживил новыми красками любовную лирику, соединив ожидаемый для этой темы *высокий штиль* с рискованным ёрничеством и мелким словесным хулиганством.

Ирония, как всегда у Потехина, направлена на самого себя, возрастного и несовершенного. Это трезвый взгляд со стороны, шутейно, но сурово корректирующий отношение автора к жизненным трудностям и неудачам, известным ему не понаслышке.

*С тебя пылинки бы сдувать,
Качать на солнечных качелях.
На что я мог претендовать,
Мешком пришибленный Емеля?
Пока лапшу с ушей стяхнёшь,
Пока поёшь романсы дурам,
Ты принцев на конях найдёшь –
На чёрном, пегом и кауrom.
На белом выедет король,
Чтоб увезти тебя в чертоги.
Какую я играю роль,
Кладя цветы тебе под ноги?
Ценить умею красоту,
О красоте стихи слагаю.
Как на могильную плиту
Венок увядший возлагаю.*

*Мне говорит лазурный взор,
Что я пяты твоей не стою.
Похоронил я свой позор
Под неотёсанной плитою.
Сам, неотёсанный болван,
Стою я, заклиная ветер,
Чтоб не порушил ураган
Твои дворцы и всё на свете.*

Итак, книга вышла в свет, наши чайки над озером встали на крыло. Зародившись в русской глубинке, в древнем городе Галиче, этот сборник самим фактом своего появления внушает осторожный оптимизм: жизнь продолжается, книга обязательно найдёт своего читателя, а месяц, как ему и положено,

*...будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам...
И Русь всё так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

Эдуард
АНАШКИН

Заветам Суворова верны...

**Иванов Н.Ф. Суворовец Воевода.
Боец республики. — М.: Вече, 2022.**

Пишу это эссе в непростые для всех нас дни — в первые дни объявленной в России мобилизации. И поневоле вижу глубокий смысл в том, что роман Николая Фёдоровича Иванова «Суворовец Воевода. Боец Республики» попал ко мне именно в это, без преувеличения, судьбоносное для России время, когда каждый мужчина делает свой осознанный выбор — он гражданин, ответственный за её будущее, он мужик и защитник или же просто заживевший от потребительства обыватель. Но и таких я осуждать не берусь, ведь, быть может, прочитай такие обыватели в юном возрасте роман про своего ровесника Артёма Воеводу, бойца Донецкой республики, то и на обывательство они бы пересмотрели свои взгляды. И судили бы о мировых событиях не с позиций отвлечённой общечеловеческой гуманности, а как потомки великих предков-победителей, что на протяжении многих столетий отстаивали право жить по заветам предков и говорить на родном русском языке.

Роман читается буквально на одном дыхании. Никакой поучительности и менторства, за что спасибо автору, который приглашает читателя к размышлению на равных. Это, несомненно, роман-исповедь, потому что главный герой — суворовец, и автор в юности был суворовцем. Это и роман-покаяние с попыткой осмысления юных заблуждений. Это и роман-преодоление, мотивирующий читателя не плыть по обывательскому течению. Он написан с такой степенью доверия к читателю, что поневоле примеряешь на себя обстоятельства жизни и судеб самых разных его героев. И живо вспоминаешь свою юность и ощущение сиротства (как в моём случае), ведь будущий суворовец и боец Донецкой республики Артём Воевода — сирота.

Мать его, мирную и долготерпеливую женщину, как многих мирных жителей республики, забрала война прямо

на огороде возле дома, где она старалась вырастить хоть какой-то урожай, несмотря на близкие разрывы снарядов. Отец Артёма, в прошлом геройски служивший в советской армии солдат времён Афганской войны, а впоследствии шахтёр, сгинул в неизвестности, не смог вписаться в послевоенную мирную действительность, став жертвой пьянства. Посттравматический военный синдром, жертвами которого становились не все, но многие, воочию видевшие ужасы войны, видимо, догнал отца на «гражданке». Артём хоть и жалел сбившегося с пути родителя, но всё равно не мог забыть, как тот обижал кроткую мать, а сам мальчишка прятался от «родительской любви» под кроватью...

Но полбеда, что отец-«афганец» сгинул. Беда в том, что, как выясняется по ходу повествования романа, отец сгинул, чтобы обнаружиться в войсках ВСУ в качестве особо жестокого палача под кличкой Афганец. Хорошо ещё, что Бог (и автор!) миловали Артёма от столь близкого ему испытания: когда Артём попал в плен и был в шаге от пыток, он мог попасть в застенки именно к своему родителю... Спасибо сердобольному повару-«вэсзушнику», что подсказал парнишке, как ему бежать из подвала.

Известно, что люди, раненные войной не только физически, но и психологически, очень непросто привыкают к мирной жизни. Артём, попав в суворовское училище в Туле, тоже проходит дорогой отца и испытанием мирной жизнью. Осиротелый мальчишка Артём Воевода обретает второй дом на «тэшке», где свист пуль и разрывы снарядов — каждодневная реальность, где бойцы Донецкой республики защищают землю отцов от озверевших «укров». Там у него старшие товарищи, там и его крёстный, там любимый пёс Шнурок... И все они, несмотря на ужасы военного времени, вопреки этим ужасам

вроде бы неизбежного «расчеловечивания», живут в любви и заботе друг о друге. Наверное, так и полагается истинным соратникам по делу, которое они почитают правым. Именно эта забота и опасение за неугомонного юного разведчика Артёма в итоге заставляет их, надев на Артёма наручники (чтобы не сбежал от мирной жизни опять на привычную войну!), отправить его в город Тулу, в недавно открывшееся суворовское училище, готовящее кадры для будущей элиты армии. А элита нашей армии – она известная! Это «войска дяди Васи», воздушно-десантные войска, осенённые именем геройского генерала Василия Маргелова.

Очередная бесшабашно смелая разведвылазка Артёма в тыл противника. С неё начинается роман. На сей раз причиной его разведывательной спецоперации стал регулярный обстрел, совершаемый из одного и того же места «взэсушников». В это огневое «логовище» противника и решил проникнуть Артём, прикинувшись невинной овечкой, а точнее, местным бездомным голодным пареньком, ищущим хоть какой-то еды. Надо отдать должное умению этого мальчишки перевоплощаться, из него определённо вырастет отличный разведчик. В итоге Артём так пришёлся по душе увешанному оружием майору, оставившему дома сына, ровесника Артёма, что местного «недокормыша» накормили и в его легенду поверили. Налили вкусного супа, и в процессе еды Артём своим наметанным глазом считал огневые точки противника, говоря при этом, что ему бы только «жратвы раздобыть бабуле». Впрочем, насчёт «жратвы» не было никакой лжи со стороны мальчишки. Бабуля у Артёма имела – это добрейшая соседка тётя Клава. Она явится нам в книге позже, чтобы согреть повествование своей женской народной мудростью и помочь нам вспомнить наших матерей и бабушек, на чьи плечи грузом легла война.

Есть жестокая справедливость в том, что, защитив эту пожилую женщину собой, закрыв её от пули «соратников по борьбе за независимость», заблудший отец Артёма, вернувшийся домой в составе батальона ВСУ, словно бы вновь вернёт себе на мгновение перед смертью звание человека. Только немного разминувшись с вернувшимся сыном, словно для того, чтобы умереть дома. Побывка эта выдалась такой, что похожа на разведку и атаку одновременно.

Но это будет потом. А нулевой день войны и сам роман начинается... нет, не столько даже с войны, а с литературы. Автор сразу расставляет акценты: осенённые жовто-блакитными флагами люди

воюют вовсе не с нами, по самому большому счёту, они воюют с русской культурой, русским языком, русской литературой как воплощением лучших качеств русского характера. А мы – их носители и наследники.

« – Хочешь почитать Чехова?

Майор, увешанный оружием так, словно собирался воевать вечно, выставил на остаток кирпичной стены книгу «Три сестры».

– Самостоятельная, сама стоит, – не забыл похвалить автора за толщину написанных пьес.

Отошёл на десяток шагов и с разворота, практически не целясь, выстрелил из пистолета в книжную мишень...».

Что ж, фашисты жгли книги, нацисты, наследники их идеологии, пошли дальше – они книги расстреливают. И это пан майор (как его окрестил Артём), почти по-отечески отнёсшийся к Артёму, накормивший и отпустивший его, далеко не самый оголтелый представитель всего этого войска независимости. А есть такие, про которых этот пан майор говорит как о вовсе потерявших понятие о человечности, показывая на невдалеке болтающийся на ветру чёрный флаг с остроконечной свастикой. Это ставка прибывшего из Луганска, а по слухам, просто изгнанного из родных мест за мародёрство, батальона «Азов», привилегия которого – не скрывать своей любви к Гитлеру. С «азовцами» Артёму по ходу повествования доведётся встретиться, и снова – будучи в самостоятельной разведке, никак не согласованной с руководством родной «тэшки».

Отчаянный он парень, этот Артём! Из таких и вырастают лучшие разведчики, лучшие десантники, лучшие лётчики... Но пока эти парни не получают боевого крещения, рискуя жизнью не ради риска и удалства, но – спасая товарищей, непросто таким ребятам вписаться в коллектив. Потому что, спасая товарищей, они поневоле становятся осторожными, понимая, что отвечают не только за свою жизнь и что погубить, даже геройски, они не вправе: от них зависит жизнь другого человека. По сути своей, такие отчаянные парни – одиночки. Но это одиночки по русской пословице: «И один в поле воин, если по-русски скроен». Ну а та первая разведка Артёма, с которой начинается роман, помимо желания Артёма выпилась в атаку. Ведь не перейди эта разведка в атаку, то 1 сентября в его родной школе, ставшей мишенью «укров», стал бы не днём знаний, но днём скорби. В итоге пришлось Артёму уходить в дымовую завесу подожжённой им степи... Вроде герой? Конечно, герой. Но при этом получает «пошее» от начальства «тэшки», ведь само-

вольный личный героизм порой на войне чреват гибелью товарищей. В итоге Артёма в наручниках ссылают в Москву, т.к. иначе как ссылку разлуку с родной землёй и с боевыми товарищами Артём не воспринимает. А из Москвы по личному распоряжению министра обороны Артём попадает в Тульское суворовское училище (СВУ).

Один из самых ярких характеров, выведенных в романе, это руководитель суворовского училища Карагодин, заставляющий сразу вспомнить суворовские военные заветы, когда командир хоть и строг по отношению к своим подчинённым, но строгость эта – воистину отеческая. Она при всём сохранении служебной субординации, без которой немислима армия, имеет обыкновение видеть в подчинённых личность в её развитии и оценивать потенциал юного солдата для дальнейшей службы Родине. Карагодин – пример того, что бывших офицеров не бывает. Очень интересна словно бы мимоходом рассказанная в романе спецоперация наших военных в Арктике. Туда были срочно призваны опытные офицеры, сослуживцы Карагодина, и он сам. Эта операция, отвлекая на себя внимание иностранных разведок и армий, стала некой «дымовой завесой» для другой спецоперации – возвращения Крыма к берегам России. В романе ненавязчиво разбросано несколько кратких историй, которые больше скажут о современной стратегии Российских Вооружённых сил, чем многотомные издания с их специальной терминологией.

Сын за отца не отвечает... Потому и награда за боевые заслуги нашла талантливого юного разведчика Артёма Воеводу. Несмотря на то, что он сын упоминаемого выше пыточных дел мастера «афганца», самого страшного истязателя пленных в харьковской службе безопасности Украины... Разве редкость, что гражданские войны делают врагами братьев и родных? Боевая награда – Георгиевский крест, врученный Артёму, помогает свести на нет недоверчиво ревнивое внимание к нему со стороны однокашников по суворовскому училищу. А недоверие это вызвано высокой протекцией при поступлении в училище, поневоле заставляющей подозревать наличие у Артёма некоего «блата».

Очень непросто бойцу с передовой Артёму Воеводе найти общий язык с однокашниками, которые о войне знают лишь понаслышке. Ему привычнее на войне, чем в мирной жизни. А ещё суворовское училище – это строгая самодисциплина. И тут уже геройская «отсебятина» в виде самовольных разведок – никакая не доблесть.

Надо привыкать жить в коллективе, уметь понимать других, видеть суть окружающих людей, а не только свою бесшабашную смелую натуру, не тянуть свой взвод назад своей слабой учебной успеваемостью... Но именно такая вроде бы лишённая военной романтики каждодневная рутина воспитывает характер. Настороженное отношение однокашников поневоле приводит Артёма к мысли о побеге из училища. Но от себя не убежишь! Возвращение Артёма – и в училище, и в родной Донецк – неизбежны, как судьба. Донецк научил парня боевой инициативе и храбрости. Суворовское училище призвано научить его не быть заложником собственной инициативности, властвовать собой. Думаю, суворовские годы учёбы станут той прививкой от повторения судьбы отца, у которого несомненные храбрость и молодечество без должной самодисциплины понемногу вылились в пьянство и хулиганство, а впоследствии вообще в потерю человеческого облика... А уж когда Артёму поручают шефство над младшими суворовцами, под ношей этой ответственности за других у нашего героя обнаруживается недоужинное умение находить общий язык с младшими, зажигать их позитивными идеями. Офицеры училища с радостью видят, как буквально за пару недель подшефные мальчишки младших суворовских курсов буквально влюбляются в Артёма...

Думаю, что молодым (и не только!) читателям будет очень интересно примерить на свою штатскую жизнь военную судьбу Артёма Воеводу, задав самому себе непростые для мужчины вопросы.

Это роман, конечно, о войне и о военных. Но куда же военным без любви? Ведь и войны-то в мире происходят от оскудения в людях любви друг к другу. А потому без трепетного чувства любви – к Родине, к женщине, к тем, кто слабее тебя, – военному человеку никуда. Без этого всего военный становится просто орудием убийства. И наглядные примеры мы с вами сегодня видим в ходе спецоперации, то, как ведут себя укронацисты, гораздые по-мародёрски воевать с детьми, женщинами, стариками, мирным населением.

Немало страниц в романе посвящено трогательному пробуждению первого чувства любви в молодом человеке. Подготовка к балу у молодых ребят даже более важна, чем сам бал. Это не просто уроки танцев, которые дают им две приходящие девочки-преподавательницы, их ровесницы. Это воспитание души и рыцарского отношения к женщинам, без которого нет мужчины.

Роман «Суворовец Воевода. Боец Республики» – это первый и, хочется верить, не последний в истории Вооруженных сил России роман такого рода, рассчитанный на самую широкую читательскую аудиторию. Но в первую оче-

редь – на подрастающее поколение. Ему нужны именно такие книги, благодаря которым наши дети ощущают себя потомками героев и победителей, обязанными пронести эстафету памяти, защиты своей земли.

Солнце, неподвластное тьме...

Семичев Е.Н.

Незакатное солнце: книга избранных стихотворений и поэм. – Самара: Русское эхо, 2021. – 319 с.

Названием книги избранных стихотворений Евгения Семичева стал не просто мощный, но и во многом осторожный символ. Нечасто мы в житейской суете сует задумываемся о сакральных вещах, которые есть фундамент нашего мира. Спасибо поэтам, что напоминают нам о главном. Ведь единственная страна в мире, где солнце никогда не знало и не знает заката – наша Россия, огромная по территории и с незапамятных времён почитавшая солнце почти как божество. Неслучайно своего лучшего поэта называем мы «солнцем русской поэзии». И это незакатное солнце даже в самые непростые времена помогает нам не просто выстоять телесно, но и окрепнуть духом. Русская загадка в том, что из каждого испытания, будь то отечественная война, пандемия, революция, Россия выходит утомлённой, но обновлённой, объясняя этот феномен прозрением другого нашего национально-го поэта: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые...». Эти «минуты» тьмы, которые порой длятся годы и даже столетия, наша страна обладает способностью превращать в Свет веры и творчества.

Солнце, не подвластное тьме... Солнечный свет пронизывает русское православие: Христос и есть Свет (одно их имён Христа). В «минуты роковые» мы порой задаёмся вопросом: за что Бог посылает нам тяжкие испытания, словно забывая, что «кого Бог любит – того он испытывает». Может ли Бог не любить страну, где солнце не знает заката, страну, на территории которой молитвы никогда не смолкают: заканчивается церковная служба в Калининграде – и тут же начинается во Владивостоке?.. В творчестве Евгения Семичева, особенно в его книге «Незакатное солн-

це», непонятный всему остальному миру, парадоксальный русский характер показан во всей его противоречивости и широте. Семичев берёт за основу основ волжский менталитет и через него выходит на материковые глубины характера российского народа – созидателя, строителя, пахаря, художника, если понадобится, то и непобедимого воина...

*Витийствуй, буйная гроза,
Гни небеса в дугу!..
Сегодня я – твои глаза
На волжском берегу.
Горючей не жалей воды,
Греми над головой.
Сегодня я – твой поводырь
И зрячий посох твой.
Держись, Самарская Лука,
Летим в тартарарам!
Моя надёжная рука
Порукой будем нам.
Блистайте, молнии, оплечь,
И ветер вольный – веи!..
Куётся в грозном горне меч
Для Родины моей.
Пускай летит во все концы
Над Божьим Миром весть:
Лихие злато-кузнецы
Ещё в России есть!
Во имя мира и любви
И на позор врагу –
Господь, меня благослови
На русском берегу!..*

В современной литературе России Евгений Семичев – один из редких и общепризнанных «злато-кузнецов», являющих в самоцветном русском слове красоту языка и заставляющих вспомнить о том, что поэзия есть высшая форма существования языка. Как все мастера

своего дела, поэт при этом чужд всякого пафоса и очень самоироничен. В этой авторской самоиронии скрыты огромная мощь русского духа и чёткое осознание своей миссии поэта в непростое наше время:

*Мои стихи отважно шли под водку
В палящий летний полдень у реки.
Из газетёнки, развернув селёдку,
Их русские читали мужики.
Мои ещё не признанные строчки
Старухи без особенных затей
Сворачивали в мелкие кулёчки
С гостинцами для маленьких детей.
Я не жалею, что мои подборки
Сгодились на душевные дела.
Для нужд народных в качестве обёртки
Газета приспособлена была.
Мои слова в житейском бурном море,
Встречавшие не раз девятый вал,
Служили тем лирическим героям,
С которыми я жизнь переживал.
Поэзии неистовая сила
Ташила тяжесть брэнности земной.
И, может, потому моя Россия
Была тогда читающей страной.*

В поэзии Семичева на удивление органично переплетено православное мировоззрение с советским; трагичность, оптимизм, часто трагикомичность, что, по сути, в совокупности и есть тот самый русский реализм, который питает жизнь и который является художественной попыткой осмысления жизни. Ностальгия по советскому ничуть не противоречит глубокому православному и дохристианскому мироощущению, что говорит о мировоззренческой и творческой зрелости автора. И, конечно, о его доверии своему читателю!

*Самолёт мой, кукурузник —
Мой небесный тарантас.
Почту сельскую погрузит,
А потом посадит нас.
Все уселись. Все на месте.
Бабка с рыжею козой
Животину трижды крестит,
Окропив её слезой.
Командир — пилот бесстрашный
С дерзким взором молодца —
Говорит: «Не плачь, мамаша,
Всех доставлю до крыльца».
Бабка крестится и плачет.
Самолётик тарыхтит.
Как кузнечик он проскачет
И по небу полетит.
Улыбаясь, молча млеет
На борту народ живой.
А коза от счастья блеет
И качает головой.
До деревни нашей лёту*

*Ровно сорок пять минут.
Благодарные пилоту
Пассажиры руку жмут —
За бесстрашие и сноровку,
За удачный перелёт.
А пилот козе морковку
Из планшета достаёт.
Бабка старая смеётся
И беззубый крестит рот.
Над страной нашей солнце
Незакатное встаёт.*

Заметим, что в контексте этого стихотворения солнце над Россией встаёт. И это тот случай, когда настоящее время глагола объединяет в себе время будущее и прошедшее. А ещё отметим умение автора увидеть и показать нам, читателям, большое в малом и малое в большом, соединяя проникновенную лирику и широкую эпичность. Сегодня такой синтез в поэзии встречается, к большому сожалению, точноно. И именно это позволяет говорить о творчестве Семичева как об органичном продолжении неуываемой классической традиции русской литературы.

*Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.
Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, откуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.
Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё —
Не затмить ему русское солнце.
И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.*

Говорят, что поэт в России — это не цель. Это путь! Как правило, тернистый и непростой, потому что лёгких путей к истине не бывает. Путь, осознающий меру ответственности перед Тем, Кто дал поэту талант. А ещё ответственность перед читателями, а говоря обобщённо — перед народом. И, конечно, ответственность поэта перед своей страной. Это триединство и есть путь поэта, небесного воина и защитника Родины:

*Защитники Отечества — поэты.
Хранители сердечного тепла.
Архангелы кладут, как эполеты,
На плечи им небесные крыла.
И воинство небесное готово
Вести извечный бесконечный бой.*

*И Веру, и Отечество, и Слово
Во мгле кромешной заслонить собой.
Всем воинам, в бою неравном павшим,
Стоять в небесном воинском строю.
А всем, стихов при жизни не читавшим,
Быть предстоит поэтами в раю.
Господь на золотые эполеты
Кладёт им негасимый горний свет...
Защитники Отечества — поэты!
Других у Бога не было и нет!*

Семичев — поэт общероссийский. Но не будем забывать, что немало его произведений создано как гимн народу-богатырю. Читаешь их с чётким осознанием: так о России мог написать только поэт с Волги — сакральной реки России! Неколебимая вера в свой народ, подушавший после трагического и великого для России XX века, после всех революций, отечественных и гражданских войн, репрессий, перестроек, депрессий, агрессий, модернизаций, глобализаций, конверсий, диверсий, десталинизаций, деноминаций и прочее, прочее, прочее... Этой верой пронизано всё написанное Семичевым. И это есть истинно

пушкинское восприятие России и её истории. Восприятие в совокупности,приятие всего, что попущено народу и стране свыше вовсе не для того, чтобы уничтожить Россию, но чтобы сделать её чище и сильнее духом. Вера в непобедимость русского генетического кода, который не под силу взломать никому в мире, столь жизнеутверждающая, что не совместима с погребальными плачами «о гибели земли русской». К сожалению, такие болезненные причитания-плакания в непростое наше время частенько выдаются за патриотическую поэзию. Поэзия Семичева, не закрывая глаза на трагедии нашего века, говорит о жизни — солнечной и прекрасной, несмотря ни на что, настолько, что за неё нельзя не бороться с силами тьмы. Это жизнелюбие являет себя не только в лирике поэта, но и в этих масштабных эпических поэмах евразийского — от Волги до Сибири — дыхания. И от имени читательского сословия России остаётся только поблагодарить Российский фонд мира за ту финансовую поддержку, благодаря которой книга «Незакатное солнце» пришла к читателю.

**Александр
ЕВСЮКОВ**

Слом Героя

Гундарин М.В. Песни Цоя. — СПб. — М.: Пальмира Rugram, 2022. — 198 с. — (Серия «Пальмира — проза»)

Трудно не отметить, что книга эта вышла весьма своевременно, почти в аккурат к 60-летнему(!) юбилею главного русского рокера корейского происхождения — вечно молодого Виктора Цоя. Памятник ему и украшает обложку. Видимо, так либо сошлись звёзды, либо же выдержало паузу (как вариант — наоборот, подсуетилось) издательство. Однако книга всё-таки не о Цое.

Для общего представления позволю себе привести пространную цитату из предисловия маститого прозаика (а с недавних пор и соавтора Гундарина) Евгения Попова: «Много лет назад я познакомился с ним

и его прозой, когда вёл семинар в Липках, откуда стартовали некоторые нынешние звёзды молодой литературы, к которой принадлежит Михаил Гундарин, 1968 года рождения, выпускник факультета журналистики МГУ 1991 года. Который за это утекшее в вечность время защитил диссертацию, сделал университетскую карьеру, стал телезвездой, носил гордую кличку Гуру Алтайского пиара, теперь заведует кафедрой в одном из университетов Москвы. Пардон, но меня эти ипостаси его личности интересуют куда меньше, чем его писательство. Радость: снова встретившись с ним прошлой осенью, я с удоволь-

ствием обнаружил, что ПИСАТЕЛЮ Гундарину есть что предъявить городу и миру. Циклы и сборники рассказов, несколько повестей, романов, критические статьи, рассказы. Увы, почти всё это «гундаринское богатство» из его копилки-сундучка пока что слабо публикуется на бумаге и куцо представлено в Интернете».

Что ж, не считая всё большей востребованности Гундарина в качестве критика и биографа, с последним сложно спорить. Вот и для меня этот сборник стал первым знакомством с прозой автора. Впечатление оказалось весьма многоплановым. Видно, что книга написана человеком не только эрудированным и ироничным, но также опытным и наблюдательным, которому есть что рассказать и чем поделиться, а кроме того, не лишённым вкуса и стиля. То есть тут не так, как в одном из рассказов: «А с этими – дела не сделаешь, ясно было с самого начала. Его и привлекло к ним больше название. Название у группы хорошее, а сами – дрянь. Бывает ли так? Чаще всего так и бывает. Но название хорошее. «Летучие макароны» – классно, ничего не скажешь» («ЛМ, или Приключения Лавкина»).

Сам сборник рассказов и коротких повестей поделён на два условных цикла: первый, побольше, обходится без названия, и второй, поменьше, собственно «#Песни-Цоя» (текстов там 12, как раз на музыкальный альбом). Отмечу, что книга Гундарина весьма густо населена, причём как обычными людьми, так и кумирами, обожжаемыми или проклятыми. Вот далеко не полный список здешних персонажей: журналист-практикант, провинциальный рок-продюсер, несколько поэтов (оставших или исчезнувших), бизнесмен, бывший зек, а также образы Цоя, Сталина и Мандельштама... И тут же из-под покровы привычной реальности нет-нет да и выглянут то шаман, то бес, то инопланетяне с Сириуса, то голем, то странное существо с изумрудными шипами на хвосте.

В подобных случаях становится немаловажным такой навык: «Он вообще умел как бы выключаться из происходящего. Динамическая медитация, как он сам это называл, могла происходить в автобусе, в магазине, в кинозале или на светском рауте, куда приходилось сопровождать жену. Ничему эта отрешённость не мешала, а только помогала в делах. Как говорили суфии, настоящий мистик должен быть проявлен во всех мирах – и в этом, и в том». И во многих вещах данного сборника происходит своего рода замыкание между мирами и временами, для одних оставшееся почти незаметным, а для других ставшее роковым. Кто-то, представляясь жерт-

вой, вдруг оказывается хищником, а кто-то, вроде бы неуклонно двигаясь к цели, попадает в ловушку. У героев, привыкших казаться себе и другим цельными и успешными, вдруг выявляется скрытый изъян, который способен погубить и весь их замысел, и всю жизнь. «И потому ещё злился Поленов, что чувствовал слабость своей позиции, скрытую трещину в глубине чугунового, огромного и тяжёлого монолита. Трещина маленькая, тонкая, но с ней монолит уже и не монолит вовсе, а завтрашний вторчермет».

Многие истории сборника о крушении, точнее, о том моменте, когда крушение внутреннее становится или вот-вот станет очевидным для окружающих. «Мы все, разумеется, когда-то терпели кораблекрушение. Без этого нельзя. А как только терпишь крушение, то есть крах, тут есть два варианта. Первый – делать новый быт из обломков корабельных дел. Вешаем на пальму барометр с погнувшимися стрелками, вылив из него три стакана морской воды. Или бус-соль. Или астролябию. Второй – искать быт на местности. Камни, галька, деревянные чурбаки из ценных пород дерева. Вот и надо выбирать, потому что иначе куда деваться. Никто, разумеется, ситуации выбора не осознаёт, всё как-то само происходит. И со всеми, без исключения».

Да, происходит со всеми, но не все готовы искать выход в очередной передрыге – часть команды готова пойти на дно. «– Можно присесть? – спросил Колька. Он стал вежлив и церемонен, что парадоксальным образом говорило о его теперь уже безнадежном падении» («Поэт и училка»). «А вот по неожиданной сутулости да по вихрам, недозовленно пересекающим границу серого пиджачного ворота, было совершенно понятно: лучшие дни для него миновали навсегда» («Синий лес»).

Пережитые (правда, не всеми) эпохи здесь, как правило, маркируются довольно условно и поверхностно, по десятилетиям. Например, так: «Конец 70-х уже показывал нам грядущие признаки демократического разложения, смотрите, мол, в оба – да кто бы разглядел!», или «Конец 80-х был не тем временем, когда все дяди Жоры и тётки Кати могли ему чем-то помочь», или «...Полезли попса, продажность, русский рок, вся будущая мерзость 90-х, вообще, нечто такое, что изменило навеки страну и сделало нас, хороших таких, юных и весёлых, тем, что мы есть сейчас». Однако и 70-е при всей их «застойности», и 90-е при всем известной «лихости», не говоря уж о 80-х до и 80-х же после перестройки, были очень разными. И здесь автор нередко отправляет серьёзную прозу по сравнению с лёгкому, наезженному пути.

Так что же – и Цой со своими песнями в этой книге только ностальгический антураж, повод для хештега? Отчасти да, но также и первоисточник – обозначенные им типажи («генералы», «бездельники», «гуляющие романтики» и т.д.) здесь продолжают жить дальше ещё десять, двадцать, тридцать лет, и с каждым что-то происходит. Возможно, под ту же самую мелодию. «На стареньком, но вполне годном ноутбук ставит на всю (небольшую) громкость один и тот же плейлист. Песни его детства и юности. От Цоя и «Нирваны» до «Сплина» и «Оазиса». Как хорошо! Может, всё дело в возрасте? Постарел он, может?» («Прогулка романтика»). Да, немало сивок либо укатали крутые горки, либо сморило скучное однообразие.

Ряд образов в книге порой напоминает приснившиеся мысли. «Мне приснилась такая мысль (мысли иногда снятся)». Такой вот рассудочный мистицизм призван приоткрыть изнанку быта, а возможно, и бытия, но именно его рассудочность не позволяет мне, читателю, полностью ему поверить. Местами явственно ощущается влияние постмодернизма, которое приводит к нарочитой, не вполне оправданной усложнённости. Как будто автор стремится не только рассказать историю, но и, словно профессиональный фигурист, отработать обязательную программу с «тройным и четверным тулупом». И вовсе не случайно признание одного из персон

нажей (на сей раз неудачливого писателя): «...Так вот, я ведь и сам ощущаю тот холодок, который мешает моим книгам стать тем, что называют настоящей литературой. И он же, этот холодок, эта рациональность мешает обратному – превращению в культовое чтиво». Но последнее утверждение всё же видится плюсом.

Здорово получаются смены ракурсов, а вместе с ними не единожды сменяются и главные герои – оказывается, что история-то вовсе не о том, в кого мы поначалу вглядывались и с кем внутренне сжигались. Реальная поверхность всегда зыбка и ненадёжна. Можно выжить в этом мире или же проявиться в других измерениях. Как правило, можно заработать денег тем или иным способом. «Деньги – они как алиби для самого себя и окружающих. Вроде как ответ на вечный вопрос: что делал весь свой век, чего добился? Ответ: разбогател. Ладно, хоть что-то, не зря, мол». Как же так, в чём тут разгадка? Преступник рассчитывает купить свободу с помощью алиби, но в итоге остаётся в плену как минимум у ложной реальности. Чаще всего он чувствует, что деньги, даже очень большие, в России – не настоящий ответ, но всё равно гонится за этой условностью, в упор не видя иного достойного приложения для своих усилий. Сломленный, сломанный герой в погоне за призраком успеха, куда мчишься ты?.. Куда плетёшься?..

Андрей
ПЕТРОВ

«Душе моей одно лекарство — целебный труд!»

Потехин В. В. Охохонюшки мои: стихи / Владимир Потехин; [автор предисловия Нина Веселова]. — Нея; Вологда: Киселёв А. В., 2021. — 305 с.

«Охохонюшки» – междометие, употребляемое при выражении чувства сожаления, досады, печали, горя, боли, удивления, восхищения и т.п. Так, во вся-

ком случае, зафиксировано в толковом словаре. «Охохонюшки мои» – так названа первая поэтическая книга Владимира Потехина (Нея; Вологда, 2021). Самого поэта

уже давно нет в живых, сборник подготвила к публикации редактор Нина Павлова Веселова.

Фраза, ставшая названием, позаимствована из стихотворения «Над словарём»: *«Будто книгу интересную, / Я люблю читать словарь. / И звучат слова чудесные, / И волнуют, как и старь, / Неподдельных чувств полненьки, / Как весенние ручьи... / Охохоньки, охохоньки, / Охохонюшки мои»*. Комплекс родственных междометий повторится ещё раз в конце стихотворения: *«Не свернуть бы мне с дороженьки, / С неторёной колеи... / Охохоньки, охохоньки, / Охохонюшки мои»*.

Какое тут чувство? Сожаления? Досады? Удивления? Вероятно, и то, и другое, и третье. Однако не без иронии, точнее, самоиронии. Такой несколько саркастический вздох: тем ли я занимаюсь, туда ли иду?.. Важно отметить, что живёт это междометие в самой что ни на есть народной среде, а вовсе не в поэтических салонах. Поэтому такое название книги стихов может восприниматься как определённый вызов или как не менее определённый знак для того, кому предназначена, кого может заинтересовать подобная поэзия.

Читаем в аннотации: «В сборник вошли никогда не публиковавшиеся ранее стихи крестьянского поэта из костромской глубинки Владимира Потехина. Автор писал их в советскую эпоху, когда в чести была открыто проповедуемая любовь к своей большой и малой родине, когда ценились патриотизм, трудолюбие, уважение к старшему поколению и истории страны. Вросший корнями в родную почву, он и поэзию воспринимал как нечто органичное окружающему миру, потому строки его полны звуков, запахов и разноцветья близкой ему природы».

По тематическим признакам сборник поделён на пять частей, для названия которых взяты строки поэта.

В первой части, названной «Славлю всякий труд упорный», действительно прославляется труд – созидательный, целебный, возвышающий, труд патетически провозглашается корнем всему, воспевается радость труда: «Славлю всякий труд упорный, / Труд простой – какой ни есть» («Сенокос»); «Душе моей одно лекарство – / целебный труд!» («Читая Фета»); «Пусть его возвышает / Повседневность труда» («Ключ»); «Труд этот наш – корень всему» («Рукопожатие»); «Здесь жизнь кипит, и спящему не в такт / Труд непрерывный песню запева-ет» («Тракт»); «Здравствуй, день чудесный, солнечный, / Здравствуй, радость труда!» («Песенка для косы»).

В искренность патетических строк легко верится, жизненная позиция автора представляется не показной – он, всю жизнь посвятивший нелёгкому сельскому труду, хорошо знает ему цену, он уверен в том, что только труд способен сделать человека по-настоящему счастливым, а потому очень органичны для лирического героя его поэзии такие мысли и слова: «День прибывает – дел не убывает, / Знать, быть всегда им во главе угла. / Светло на сердце лишь тогда бывает, / Когда влекут и радуют дела!» («Дела и время»); «Только работа даёт / чистые мысли тебе» («Вечер после работы»).

Особенно радуют труд на земле, служение земле, отвечающей своим труженикам и служителям щедрым урожаем: «Пойдём мы к цели дружно и упорно. / Нам не впервой нелёгкий этот труд. / Пусть в землю добрую ложатся наши зёрна / И добрым урожаем к нам придут» («Апрель»); «И збота, и радость мне, / Если новый гектар засеян. / Я горжусь, что служу весне, / Что с любовью служу земле я» («Май»); «В поле празднично вновь и просторно. / – Ну, товарищ, с утра работнём! / Жарко будет, наверное, днём, / А с утра и легко, и задорно!» («Рассвет»); «В труде упорны и задорны – / Весна не ждёт, весна зовёт! – / Дневные переключим нормы! / Механизаторы, вперёд!» («Сеятелям»); «Держись, рабочая закалка! / Весна, горячие деньки» («Горячий день»).

Как видим, все приведённые стихи о сельском труде – весенние, именно весенний, упорный, задорный труд является залогом богатого осеннего урожая: «Люблю я осень, но и не скрываю, / Что радостней и правильно тогда, / Когда в большом народном караване / Есть также кроха моего труда» («Почерк осени»).

Лирический герой гордо говорит о себе: «Я рабочим иду по Земле, / Я строитель и сеятель хлеба. / Я пою о дожде и тепле / И о солнышке с ясного неба» («Я иду по Земле»); «Я иду рабочим шагом, / День в труде благодаря, / И полощет красным флагом / Над дорожкой заря» («Заря над дорогой»). Завершается раздел стихотворением «Рабочий поэт», в котором можно обнаружить такие строки: «Я дверь закрываю / Пустым словам – / Я труд воспеваю, / Работая сам!»

Название второй части сборника говорит само за себя – «Пою, что Родиной зовётся», в ней воспеваются родная сторона поэта, его родная деревня: «И сердце, памятью ранимое, / Заныло тихо у берёз. / – Ну, здравствуйте, места

родимые! / Я вам всего себя принёс...» («У реки»); «Чем я старше становлюсь по возрасту, / Тем сильнее край родной люблю» («Истинное»); «Я ж деревню полюбил / С детства – навсегда!» («Друзьям»); «Пою, что Родиной зовётся, / А к ней – особая любовь!» («Уходящей во мглу»).

Особенно горько поэту, что пустуют родные деревеньки, уходят в небытие: «Проезжаю по ним я частенько, / Видя жизнь безо всяких прикрас. / Деревеньки мои, деревеньки, / Лишь названия остались от вас!» («Деревеньки мои»); «Прощай, родная деревенька, / Понурая от перемен» («Уходящей во мглу»).

Важной составляющей этой части сборника являются стихотворения «Сергею Есенину» и «Моя родословная». В первом автор отдаёт дань уважения и поклонения великому крестьянскому поэту, продолжателем традиций которого он себя считает: «Зачислен в списки ты навечно / Как гражданин и как поэт. / И от стихов твоих сердечных / Струится несказанный свет». Во втором – воспевает свою семью, свой род, хранящий верность деревне, глубинным корням: «Ведь мой отец и дед, и деда дед / Исходят от Ивана-землепашца. И я вот. / А теперь уж сыновья / Пусть в эту жизнь крестьянскую вырастят. / Продолжится династия моя, / Крестьянская династия простая».

Название третьей части книги прозрачно – «Тем ясным утром началась война», эта строчка взята из первого стихотворения раздела «Кровавые зори», его заглавный образ поэт повторит в стихотворении «Зимой 1943 года», рассказывая о гибели на фронте своего отца: «...Зари кровавые подтёки / Слизала вечером метель...». Автобиографичны также стихи «День Победы», «Из детства», «В тылу». Приведём показательные цитаты из последнего: «Отцы ушли. / В тылу – за дело. / С оставшихся повышен спрос. / И дело – вот оно, поспело. / Спеши, браток, на сенокос! / Высок накал тех дней суровых. / В ходу и жнейка, и серпы. / Мы на быках и на коровах / Возили сено и снопы. / А голова в заботах кругом. / И вдовья жуть... И нож тоски. / Подростки в поле шели за плугом, / Наставниками – старики»; «Вам слава, воины России, / Спасители родной земли! / Хвала вам, матери родные, / За всё, что вы перенесли / Обнашивались, голодали, / Одно сочтя за похвалу: / Что наши снова немца гнали, / Пока стояли мы в тылу».

В четвертой части, названной «Не дай же Бог нам бесполезно тлеть», собраны стихотворения о смысле жизни, о постижении собственного «Я»: «Так

просто всё. Но смысл какой таятся! / Не дай же Бог нам бесполезно тлеть. / Ведь можно на виду у всех дымиться, / Но не светить и никого не греть» («Итог») – в предыдущих строфах этого стихотворения говорится о том, как, сгорая в печи, дрова отдают «насущенное тепло». В этом же разделе помещено уже упомянутое стихотворение «Над словарём», строка из которого вынесена в название сборника.

Исповедальность, предельная искренность откровенных строк поэта дорогого стоят: «Парят орлы, а скромность ходит низом. / И, пресмыкаясь, многие ползут. / Я никогда не стану блюдолизом – / Была бы Правда! А спасает труд. // Пускай зигзаги в жизни я вычерчивал, / Но фарисейству враг был и судья. / И мне врагом была моя доверчивость / И откровенность добрая моя» («Песенка о самом себе»); «Знай: подхалимы – нет их гаже! – / Для чина крутятся и лгут. / С людьми я очень трудно лажу, / Но и без них я не могу» («Разговор»); «Грустно было б только радость звать. / С ней с одной мы многое упустим. / Нам без грусти радость не понять, / Радости не оценить без грусти» («Радость и грусть»); «Жизнь – не пытайся – не обманься: / Она безжалостнее к тем! / Искать себя ты перестанешь – / И потеряешься совсем» («Ищи»).

И вновь выходит на передний план заветная для поэта тема труда как спасения – физического и духовного: «Пот рабочий в бане смой, / Грязь внутри – работой!» («Песенка о бане»); «И радостно нам жить, и очень просто, / Когда ты дня не мыслишь без труда» («Сыну Виктору»); «Кем можешь стать – с упорством! – стань же, / Борись, и жизнь, и труд любя. / Пойми себя как можно раньше – / Ищи себя, ищи себя!» («Ищи»); «Я жду, а труд всему порука. / Я на безделье не ведусь» («Ожидание»).

Самой объёмной получилась завершающая сборник пятая часть, для названия которой взяты строки из открывающего её стихотворения «Лекарь»: «Ты сегодня мне сердце лечи, / Мать-природа, – кому ещё боле?». Понятно, что здесь собраны стихи о целительной для души поэта силе природы.

В этом разделе книги можно обнаружить множество ярких эпитетов, сравнений, метафор, вот лишь некоторые примеры: «Вон в грязном платье золушка-олуха» («Знакомой дорогой»); «И ели-воины стоят / В своих запахнутых шинелях» («Раздумье в лесу»); «Это брызнул солнца веер, / Тучи струнами прошил!» («Метель и солнце»); «С ветром и солнцем под-

сохли поля, / Гул с них несётся весёлый,
запорный. / И отдаёт свои силы земля
/ В хлебные зёрна» («Музыка жизни»);
«А над синей буркой леса, / Шитой
золотом полей, / Улетает тихо лето /
С тёплой грустью журавлей» («Утро августа»);
«Снег – это консервированный
дождь, / Такое чудо не ругайте зря вы! /
Им раньше всех напьётся в поле рожь. /
Воспрянут травы!» («Снег»).

Особый пафос поэзии Владимира Поте-
хина состоит в том, что, воспевая приро-
ду, он неизменно воспекает и созидатель-
ный труд: «Вот так же ветер раздува-
ет / Костёр потухший иногда. / Вот так
надежда оживает / От плодотворного
труда» («Ветерок»); «...На стрежнях рек
промоины темнеют, / В логах под снегом
жёлтая вода. / Ждёт сроков всё, чтоб
закипеть дружнее / Разливом жизни,
счастья и труда» («Мой месяц»); «И в этот
настежь мир отворённый / Пускай беде
не будет доступа! / Шагать нам на рабо-

ту зорями / И пить здоровый воздух
досыта!» («Сумерки»); «Буди, буди меня,
труба, / Тревожной музыкой врывайся!
/ Веди, веди на бой труда / И песней
в сердце отдавайся!» («В моём краю»);
«В радость жить – это значит трудить-
ся» («Майский вечер»); «Вечно быть земле
и небу – / Сочетаться всегда. / Слава
плугу, слава хлебу, / Человеку труда!»
(«Песня жизни»).

Согласимся с редактором и состави-
телем книги Ниной Павловной Весело-
вой, которая пишет в предисловии: «Мно-
гое из написанного Потехиным сегод-
ня воспринимается афористично и просит-
ся быть заученным как заповеди ушедше-
го поколения. Ведь после 1990 года, когда
не стало поэта, жизнь в кужбальской сто-
роне, как во всей стране, резко измени-
лась. Но народ – местный – тоже высто-
ял. И, быть может, не без помощи поэзии,
которая незаметно вошла в душу».

**Андрей
ЛЕОПОЛЬДОВ**

Автор «Путевых записок» Андрей Филиппович Леопольдов (1800–1875) – личность в саратовском краеведении очень известная. Он – автор большого количества материалов из истории Саратовского края, которые публиковались как отдельным изданием и в коллективных сборниках, так и на страницах газеты «Саратовские губернские ведомости», редактором которой он являлся, как считают его биографы, в 1840–1847 гг. Когда в 1851 году была образована Самарская губерния, в состав которой вошло саратовское Заволжье, Леопольдов был приглашён в Самару на должность чиновника особых поручений при местном губернаторе и одновременно редактора местных «Ведомостей». Описание переезда к новому месту службы и стало основой «Путевых заметок», опубликованных в 1852 году в №№ 26–29 «Самарских губернских ведомостей». Надо отметить, что период редакторства этой газеты Леопольдовым саратовские краеведы вниманием обходят. Хотя именно в это время он написал и опубликовал немало материалов о той части Заволжья, которая сегодня входит в состав Саратовской области.

Юрий КАРГИН

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОТ САРАТОВА ДО САМАРЫ

После грозной тучи, в полдень 19 мая разразившейся над Саратовом небольшим градом и проливным дождём, небо прояснилось, но ветер нагорный, т.е. западный, дул довольно сильный. В 6 часов пополудни я отправился из Саратова через Волгу на досчанике¹, который при попутном ветерке с небольшим в час перелетел через широкую Волгу.

Час этот останется для меня незабвенным на всю жизнь. Глядя на Саратов, город обширный, богатый и многолюдный, как много почувствовал я в эту небольшую частичку време-

¹ Плоскодонное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой, использовавшееся, главным образом, для транспортных целей на большинстве рек России.

ни! «Прощай, – думал я, – милый Саратов. Много оставляю для меня заветного: оставляю семейство, нежно мною любимое; оставляю прах почивших моих детей, коих гробы мысленно обнял я, и сердце моё воздало им печальное целование; оставляю много людей, которых любил искренно и взаимно был любим ими. В твоих великолепных храмах 17 лет я молился Богу, и мир благодатный нисходил на мою бурную душу. В тебе я провёл лучшие годы моей жизни: стал супругом и отцом; наслаждался полным здоровьем и был свидетелем страшной години, в которую тысячи жителей твоих делались внезапными жертвами смерти²; вкушал чистые радости и в свою очередь испытывал горе жизни, ни для кого неизбежное в дольном мире. Процветай, любезный город, на славу России. Да почиет над тобою вечно мир и благословение Божие». Так думал я, расставаясь с Саратовом, и от грустного умиления горячие слёзы брызнули из очей моих!

И вот я уже в Самарской губернии. Первое селение её здесь – Покровская слобода. Она населена малороссиянами. Впрочем, недавно приселилась к ней слободка великороссиян. Первые жители её были солевозцы, которые перешли из разных губерний малороссийских с целью возить соль с Елтонского озера в запасные магазины и другие места взамен платежа всех повинностей. Впоследствии они перечислены в казённые крестьяне на общем основании. В ней ревизских душ около 5000. Следовательно, обоего пола более 10000 душ, кроме временно проживающих чиновников, купцов и людей других званий. Три каменные церкви, из коих в одной, Покровской, есть образ Покрова Божией Матери, особенно чтимый народом; другая – во имя Петра и Павла, третья – Сошествия Св. Духа. Одно училище приходское для крестьянских детей. Учреждён еженедельный базар. Множество устроено амбаров для ссыпки хлеба, который грузится в полуую воду на суда и отвозится вверх по Волге до Нижнего³, Рыбинска и обе столицы. Дома жителей опрятны. Малороссияне – кроткого нрава, честны и очень привержены к правоте, так что у них нет ни одного раскольника. Занимаются земледелием и скотоводством. Есть много и торгующих разными крестьянскими товарами. Покровская слобода, по пристани, торговле и разного рода промышленности жителей, зовётся в простонародье Городком.

Верстах в двух от огромной слободы Покровской вверх по течению Волги с последней сливается небольшая, вытекающая из степи речка Саратовка. При устье её, в дельте, стоял назад тому более 200 лет древний городок Саратов. Ордынцы разрушили его до основания в царствование Годунова. Не очень давно развалины его ещё были довольно явственны и обширны. Теперь остался от них, можно сказать, небольшой клочок. Волга подмывает остатки жилищ, а может быть, и сокровищ, погребая их в своих безднах. Через несколько лет путник напрасно будет искать этот городок – на месте его будет шуметь глубокая Волга. Мысль грустная! Таков удел всего земного, кроме души человеческой. Такова была судьба некогда цветущих и славных городов Ниневии, Тира, Сидона, Мемфиса, Вавилона и других.

При взгляде на развалины Саратова невольно рождается вопрос: зачем было строить город в такой глуши, подле кочевьев дикарей, враждебных России? Но, соображая события в конце XVI столетия, видим, что мысль о построении здесь города Саратова зрело обдумана и доказывает даль-

² Речь идёт об эпидемии холеры, которая свирепствовала в Саратове с 19 августа до 8 сентября 1838 года. За это время она унесла жизни около трёх тысяч жителей города.

³ Нижнего Новгорода.

новидный ум человека, в руках коего находилось тогда кормило государственного правления, т.е. Годунова: созидавая в степях заволжских города, Борис хотел решительно наложить на всё Поволжье руку владычества России, вытеснить отсюда дикие племена и на красных берегах Волги водворить промышленность и торговлю.

Время оправдало великую мысль Годунова. Устье речки Саратовки, в межень, представляет ручеёк, тихо вливающийся в широкую Волгу, но в апреле и мае это – огромный и глубокий залив, образующийся от сильного, исполинского подпора Волги. Края этой временной бухты окаймляются яркой зеленью, а над водою парят тучи пернатых переселенцев с юга. Вид прелестнейший!

Далее, от реки Саратовки вёрст 10, на берегу волжского протока Каюковки (правильнее – Аюковки) – казённое селение Шумейка с красивой деревянной церковью. Этот выселок из слободы Покровской населён малороссиянами.

Врстах в семи от села Шумейки вы увидите природу русскую, но жителей не русских. Отселе начинается протягивающаяся вёрст на 100 сплошная цепь колоний, населённых по берегу Волги выходцами из Германии. Впрочем, есть колонии и по берегам рек Большого и Малего Караманов и Вартопы⁴, впадающих тоже в Волгу. Здесь всё иноземное: другие люди, другая архитектура, другие нравы, обычаи, привычки, образ жизни. Здесь больше порядка во всём, чем у русских, потому что эти переселенцы, пришедшие из стран голодных на землю изобильную, знакомы уже с нуждой – лучшим учителем жизни, и потому у них более строгой расчётливости и аккуратности во всём, хотя образование их тоже стоит на низшей ступени.

Первая нижняя колония по течению Волги есть Красный Яр, а верхняя, почти против г. Волгска⁵, есть Шафгаузен⁶. Земли у них вдоволь, луга при Волге обширны и тучны, воды чисты.

В цепи приволжских колоний самая замечательная – Екатериненштадт, у простолудинов более известная под именем Баронска. Колония эта красиво построена, обширна и расположена по берегу Волги. В ней считается по 9-й народной переписи 1862 души мужеска и 1807 женска, а всего 3669 душ. Из них купцов – три: два – 2-й гильдии, и один – 3-й. Торгующих колонистов по свидетельству 3-го рода⁷ – 14, и один – по свидетельству 4-го рода⁸. Кроме постоянных жителей колонистов там живёт до 500 человек, а летом гораздо более русских для различных ремёсел и промыслов. Домов в колонии 412: из них каменных – 9, прочие все – деревянные. Училищ⁹ три: одно – католическое, другое – лютеранское, третье – русское, в коем до 25 человек детей колонистов обучаются русскому языку. В первом обучается до 59 мальчиков и 47 девочек, во втором 264 мальчика и 236 девочек. Всего же учащихся 606. Учителей 3.

⁴ Речь идёт, скорее всего, о Вортубе.

⁵ Вольска.

⁶ Сегодня село Волково Марковского района.

⁷ К третьему роду (разряду) относились мелочные торговые предприятия, билиардные и табачные лавки.

⁸ К четвёртому роду (разряду) относилась мелочная торговля без складских помещений и наёмного персонала.

⁹ Школ.

Дома училищные устроены от Общества. Церквей в Екатериненштадте три: католическая, лютеранская и грекороссийская. Первые две – каменные, а последняя – деревянная.

В колонии этой на Волге значительная пристань, где устроено 236 амбаров для ссыпки хлеба. Управление колонии состоит в ведении окружного Приказа¹⁰, в коем имеют заседание голова и три члена. Письменная часть находится в ведении волостного писаря и двух его помощников. Подводная повинность¹¹ отправляется ямщиной¹² по найму от общества за 1016 р. серебром: съёмщик обязывается по контракту иметь 18 лошадей, а в случае потребности и более.

Земли нарезано колонии 19306 десятин удобной. При ней неудобной – 11912 десятин. Промышленность этой колонии получила обширное развитие. Есть у екатериненштадтских колонистов сады, которые, впрочем, мало доставляют выгод: плоды снимаются и употребляются больше для домашнего обихода. Впрочем, здешние колонисты – плохие садоводы. Да к этой отрасли хозяйства они мало имеют и склонности, хотя климат и почва благоприятствуют оной. Нет здесь ни одного сада, который бы давал порядочный доход.

Главный промысел колонистов – земледелие. Сеют хлеб всякого рода, а в особенности пшеницу. Важнейшую статью хозяйства составляет табак: он занимает огромные плантации. Семена у них свои, а частью выписываются из Америки. У каждого колониста при доме устроен плетнёвый сарай для сушки табачного листа в небольших пачках. В 1850 году собрано было в Екатериненштадте табаку до 25905 пудов. Смотря по качеству, он продавался от 1 руб. 15 коп. серебром до 2 рублей. На пристани в грузку поступило пшеницы до 310700 пудов.

В этой колонии кирпичных заводов 4, ветряных мельниц 19, 1 водяная, 1 лошадиная¹³ и 1 драпка¹⁴. Один трактир. Много лавок. Базар бывает еженедельно один раз.

В проезд мой, 20 мая, в воскресенье, в Екатериненштадте освящена новая великолепная лютеранская церковь, стоящая, по уверению жителей, более 50 тысяч рублей серебром. Строилась она долго. При начале построения у жителей колонии суммы было только 15 руб. серебром. Впоследствии, предвидя недостаток в деньгах, общество обложило каждого колониста, в урожайные годы, жертвовать на это известное количество пшеницы. Пшеница по временам продавалась, и этими средствами наконец храм приведён к окончанию. Праздник был всеобщий и шумный. На него прибыли многие чиновники и купцы (немцы) из Саратова. Огромные толпы народа стеклись из окрестных колоний. По окончании священной церемонии в домах пировали; улицы наполнены были гуляющими; по Волге и лугам, покрытым полой водой, мелькали лодки с народом, который веселился кто как знал: пели песни, стреляли из ружей и пистолетов.

¹⁰ Орган управления.

¹¹ Обязанность сельского и городского населения – предоставлять для государственных и местных нужд средства перевозки.

¹² Перевозкой людей и грузов на гужевом транспорте.

¹³ Лошадиная (лошадиная) – мельница, чьи жернова приводились в движение лошадьми, которые ходили по кругу.

¹⁴ Станок для изготовления драпки – тонких дощечек определённого размера, которыми покрывались крыши домов.

Кроме Екатериненштадта есть много и других богатых колоний, в коих зажиточные колонисты, особливо вышедшие в купеческое сословие, имеют такие дома, которые могут служить украшением губернских городов. Впрочем, есть и бедные колонии. Это заметно по виду жилищ и церквей.

Против колоний Волга во многих местах стиснута горами и подстепным сыртом. Тут луга не обширны, протоков, ериков, затонов и островов нет. Зато как высоко воды потока упираются в утёсы, подмывая их и образуя на них отвесные скалы!

В 1851 году многие сады у колонистов пострадали от холода, а весной страдали от червя, который у них не снимается, как это постоянно ведётся у русских садоводов. В мае лист на дубе здесь был съеден, и деревья стояли будто опалённые огнём.

Всходы хлебов были в весьма хорошем состоянии.

Колонии с запада и, частью, с севера защищены приволжскими горами, которые то тянутся грядами, то рассыпаются в холмы, и почти везде покрыты лесом. С востока и юга от колоний открытые ровные поля.

Устройством колоний однообразно. Каждая из них состоит из главной улицы и нескольких переулков. Дома почти все деревянные, на каменных фундаментах. Каменных мало. Кровли на домах высокие, острые. У многих домов крыльцо устроено на улицу. Подле дома небольшой садик или огород. При доме есть все нужные в домашнем быту пристройки. В каждой колонии есть церковь, а в концах деревянные столбы с надписью на деревянной доске: такая-то колония, столько-то жителей и домов.

Колонисты не допускают между собой никакой роскоши, никакого щегольства. Наряд женщин, как и мужчин, неизменный: вы не увидите ни дорогих тканей, ни модных платьев. Мужчины носят синие куртки и шаровары белые холстовые или крашенные синькой. Женщины носят соломенные шляпки, шерстяные юбки, чёрные передники, корсажи ситцевые и несколько ниток ожерелья. Головной убор – платок, подвязанный под шею, а частью и нет его.

Мужчины и женщины все ужасные флегмы, не совсем опрятны, но зато рассудительны, заботливы и бережливы.

Миновав колонии, вы поднимаетесь постепенно на возвышенную песчаную равнину, простирающуюся до реки Большого Иргиза. На этой равнине есть местами песчаные холмы; есть впадины, в коих образовались довольно обширные озёра. Тут уже и растительность совсем другого рода: поля засевают больше просом и бакшами¹⁵, а на залежах растут пырей и просянка.

Но вот река Большой Иргиз, река замечательная. Подъезжая к этой реке, пред вами почти внезапно открывается дивная обширная равнина, представляющая в весеннюю пору прелестнейшую картину: пространство вёрст на 50 в длину и вёрст на 10 в ширину покрыто водой и усеяно островами, покрытыми лесом. В тихую пору устье Иргиза представляет огромное зеркало. Во время бури оно волнуется как море, но на этом море не видно ни лодочки, ни челнока. В июне сменяется картина: море исчезает, и вы видите тучные луга, на коих кипит растительная сила, проявляясь в яркой зелени и неисчислимых отливах цветов.

Вправо от устья Большого Иргиза, к востоку, необозримая, ровная как стол долина. Чуть заметные вдали под горизонтом сырты¹⁶ с обеих сторон

¹⁵ Бакчами.

¹⁶ Сырт – вытянутая плоская широкая возвышенность.

окаймляют эту равнину. Горные потоки и тающие снега местами образовали на ней обширные лиманы, в коих весеннее солнце скоро иссушает влагу и возвращает обильнейшие сенокосы. А инде¹⁷ потоки, стекая в Иргиз, прорезали глубокие русла, за 100 сажень незаметные. Летом на местах весенних лиманов вы видите десятки тысяч стогов и омётов сена.

По этой равнине змеится Иргиз в глубоких берегах, едва заметный в 100 саженьях. Река обозначается дубами и осокорями, растущими как бы из реки: стволы скрываются в берегах, а выше берегов виднеются развесистые вершины деревьев.

Свежо и прохладно на необозримой Иргизской равнине. Тут нет ни малейшей преграды для ветров, всегда свободно дующих. В полдень, при полном разливе солнечного света, вам представляются дивные миражи: там видите необозримое море; здесь деревья, кое-где по Иргизу уцелевшие, представляют из себя гигантские купы; вдали виднеющееся селение кажется обширным синеющим лесом, стога сена – башнями.

Наконец единообразие Иргизской долины сменяется новыми видами: вправо от большой дороги вы, среди степи, видите прекрасный оазис – обширную рощу, в коей приютилась смиренная единоверческая обитель, прежде называвшаяся Нижне-Воскресенским монастырём. Я не заезжал в эту обитель.

Далее на пути село Студенец, или, по-простонародному, Ветелка¹⁸. Близ его, при реке Иргизе, тоже порядочный лесок. Выше этого селения, по течению Большого Иргиза, на пути лежит большое селение Берёзово, населённое казёнными и удельными крестьянами. Жители его довольно зажиточны. В нём устроена богатая водяная мукомольная мельница, принадлежащая волгскому¹⁹ купцу Курсакову. В ней 20 поставов²⁰, из коих на 11 выделяется крупчатка. При ней устроено несколько прекрасных амбаров для ссыпки закупаемой в здешнем крае пшеницы в большом количестве, и особенно белотурки. Мельница отлично устроена, отлично уставлена и хозяину, как говорят, приносит чистого дохода до 30 т. руб. серебром в год.

В 12 верстах от Берёзова – село удельное Каменка. В нём деревянная церковь, удельный приказ и училище. В этом селе есть каменоломня, в коей добывается плитняк известковой породы, годный для фундаментов домов и для других домашних строений. Такой же источник камня есть близ дороги в городе Николаевске, в отлогой горе, с которой виднеются город Николаевск, подле него – Средне-Никольский монастырь, а за ним, в обширном лесу, – Верхний Спасо-Преображенский монастырь.

Не доезжая около 3 вёрст до Николаевска, вправо, подле леса, на берегу Большого Иргиза стоит Никольский монастырь (прежде он был старообрядческий мужской, а ныне переименован в женский единоверческий), обнесённый деревянным забором. В нём две деревянные церкви старинной архитектуры с папертями. Ризница каменная. В ней, кроме утвари церковной, есть любопытные церковные книги. Кельи все деревянные. Местоположение вокруг монастыря прекрасное.

Город Николаевск переименован из слободы Мечетной в 1836 году 9 мая. В продолжение 18 лет он порядочно изменился к лучшему. В нём одна цер-

¹⁷ Кое-где.

¹⁸ Сегодня село Малое Перекопное Балаковского района.

¹⁹ Вольскому.

²⁰ Постав – пара жерновов.

ковь и одна татарская мечеть в Татарской слободе. В самом городе, на реке Иргизе, устроена мукомольная мельница, принадлежащая купцу Волковой-нову, о 12 поставах, из коих в двух – камни-дикари, выделяющие крупчатку, 1 драпка, 1 толчая, прочие – просто мукомольные. Плотина прочная, в 10 сажень ширины. За помол берётся 3 к. сер. с пуда. Мельница даёт доходу более 10000 р.

Близ г. Николаевска, за рекой Иргизом, в версте начинается лес, при-мыкающий к Иргизу и окружённый широким затоном, называемым Колач²¹. Лес мелкий, а часть есть и строевого. В высокой роще находится единовер-ческий мужской монастырь, окружённый каменной стеной. В нём – камен-ных 3 церкви, из коих главная во имя Спаса Преображения Господня, отче-го и самый монастырь получил название. Другая – во имя Введения Богоро-дицы во Храм, третья – во имя Сергия Радонежского Чудотворца. В ризни-це каменной много вещей и утвари дорогих и много книг церковных, весь-ма замечательных. Строения в нём: один двухэтажный каменный корпус, где живут настоятель и казначей, и много деревянных келий. Монашествующих в нём 30 человек, считая в том числе и послушников. Монастырь этот имеет у себя 8000 десятин земли, в том числе 2000 десятин лесу. На истоке зато-на устроена водяная мукомольная мельница о двух поставах. При монасты-ре есть фруктовый сад и пчельник. Рыбные ловли отдаются в оброк за 100 р. в год. Земля, за продовольствием монастырского скота, отдаётся в оброчное содержание: луга под сенокос, а поля под распашку и пастьбу скота. В лесу много диких плодовых деревьев: вишня, черемха²², малина, смородина. Сло-вом, дача монастырская изобилует весьма угодыми.

Прекрасное, редкое в здешнем крае местоположение Спасо-Преобра-женской обители. Здесь царствует глубокая тишина, невольно располагаю-щая душу к уединению и Богомыслию. Жаль только, что в ней мало под-вижников.

Выехав из леса монастырского, я переправился через глубокую реку Большой Иргиз на пароме. На другом берегу его – большая деревня Пуза-ниха²³, населённая решительно одними старообрядцами. От неё дорога идёт несколько наизволок²⁴, до села Таволжанки. Отсюда, оглянувшись назад, вы видите весь Николаевск, городок юный, но исторический. До открытия горо-да это была слобода Мечетная, очевидно, напоминающая о некогда живших здесь татарах, уже принявших ислам. Неизвестно, когда русские здесь посе-лились и наследовали от татар название своего селения. Только это селе-ние, по народному сказанию, одно из древних в этом крае. В 1772 году в нём тайно скрывался бродяга, удамый пришлец, беглый донской казак Пугачёв, причинивший столько бедствий в здешнем приволжском крае. Название горо-да Николаевска напоминает достославное царствование государя императора Николая I.

Здесь долина Иргизская становится уже и окаймляется довольно высо-кими сыртами, а по реке тянутся мелкие перелески. В 7 верстах – казён-ное селение Таволжанка, в коем деревянная церковь, волостное правление

²¹ Возможно, опечатка. На самом деле, Калач.

²² Черёмуха.

²³ Сегодня – село Преображенка Пугачёвского района.

²⁴ Слегка в гору.

и сельская расправа²⁵. От Таволжанки дорога идёт на высокий сырт, на гребне коего стоит огромный курган, кажется, ещё не тронутый.

Версты две далее от этого кургана – и долина Большого Иргиза скрывается. Тут начинаются покатоки к реке Малому Иргизу. По пути первое село на этой реке лежит Ивантеевка, близ коего с Иргизом сливается река Чернавка. По Малому Иргизу мало лесу. Река идёт по узкой долине, на коей кое-где редуют куртины²⁶ карагуча²⁷, крушины²⁸, дуба и осины.

Малый Иргиз течёт параллельно с Большим и вливается тоже в Волгу. По берегам первого населённость реже, чем последнего. Эти реки чрезвычайно извилисты. Текут очень медленно: воды в них пахучи и большей частью спят в глубоких и длинных водоёмах.

Далее от Малого Иргиза здешняя страна становится волнообразная: ровные возвышения, прорезываемые речками, становятся чаще. При речке Чернаве лежит большое казённое село Марьевка²⁹, в порядке устроенное, с красивой деревянной церковью. Тут волостное правление, сельская расправа. Подле села ветляная роща, а повыше – фруктовый сад, разведённый волостным головой Калмыковым, человеком предприимчивым, смышлёным и деятельным, который в этом деле на опыте доказал, что труд может победить природу.

В 18 верстах на реке Чагре – казённое село Ивановка³⁰, которое по наружному устройству своему во многом уступает Марьевке. В реку Чагру, впадающую в Волгу против Хвалынска, заходит из последней много рыбы, впрочем, не красной.

Вёрст 15 от Чагры параллельно с ней течёт из глубины степей река Моча, составляющая границу между Николаевским и Самарским уездами. На пути лежит казённое, мордвой населённое селение Каменка, или Каменный Брод³¹, с каменной церковью. Вдоль правого берега реки Мочи грядой лежит высокий сырт, с которого видна на расстоянии более 20 вёрст Самара. Половина этого пространства составляет весьма заметную покатоку. Тут уже постепенно исчезает дикость степи и начинается другого рода растительность. Степи покрыты травами мягкими, и прекрасная флора очаровывает взор путника.

Давно перед глазами моими красовалась Самара, на высоком мысу, с её церквями, каменными домами и амбарами. Вёрст на 10 перед ней вы въезжаете на обширный цветущий луг, изрезанный ериками, протоками и озёрами. За лугом до самой Самары раскинулся обширный залив, образовавшийся от полой воды вследствие подпора реки Самары исполинской Волгой. Тут до Самары надобно было плыть на досчанике по глубокому и тихому временному заливу шириной до 6 вёрст. Переправа длилась около полутора часов.

Местность Самары, особенно во время весны, прекрасная. Город окружён с трёх сторон водой. С северо-востока и запада шумит Волга, с юга – Сама-

²⁵ Сельская расправа – в Российской империи в 1838–1858 гг. первая инстанция судебного учреждения по мелким гражданским делам и проступкам государственных (казённых) крестьян.

²⁶ Группы.

²⁷ Карагуч (карагач) – вяз.

²⁸ Крушина – ольха.

²⁹ Сегодня – Пестравского района Самарской области.

³⁰ Сегодня – Криволучье-Ивановка Красноармейского района Самарской области.

³¹ Сегодня – Красноармейского района Самарской области.

ра, затопляющая луг на большое пространство. Только с востока в Самару можно проехать сухим путём. Несмотря на два больших пожара, опустошивших Самару в 1848 и 1850 годах, она, как феникс из пепла, быстро возрождается и скоро станет в ряд значительных губернских городов. Ряды житниц³², из коих огромные массы хлеба передвигаются на север и в другие страны, представляют из себя особенно замечательную перспективу зданий.

Прелестная страна, лежащая между Саратовом и Самарой. Не говорю о побережье Волги, где растительный процесс совершается в гигантских размерах. Самые степи, ещё доселе ознаменованные печатью вечного девства, представляют из себя запас государственного богатства: отсюда развились разные отрасли сельского хозяйства и промышленности. У колонистов делаются большие посевы табаку; обширные плантации дают им значительные выгоды.

Полезный пример у русских в глазах, но они доселе не следуют ему. В свою очередь и колонисты доселе плохие садоводы. Последняя отрасль цветёт в Саратове, где садов считается до 300. И какие есть там сады! Многие хозяева получают с них в лето от 5 до 7 т. руб. серебром. Саратовское садоводство может назваться образцовым, хотя оно не чисто рациональное. Климат и почва Самарской губернии благоприятствуют садоводству во многих местах. Желательно, чтобы здесь и эти отрасли хозяйства, т.е. разведение табака и садоводство, получили надлежащее развитие соразмерно условиям местности.

Подготовка к печати и примечания
Юрия Каргина

³² Зернохранилищ, амбаров.

**Елена
ТУРОВЕЦ**

«ИСКУССТВО ИМЕЕТ СВОИ КОРНИ И ПЛОДЫ...»

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ КОНДРАТЬЕВА

Журнальный вариант

Сергей Кондратьев

На своём жизненном пути мы встречаемся со многими людьми, которые слабо касаются нашей жизни или даже не соприкасаются с ней вовсе. Но есть личности, оставляющие след в нашей памяти надолго, даже порой навсегда. Таких людей называют знаковыми. Образы этих людей проникают глубоко в наше сознание, и мы живём с ними до конца наших дней. Не важно, рядом они или их давно уже нет на этом свете, живут с нами в одном городе или в другой стране и даже на другом континенте.

Когда я впервые в 1994 году встретила Сергея Кондратьева, то поняла, что это человек незаурядный, со своим жизненным укладом.

Ретроспективно, после смерти Сергея, я размышляла, а почему он такой, как складывался его жизненный путь, какие жизненные испытания ему пришлось преодолеть, какие

-
- Елена Владимировна Туровец родилась в 1962 году в г. Ош, Республика Кыргызстан. Окончила Саратовский государственный медицинский университет (СГМУ) в 1988 году по специальности «Педиатрия». Работала в Клинической больнице № 1 им. Миротворцева, ММУП «Лечебно-консультативный центр», МУЗ «5-я ДИКБ», ООО «Газпром трансгаз Саратов» МСЧ, ООО «ММК «СОВА», г. Саратова. В 2010 году защитила кандидатскую диссертацию. Автор публикации по специальной медицинской литературе в журналах «Успехи современного естествознания», «Инфекционные болезни». Пишет стихи и прозу. Как автор стихов и статей публиковалась в периодической печати г. Сердобска. В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

обстоятельства послужили становлению художника, который добился признания и стал членом Союза художников России.

Сергей Кондратьев – это не только живописец, который внимательно изучал окружающий мир, но и поэт в глубине души. Он делал записи в своих дневниках. Его жена Марина сохранила эти записи, и когда я решила написать рассказ о Сергее как о человеке, она предоставила их мне.

Читая его записи, я поняла, что, имея представления о Сергее только как о человеке, общаясь с ним во время встреч на семейных праздниках или в поездках на их с Мариной дачу в Быковку, не знаю о нём ничего. Всё глубже погружаясь в его размышления из дневников, я понимала, какой это организованный, творческий человек со сложным внутренним миром, периодами ранимый как ребёнок, с тонкой душевной организацией.

Его юность напоминает лабиринт с тупиками или зигзагообразную линию с крутыми поворотами, он мечется «в поисках себя». Приобретая жизненный опыт и мудрость, Сергей учился ставить себе цели и твёрдо идти к ним.

Своими воспоминаниями о художнике со мной делились Марина Милавина (жена, член Союза художников России), Наталья Владимировна Кондратьева (сестра), Ирина Драгункина (художник, друг), Павел Руфимский (врач, друг семьи), Михаил Полушкин (художник, поэт, друг семьи), Отец Вадим (священник), Лариса Дудко (однотруппница по училищу), Тая Прямыцина (ученица), Александр Давиденко (художественный критик).

Сергей Кондратьев родился 21 июля 1953 г. в городе Советская Гавань в Хабаровском крае, расположенном на берегу одноимённого залива, находящегося рядом с Тихим океаном. Его родители – отец Владимир Николаевич Кондратьев (1927 г.р.), мать Светлана Владимировна Кондратьева (1930 г.р.) – повстречались в городе Советская Гавань на соревнованиях по лёгкой атлетике. Владимир Николаевич в это время служил инструктором по спорту на крейсере «Калинин» Тихоокеанского флота, занимался спортом. Светлана Владимировна приехала на соревнования из Иркутска.

Когда Сергею исполнилось два месяца, его родители переехали в Саратов, где жили бабушка, Вера Самойловна, и дедушка, Николай Иванович Кондратьев.

Сестра Сергея, Наталья, родилась в 1961 году, она младше его на 8 лет. Наталья Владимировна закончила Саратовский государственный университет, где училась на факультете географии. Её с братом связывали тёплые, дружеские отношения в течение всей жизни.

Дед, Николай Иванович, воевал на фронте во времена Великой Отечественной войны, дошёл до Берлина и имел боевые награды. Он попал в плен, содержался в концлагере и бежал, затем вступил в партизанский отряд и сражался с фашистами до самой Победы. После войны подвергся репрессиям, но был реабилитирован. В послевоенные годы Николай Иванович на заводе работал. По воспоминаниям родственников, дедушка был малообщительным, строгим, но справедливым. До Великой Отечественной войны Николай Иванович участвовал в вооружённом конфликте с Японией, в боях на Халхин-Голе. Его имя занесено в «Книгу Памяти Саратовской области».

Родители и дедушка приучили Сергея бережно относиться к вещам и продуктам. Во время обеда дедушка настаивал, чтобы внуки съедали всё до крошки, не оставляя еду на тарелках. (Будучи взрослым, Сергей очень трепетно и уважительно относился к еде.

Бабушка, Вера Самойловна, была доброй и терпеливой женщиной, всю жизнь проработала поваром. Она дожила до 94 лет. Вера Самойловна после выхода на пенсию занималась дачей, где выращивала овощи и фрукты. Даже

в возрасте за 80 лет она ездила на дачу и обрабатывала участок. Сестра Сергея помнит, как Вера Самойловна рано утром с рюкзачком на плечах шла на вокзал и садилась на электричку. Бабушка Вера отличалась мягким характером, была гостеприимной.

У Николая Ивановича и Веры Самойловны было трое детей: Владимир – отец Сергея, Мария, Ирина. Все дети и внуки любили бабушку Веру.

Светлана Владимировна в молодости работала стеклодувицей вначале на Саратовской фабрике детских игрушек (другое название – фабрика ёлочных игрушек), затем в институтах «Промпроект» и «Гражданпроект» – светокопировщицей. В последние годы Светлана Владимировна занимала должность заведующей свето-копировальным отделом так называемого множительного бюро в институте «Гражданпроект».

Владимир Николаевич окончил Саратовский физкультурный техникум и работал инструктором по спорту, был спортивным судьёй республиканской категории по лёгкой атлетике. В добровольном спортивном обществе железнодорожников «Локомотив» участвовал в республиканских соревнованиях по стендовой стрельбе и лёгкой атлетике.

Владимир Николаевич был трудолюбивым человеком. Во время Великой Отечественной войны Владимиру было 14–19 лет. В это время подростком он работал на военном заводе по изготовлению снарядов. Годы взросления Владимира Николаевича выпали на тяжёлое послевоенное время. Ближе к пенсионному возрасту Владимир Николаевич занимал должность заместителя председателя спортивного общества «Локомотив» при Управлении Приволжской железной дороги.

На мой взгляд, Сергей от отца наследовал такие качества, как упорство в достижении цели и в выборе вида деятельности. Общаясь с Сергеем, я понимала, что если он не хочет что-то делать, то никакая сила, никакие уговоры не заставят его поменять своё решение.

У Владимира Николаевича была своя моторная лодка, он увлекался охотой и рыбалкой. Кондратьевы держали охотничью собаку, с которой Владимир Николаевич выезжал на охоту. А рыбаком он слыл, что называется, «до мозга костей». В выходные дни он брал Сергея и своего племянника, и они отправлялись на Волгу, чтобы порыбачить. Проплывая мимо красивых бережьев, любовались красотой волжских просторов и берегов реки. Отец Сергея работал матросом-спасателем в санатории «Волжские дали».

Можно предположить, что именно отец привил Сергею любовь к путешествиям. Благодаря отцу он впервые увидел живописные волжские берега, которые в дальнейшем мастерски отражал в своих живописных работах.

Владимир Николаевич, сам будучи спортсменом, привил сыну стремление к хорошей физической форме. Он привозил Сергея на соревнования по стендовой стрельбе и научил сына прицельно стрелять из охотничьего ружья по мишеням. Там же проводились городские и областные выставки охотничьих собак. И Сергей с детства научился разбираться в породах собак и навсегда полюбил этих животных.

Сергея в возрасте одного года крестили в Троицкой церкви. Крёстной матерью стала сестра отца, Ирина Николаевна (она на 15 лет старше Сергея). В своей взрослой жизни он вспоминал: «Я помню тот день, когда меня крестили», – и подробно рассказывал, что происходило во время обряда крещения.

Из воспоминаний Сергея о своём детстве: «В возрасте 4–5 лет меня отдали в круглосуточный садик. Как и многие дети, я скучал по маме и ждал её прихода. Я стоял у окна и смотрел на улицу в ожидании увидеть маму».

Сергея с матерью объединяла глубокая привязанность друг к другу, которая сохранилась до последних дней её жизни.

Когда родилась сестрёнка Наташа, Серёжа любовался ею, любил держать сестрёнку на руках и разговаривать с ней. В день, когда он впервые её увидел, он сказал маме: «Мама, ты, наверное, самую красивую девочку выбрала в роддоме из всех».

В средней школе с Сергеем учился мальчик, который одновременно занимался ещё и в художественной школе. Он дружил с Серёжей и показывал ему свои рисунки. В школе маленький Сергей впервые узнал, что можно заниматься искусством рисования. Он восхищался работами одноклассника, и впоследствии, вспоминая школьные годы, Сергей рассказывал, что ему запомнился один рисунок, где его персонаж – мальчик, который пускает кораблик по воде. «Вот бы мне так научиться рисовать», – мечтал он в детские годы.

В 8-м классе будущий художник оставил школу и пошёл работать помощником топографа.

Позже Сергей поступил в профессиональное техническое училище № 1, чтобы получить специальность слесаря-ремонтника. После училища он работал на станкостроительном заводе «Прогресс». В это время Сергея приняли гитаристом в вокально-инструментальную группу. В семейном альбоме у его жены Марины на одном из фото, которое сохранилось с тех времён, мы видим симпатичного высокого парня с гитарой – Сергея Кондратьева. Рядом с ним на первом плане стоит солист группы и вдохновенно поёт в микрофон.

Проходя мимо завода «Прогресс», Сергей неоднократно рассказывал жене Марине: «Здесь я работал токарем. Напротив этого окна стоял мой станок», – показывал он на одно из окон завода.

Затем Сергей поступает в другое профтехучилище, № 16, ныне – колледж производственных технологий, чтобы получить специальность «Технический конструктор архитектуры строительства».

В училище, по воспоминаниям сокурсников, к Сергею обращались ребята с просьбами нарисовать что-либо. Здесь у Сергея появилась тяга к путешествиям, открылись организаторские способности при подготовке в туристические походы. Между занятиями вместе с другими ребятами они обсуждали: кто возьмёт в поход топорик, кто – трос, кто – верёвки...

Любовь к путешествиям зародилась ещё раньше, когда мальчиком шести лет он убежал из дома и отправился на берег Волги, где и остался ночевать один под лодкой. Там, под лодкой, нашёл его отец спящим. Об этой своей черте Сергей рассказывает журналисту Наталье Проскуряковой газеты «Саратовская панорама» (2004): «С раннего детства я мечтал поселиться на необитаемом острове. И я этот остров искал. Не единожды убегал из дома и раз добрался до Новороссийска, откуда открыты пути в любой океан. Меня ловили и возвращали. Временами казалось, что мечта в каком-то смысле осуществлялась в геологических экспедициях на Север, на Кавказ, когда я жил и работал в охотничьем хозяйстве на Байкале. До сих пор мечта о необитаемом острове порой пробуждается».

В это время у молодого человека появился интерес к творческим профессиям. После профтехучилища Сергей устроился униформистом в цирк. В Саратовском государственном цирке имени братьев Никитиных будущий художник знакомится с жизнью цирка, его искусством, возможностями использования технических средств для цирковых номеров.

С другими служащими он готовил арену к репетициям и цирковым представлениям. В это время он познакомился с профессиями артистов цирково-

го искусства: жонглёра, дрессировщика, фокусника, акробата, клоуна. Здесь Сергей почувствовал «особый запах арены», окунувшись в цирковой мир, который постоянно меняет представления зрителей о возможном чуде, удивляет и восхищает.

В цирке Сергей познакомился и подружился с Сергеем Филимоновым. Они оба научились жонглировать. В последующие годы друзья часто встречались и вспоминали эти замечательные времена.

...Взрослея, Сергей мечтал стать пограничником-кинологом и дрессировать собак. Перед армией его мама приобрела щенка овчарки. Но собака заболела и умерла. Все члены семьи тяжело переживали это событие. Затем, не дожидаясь призыва в армию, в 1971 году Серёжа сам пошёл в военкомат и заявил о том, что хочет служить в погранвойсках. Вскоре он был призван в ряды Вооружённых сил. Служил Сергей Кондратьев в Райчихинском пограничном отряде «Райчихинск» Краснознамённого Дальневосточного округа в Амурской области. Он был кинологом, и во время службы, по рассказам его сестры Наташи, его любимицами стали собаки-овчарки Амур и Пурга.

В армии Сергей попал в отдел картографии, выполнял чертёжные работы, а также занимался оформительской работой – выпускал стенгазеты, плакаты, боевые листки. Именно благодаря этому у Сергея развились твёрдая рука и хороший глазомер. В 2004 году Сергей, давая интервью журналисту газеты «Саратовская панорама» Наталье Проскуряковой, сам подтвердил это предположение: «Судьба распорядилась так, что к рисованию я обратился в армии. Со мной вместе служили профессиональные художники, и у них я кое-чему научился. По крайней мере, после армии я мог самостоятельно работать художником-оформителем».

В этот период с нашим героем произошёл несчастный случай: Сергей случайно, по непредвиденным обстоятельствам упал с наблюдательной вышки высотой 12 метров. Пограничник попал в госпиталь и пролежал там более двух недель.

Ещё один случай приключился с ним во время службы в армии в канун Нового года. Планировалась встреча Нового, 1973 года, и Сергея выбрали на роль Деда Мороза. Он смастерил себе костюм из марли, ваты и подручного материала, выучил роль. В этот год стояла холодная зима, в зале для выступлений поставили электрический обогреватель. На сцену вышел Дед Мороз с мешком подарков за плечами, и после первых фраз: «Здравствуйте, дорогие взрослые, девочки и мальчики! Я долго добирался к вам и вот наконец пришёл и принёс вам подарки», – на нём загорелся костюм от соприкосновения со спиралью от обогревателя. Зрители испугались, сорвали бархатные занавески со сцены, Сергея повалили на пол и начали тушить огонь, колотя его тяжёлыми шторами.

После окончания военной службы в 1974 году Сергей с друзьями отправился на Самотлорское месторождение нефти и газа в Нижневартовск. Вместе ребята пытались найти подходящую работу, но попытка завершилась неудачей, и они вернулись в Саратов.

Светлана Владимировна ждала любимого сына из армии с нетерпением. К этому времени семья получила трёхкомнатную квартиру, и одну комнату в ней она приготовила сыну. «Эта комната для Серёжи», – говорила она мужу и дочери Наташе. Все домашние ждали приезда пограничника. Приехал он 5 февраля 1974 года. В доме ещё стояла наряженная новогодняя ёлка и ждала его.

Мама обращала внимание на способности сына к изобразительному искусству и после армии подарила Серёже этюдник. Будущий художник

был несказанно рад подарку. Уже будучи взрослым, сам Сергей вспоминал: «Просто не верилось, сама мама подарила мне этюдник!»

Семья Кондратьевых была дружная. Любимцем в ней был Сергей, ему уделялось особое внимание. Светлана Владимировна сыну купила гитару, а мужу – балалайку. Ещё в доме у Кондратьевых имелись модная в то время вещь – катушечный магнитофон, и «двухрядная» губная гармошка. Владимир Николаевич в те дни, когда все в семье собирались вместе, играл на балалайке русские народные песни. До наших дней сохранилась видеозапись такого семейного торжества.

Как-то раз Наташа уезжала из Саратова в город, где она проживала с семьёй. Билетов на самолёт не оказалось, и ей пришлось ехать на поезде до Москвы, а затем пересаживаться на другой поезд. Сергей взялся провожать сестру Наташу до Москвы. Он неоднократно выезжал из Саратова, чтобы встречать сестру в аэропорту в Москве или провожать её на поезде. Сутками он ожидал самолёта, когда погода была нелётная. К тому времени и у Серёжи, и у Наташи родились сыновья. После приобретения билетов Сергей предложил купить детям игрушки. «Без подарков нельзя возвращаться, детям надо устроить праздник», – решили они совместно. Он в Москве добрался до магазина «Детский мир» и купил по большущему экскаватору своему сыну и племяннику.

После армии, в 1974–1977 годах, Сергей работал лаборантом на геологическом факультете Саратовского государственного университета и участвовал в геологических экспедициях. Сестра Наташа вспоминала: «У брата была любовь к «бродяжничеству». В полной мере она проявилась в геологических экспедициях».

Сергей участвовал в экспедициях в Республику Коми. На фотографиях из семейного альбома мы видим крепкого молодого парня на фоне реки Печоры, среди Уральских гор, степей и лесов. На одной из фотографий – Сергей на фоне палаточного лагеря, рядом непролазные лесные чащобы. Условия были самые экстремальные: вот участники экспедиции берут пробы пород в ущелье, вот сплавляются на лодке по реке или восходят на вершины гор.

Сергей привозил из экспедиций различные породы камней, рассказывал про них сестре и родителям. Однажды, когда он спускался в глубокое ущелье, оборвалась страховочная верёвка, и его спас сильный боковой прыжок. Усвоивший наставления отца, Сергей до конца своих дней сохранял хорошую спортивную физическую форму.

Из воспоминаний сестры: «Сергей был очень добрым человеком и с детства любил животных. Однажды, работая в геологической экспедиции, он из Республики Коми привёз собаку – восточно-сибирскую лайку. Назвали её Ласка. Потом эта собака жила с ним в Саратове, и он к ней привязался и очень ею дорожил. Ласка оценилась, и щенков раздали знакомым и друзьям. Через год, когда Сергей ездил с геологической партией в Астраханскую область, его любимица так заинтересовалась верблюдами, что убежала за караваном. Партия сворачивалась и уже была готова к отъезду, а собака так и не вернулась. Сергей приехал в Саратов без Ласки и потом долго тосковал по ней.

Однажды Сергей принёс в дом ёжика и ухаживал за ним. Этот зверёк жил у них дома, вёл ночную жизнь и стучал лапками, обходя ночью квартиру».

Во время работы над этим материалом про Сергея Кондратьева жена Марина сообщила мне, что Сергей хранил все свои документы в старом доме в деревне Быковке. Эти документы сгорели в январе 2021 во время пожара, в котором сам Сергей трагически погиб на 68-м году жизни. Однако ей удалось среди рисунков и личных бумаг Сергея найти написанный его рукой

документ, что-то вроде автобиографии, которую он составлял для Союза художников. Вот какие вехи своего жизненного пути освещает автор: «Уехал в 1977 г. в г. Иркутск на озеро Байкал, где работал егерем в охотничьем хозяйстве. В 1984 году устроился на работу в бутафорский цех театра кукол «Теремок» и по 1988 г. работал в Саратовском театре кукол механиком по куклам».

Об этом периоде пишет в своих воспоминаниях в 2020 году Ирина Драгункина (в настоящее время – художник Саратовского государственного академического театра драмы им. И. А. Слонова): «Он, молодой, красивый, полный жизненной энергии, с огромным желанием творить, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства, притягивал к себе как магнит всех, кто с ним находился рядом. Днём мы трудились на благо театра, а по вечерам ставили натюрморты в репетиционном зале и делали наброски с актёров. В выходные ездили с театрами в лес, они за грибами, а мы писали там этюды».

С 1984 года Сергей учился в Заочном народном университете искусств (ЗНУИ) в г. Москве на отделении станковой живописи и графики, который окончил в 1989 году. У жены Сергея, Марины, сохранились письма педагогов ЗНУИ. Во время учёбы он выполнял задания и отвозил художественные работы своим учителям в Москву. После анализа материала была и критика, и поддержка со стороны педагогов.

Затем Сергей занимался оформительской работой в организации «Торгреклама». Работал художником-оформителем.

Годы перестройки и 90-е годы дали возможность стать «свободным художником» и полностью жить искусством. В 1994-м году началось его активное творческое развитие, он решил посвятить себя художественному ремеслу, живописи.

«...Но вот я начинаю своё становление человека-художника. Волей судьбы я не смог получить профессиональное образование. Ну что же, быть любителем-художником всю жизнь – это моё призвание, а коли так, то возвести в корень квадратный свои познания, умение и стремление – вот благороднейшая цель... Итак, становление. Было нелегко? Да! Будет нелегко? Да! Да! Да! Сейчас, увы, я стал замечать, как образ того художника, к которому я стремился, стирается временем перемен в обществе, но... пускай несколько в ином виде, он всё же будет спутником и помощником до конца дней. Иначе скорбь и траур...» (Дневниковые записи, 1.06.1994.)

«Как художник может выразить широту своих интересов? Что ему для этого надо? Много и немного! Много – это свобода в выборе материалов для творчества. Немного – это неприязнительность в быту и неприкосновенность интересов окружающих». (Дневниковые записи 1994 года.)

В 1996-м состоялась персональная выставка Сергея Кондратьева в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева. Участвовал в областных, зональных и республиканских выставках при Союзе художников России. В 1996–1997 годах вёл детскую художественную студию при Союзе художников. В 1997 году принят в профессиональный Союз художников России. В Саратовской организации на общем собрании был избран на должность вице-председателя Саратовской организации. Проработал до 2002 года.

С 1995-го женат на художнице Марине Милавиной.

С 2009 года возглавлял творческую организацию художников-любителей – клуб «Вернисаж» при Областном Доме работников искусств. До 2019 года являлся председателем этой организации и отстаивал интересы

художников-любителей. В 2009 году получил предложение из театрального института вести отделение «Театра кукол».

...В быстротечности будней, встречах и прощаниях, трагедиях и радостях каждому человеку важно иметь уголок для душевного отдыха. Уют, покой и понимание, поддержку и искреннюю любовь. И всё это Сергей нашёл благодаря Марине Милавиной. Их союз напоминал «Альфа и Омега» – начало и конец, борьбу двух разных миров, двух противоположностей, а сближала этих людей глубокая вера в Бога и желание совершенствовать своё художественное дарование.

Её любовь и забота поставили Сергея «на ноги». Они обвенчались в сентябре 1995 года в храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и прожили вместе 27 лет. Венчал эту красивую пару отец Вадим, который до самого конца жизни Сергея поддерживал и помогал ему духовно. Опыт Марины и её мастерство живописца были опорой для становления Сергея как художника. Её окружение, состоящее из творческих людей, дало ему перспективу для развития своих способностей. Эта женщина вела его по творческому пути вначале как учитель – от простого к более сложному, а затем, когда Сергей приобрёл опыт и свой почерк, сама стала учиться у него.

Любил ли он её? Конечно, любил. Это мы видим из его записей: «Мариночка, ты моё золотко, скажу от всего сердца: в тебе столько хорошего, удивляюсь, как оно помещается. В тебе вижу ту гармонию (сочетание внешнего и внутреннего мира), которая заставляет тебя любить!» (Дневниковые записи, 1.10.94.)

«Голубушка моя, любовь – это не только дар, но и испытание. Выдержишь? ...Нисколько не хочется думать о том, что могло бы быть, не встретить мы друг друга. Наша любовь является проявлением возвышенного и сильного чувства». (Дневниковые записи, 14.04.94.)

«Моя умная, милая женщина. Она, разрываясь на части, так самоотверженно посвящает себя искусству. Могу с уверенностью сказать, что женщина-учёный, женщина-художник – это человек, который совершает подвиг. И нет здесь красивого слова, есть факт...» (Дневниковые записи, 25.08.94.)

Анализируя дневники художника Сергея Кондратьева, я понимала, что у этого талантливого человека постоянно происходил диалог с самим собой о красоте окружающего мира, о планах и перспективах работы в художественной мастерской или с учащимися в клубе любителей-художников «Вернисаж», о творческих находках или даже открытиях художника. Вот как он говорит о наступающей осени в своих дневниках: «Осень приходит неслышно. Она подкрадывается, сохраняя в себе летнее тепло, яркое солнце, только слегка касаясь нежных макушек деревьев, выкрашивая их мазками желтизны... Ещё будут дни, разогретые могучим светилом; будет золото вперемешку с самоцветами, обнажающими ветви и устилающими подножье; будут осенний дым с морозным утром и радость. И тихая грусть. Мы с Мариной ещё побываем в деревне, побродим по лесу, постоим за этюдником и выхватим не один самородок из золотой реки, текущей над нашей землёй в уходящем году... Часы громко, неназойливо тикают и шепчут осени: «Ступай, занимай своё место, делай своё дело и проходи дальше, дальше...» (Дневниковые записи, 10.09.94.)

А вот как восторженно он описывает явление радуги: «Такое великолепие радуги, как сегодня, раньше мне видеть не приходилось. Жара ушла. Два дня назад ветры принесли тучи, красивые облака и прохладу. Сегодня вечером я, возвращаясь из Саратова в посёлок, увидел чарующие кар-

тины из окна автобуса: заходящее солнце, ослепляющее последними лучами землю, ударило по белокаменным двухэтажным особнякам, зажгло золотом зелень деревьев, и всё это на фоне грозного синего неба, через которое взметнулась ярчайшая радуга. Она огромна! Чуть в сторону видна ещё одна, более слабая и оканчивающаяся, едва дойдя до низких туч. Неповторимое зрелище!» (5.06.98).

У Сергея есть дневниковые записи под названием «Хвалынский дневник», который он вёл, будучи в Хвалынске в 1996 году. Сергей отправился в творческую поездку вместе с художниками Александром Крицким, Владимиром Мошниковым, Василием Мезером и Ниной Петровной Семёновой. Совместно они совершали так называемое «паломничество по местам Петрова-Водкина».

В этой командировке все они жили в общежитии в самых скромных условиях, покупали продукты и готовили сами еду. Каждый день по одному человеку или в группе художники выходили на этюды и зарисовки в разные места города. Сергей Кондратьев описывает в дневнике, как они посещали художественный музей и дом-музей К. С. Петрова-Водкина. В одном из музеев им дали подержать в руках «грушевую палитру мастера». Вместе с художником Александром Крицким в этой поездке они неоднократно посещали местную церковь.

Работа начиналась с пяти часов утра. Сергей, чаще один или с Александром Крицким, выходил на набережную реки и писал этюды широкого залива с баржей на берегу, верхнего Хвалынского берега, яблоневого сада, каменного фонтана, берега верхнего и нижнего прудов. Прогуливаясь по городу, он останавливался и делал зарисовки понравившихся мест. Работали в любую погоду, «только дождь прогоняет нас домой», – записывает художник. Сергей в своей тетради об этой поездке подробно и поэтично рассказывает о всех тонкостях погоды и природных явлений.

Прогуливаясь по городу, Сергей останавливается на приглянувшемся ему месте для зарисовки этюда, и «тут же сбегаются ребятишки, и работа проходит за беседой о жизни, школе». Кондратьев, повидавший разные места нашей Родины, в конце этой поездки делает вывод: «Да, Хвалыnsk мне понравился двумя достопримечательностями: первое – это особенная красота этих мест, второе – это доброжелательный нрав здешних людей».

Когда Сергей обрёл свой художественный почерк, Марина сама стала учиться у него. При нашей встрече в Быковке в 2018 году, где находилась мастерская Сергея, Марина не раз говорила: «Смотри, как у него получается: мазки крупные, почти грубые. Раз мазок, другой, третий – и домишко. Это соседский дом в деревне. А это – наш забор. А берёза, какая берёза! Несколько сильных мазков... Отлично берёза получилась. Я так никогда не напишу, вот стараться буду – не получится».

Конечно, как у любого человека, занимающегося творчеством, у Сергея Кондратьева были периоды подъёма и спада в творческой работе. Он писал в своих дневниках: «В работе не пойму, что делать. Не научился, не приучился работать, но хочу научиться и приучиться. Акварель не получилась! А как с учебниками? Развесить «сопли» – дело несложное, но надо организовывать себя на работу...» (19.02.2018).

27 июля 1998 года Сергей присутствовал в музее имени Радищева на открытии художественной выставки «Хвалыnsk». В дневнике об этом событии Сергей пишет: «В залах музея во время открытия выступали В. Мошников, А. Дымко (Москва) и В. Мезер (Иваново). Я старался проследить их речи и отметил их глубокие познания в сфере изобразительного искусства. К сожалению, я далёк от такого уровня и вряд ли когда прибли-

жусь к нему. Однако решимости во мне прибавилось, и хочется ещё более серьёзно подойти к творчеству. Понять связи между искусством и человеком. Научиться изображать окружающий мир и понимать то, что я должен и могу сделать в своей жизни...»

В течение многих лет поиска себя в живописи посредством проб и ошибок Сергей Владимирович старается выработать свой, как он сам называет, «пластический язык»: «Хорошее открытие сделал я сегодня. В этюде надо выводить пятна, верные по тону и форме, стараясь подбирать нужный цвет, после чего наполнять эти пятна нужными деталями (светлыми и тёмными)». (2016)

Он, как живописец, находился в постоянном поиске близкой ему формы самовыражения. Марина рассказывала, что муж никогда не разрешал ей и никому другому присутствовать при его работе над картинами. Он долго искал свою технику масляной живописи, сидел часами за мольбертом или этюдником, производил опыты с краской, мазок за мазком подбирал тона и полутона, выводил светотени, борясь за правдивость и точность передаваемого сюжета на его холсте по сравнению с натурой.

«Трудно подобрать слова для выражения чувства, когда приходит понимание тайн, содержащихся в искусстве. Да, если знаешь, как это создать, когда становится доступным понимание произведения, приходит сдержанная радость. Очень надеюсь на понимание, очень надеюсь, что сил окажется достаточно». (25.05.2017)

«Художественное творчество многогранно, и трудно себе представить те возможности, которые таят в себе образы и материалы. Начиная с простого: в рисунке и живописи человек знакомится с формой и перенесением её на плоскость. Через труд и неумение приходят навык и умение, которые создают внутри художника уверенность в своих силах. Художник размышляет о том, что видит, и понимает, как это должно быть превращено в образ». (2004)

Сергей Кондратьев постоянно занимался своим самообразованием. Он верил в то, что самостоятельный труд над развитием своих способностей, изучение специальной литературы по изобразительному искусству и общение в среде художников принесут свои плоды. «Нельзя останавливаться. Есть цель – совершенствование профессиональное и осмысление миропонимания». (28.07.98)

«Главной идеей для меня становится устройство системы образования и творчества с наименьшими столкновениями, происходящими во внешнем мире. Действительно, придётся разделить свою деятельность на текущую производственную и творческую образовательную». (2016)

Он верил, что добиться высот в своей профессии можно только через самообразование или, как раньше говорили, через просвещение. «Искусство имеет свои корни и плоды. Корни искусства – в образовательной системе, включающей в себя методическую работу, состоящую из изучения вопросов живописи, графики, композиции, истории...» (16.12.2016)

Сергей Владимирович в своей работе умел отличать главное от второстепенного: «В мастерской надо по утрам делать учебную работу, затем, если нет производственной, браться за текущие композиции. Во второй половине дня надо начинать практиковать этюдную живопись. Обязателен каждодневный рисунок». (2016)

Как и всем людям, желающим достичь каких-то вершин, Сергею приходилось разбираться: почему застой и что мешает творчеству? Например, в 2016 и 2018 годах он делает вывод: мешает телевизор. «Я должен определить

и создать форму творческой жизнедеятельности. Надеюсь начать с отказа от телевизора. Мне надо взяться за упорядоченное творчество. Рисунок. Живопись. Композиция. История искусств. Цветоведение. Перспектива. Пластическая анатомия». (13.08.18)

Люди, суета, город мешали ему сосредоточиться на живописи. Он предпочитал жизнь художника-отшельника в деревне. Этот человек никогда не проводил время в пустых разговорах. Он спешил уединиться, для того чтобы творить. Случайные люди, пустословие, суета раздражали его. «Избежать контактов с людьми в полной мере не удаётся, однако встаёт необходимость ограничить лишнее общение. Только человек, питающий интерес в области изобразительного искусства и родственный мне по духу, будет моим собеседником». (2016) В мастерской, в квартире, на даче он спешил обустроить своё рабочее место и писать, писать, писать, «...брать рейку, делать подрамники, натягивать холсты, проклеивать, грунтовать и ПИСАТЬ». (05.12.2016).

В первое десятилетие 2000 годов Сергей находился на пике своего творчества. В 2004 году состоялась его юбилейная выставка в выставочном зале Союза художников. На этой выставке были представлены работы «Поддень», «Айва», «Волжская баркарола», «Светлый песок», «Волжские дали», «На трапе». Затем в 2009 году в Радищевском музее Саратова состоялась совместная выставка Сергея Кондратьева и Марины Милавиной. Стало заметно, как изменился его пластический язык. В его работах появились новые творческие удачи: оживлённая искристость волжских просторов, зазвучала одухотворённая его кистью деревня, «старый Саратов».

В 2009 году я приходила со своей просьбой к нему в мастерскую, которая находилась в здании художественного училища. Вся обстановка была простая, если не сказать аскетичная. Он встретил меня очень гостеприимно и напоил чаем. При нашей беседе он рассказал про свой образ жизни: «Я дома встаю в 6 часов, сюда прихожу в 8 часов утра. Дома меня отвлекают всё время, столько ненужного вокруг, столько информации, звонков! Я здесь даже телефон отключаю. А это у меня листы картона, натянутые холсты, краски. За осень надо много сделать. Я тетрадку завёл: всё записываю, чтобы не забыть. Не успеваю, как всегда... И почитать надо специальную литературу, вот журналы приготовил. А вот над этой картиной я сейчас работаю».

А поводом к нашей встрече стала предстоящая защита моей диссертации. Мне пришла идея: к этому ответственному дню оформить стенгазету. После защиты планировалось небольшое застолье. Тема диссертационной работы связана с заболеванием дифтерией. Я придумала такой сюжет для газеты: мы втроём с моими двумя коллегами-женщинами, которые впоследствии стали моими подругами, впряжены в повозку, мчащуюся на скорости. Наши гривы развеваются, мы несёмся, а в повозке сидит наш научный руководитель и погоняет нас кнутом. С ним рядом другие руководители и оппоненты, стреляющие из пистолетов и рогаток в нашего врага – «дифтерийную палочку».

Поскольку навыка в изобразительном искусстве у меня маловато, а правильнее сказать, никакого, только уроки рисования в средней школе и небольшой опыт художника-оформителя на заводе, и время поджимало, я поняла, что самостоятельно не справлюсь. В этот момент мне в голову пришла мысль обратиться к Сергею Кондратьеву. Я пришла к нему в художественную мастерскую с наброском будущего плаката, фотографиями лиц всех участников «действия», листом ватмана, акварельными красками, гуашью и выложила всё это на стол вместе со своими планами и фантазиями.

Он посмотрел на мой рисунок и спросил:

– А не обидятся твои оппоненты? Как выглядит дифтерийная палочка? Какие сроки?

Через два дня Сергей позвонил мне и сказал:

– Забирай свою газету, а то меня от этих дифтерийных палочек уже тошнит. Боюсь заразиться.

– Серёж, там не тошнить должно, а горло болеть. У тебя горло болит?

– Нет.

– Значит, ты здоров.

Я бежала на следующий день после звонка в его мастерскую. Он выложил ватман со своим рисунком и вопросительно посмотрел на меня? Я с нетерпением стала рассматривать этот карикатурный рисунок, и удивлению моему не было конца. Он с таким юмором изобразил это зрелище, получился целый бой. Мы – лошади с человеческими головами, несёмся что есть мочи, топчем копытами эти самые палочки. Нами управляет главный научный руководитель, одетый в кавказскую бурку и папаху. Он замахивается на лошадей кнутом, а сидящие в экипаже на заднем плане разбойники-профессора стреляют, кто из чего может – из лука, вынимая стрелу и натягивая тетиву, из пистолета, из ружья – по этим самым палочкам. Палочки же, испугавшись такого нападения, в страхе убегают и позади этой «колесницы» укладываются в штабеля... Их бесконечное множество. Мы раскрыли газету и смеялись вместе с Сергеем. А как мы смеялись с друзьями над этой шуткой после защиты!..

Сергей всегда носил с собой блокнот и при возможности делал небольшие зарисовки: людей в разных позах, по одному или группами, городских строений, машин, деревьев. Во время работы над очерком я рассматривала его блокнот с разными зарисовками: очки, лежащие на столе, силуэты людей – мужчина, сидящий за столом с головой, опирающейся на подставленную руку; силуэт женщины, сидящей на стуле, женская головка анфас, человек, стоящий с протянутой рукой к другому человеку, силуэт человека со спины на фоне снега и построек.

«В рисунке есть основа, база. На нём выстраивается сооружение различного «характера». Живопись имеет формальную часть, несущую цветовые характеристики. Композиция включает в себя, по сути, всё!» (22.03.2018)

Даже трудно сказать, кем Сергей Владимирович был больше – художником-творцом или преподавателем. До того времени, как Сергей Кондратьев возглавил клуб художников-любителей и людей, интересующихся живописью, «Вернисаж» при СОДРИ, он посещал его сам несколько лет как учащийся. В дневниковых записях времён преподавания в клубе присутствует поиск методов организации учебного процесса. Вот что он пишет в своём дневнике 19.03.2018 г.: «Систему обучения студийцев надо выдержать в таком духе: теория, практика, занятия с молодыми. Мне, как преподавателю, теорию надо не просто подготовить и рассортировать, а системно преподнести, изучая вопросы, которые встают в процессе обучения. Для этого необходимо конспектировать материал, который следует доносить и который потребуется в процессе обучения. Практика, как я и замышлял, нужна без притязаний на супертворчество. Если я несу в сознание студийцев реальное, традиционное, то этим и надо заниматься. Отводить конкретные дни и часы. Натура и композиция! Для занятий необходимо больше готовить плановое задание, обусловленное реальным временем. Мне задают вопросы, и на них надо отвечать».

Имея опыт студийца и преподавателя клуба, он оставляет записи, которые доказывают правдивость крылатых слов выдающегося французского

писателя и философа Мишеля Монтеня: «Чтобы обучить другого, требуется больше ума, чем научиться самому».

Ученики «Вернисажа» любили и уважали своего учителя Сергея Владимировича. Одна из его учениц, Таисия Михайловна Прямыцина, которая посещала занятия в группе СОДРИ у Сергея Владимировича, вспоминает: «Я пришла в клуб в 2016 году. Насколько я помню, Сергей Владимирович умел к себе всех расположить. Он уделял нам очень много времени и отдавал себя полностью на занятиях. Он учил нас мастерству и трудолюбию. С теми, кто не мог приходить заниматься в фиксированные по расписанию дни и часы, Сергей Владимирович занимался индивидуально. Мы все его любили. К сожалению, некоторые ученики вышли из клуба после его ухода, не смогли продолжать. К нему приходили не только учиться писать, но и за человеческой «теплотой». С ним занятия проходили в доверительной обстановке.

В нашу группу приходили два мальчика. Один мальчик оказался очень способным к живописи. Сергей Владимирович занимался с ним дополнительно. Однако родители не хотели, чтобы он поступал в художественное училище, объясняя это тем, что художник материально не сможет обеспечивать семью. Сергей Владимирович беседовал с родителями и мальчиком, наставлял его, чтобы он не бросал своего увлечения.

У Сергея Владимировича всегда были планы учебного процесса, которыми он делился с нами. Он организовывал выставки своих учеников при Доме работников искусств (СОДРИ). Сергей Владимирович вывешивал план занятий и повторял: «Будем стремиться от общего к частному». Он считал себя учеником художника Крицкого, который оказал большое влияние на творчество нашего учителя, особенно на его графику. Преподаватель показывал нам альбомы своего учителя и рассказывал о его творчестве: «Смотрите, как он решает задачу пространства листа, как подбирает тона и полутона... Получается целая гамма красок».

Он был настоящим мастером. Никогда не забуду, как мастер нам рекомендовал наметать силуэты воздушного пространства. «Например, – говорил он, – вы рисуете натюрморт и заполняете его объёмами – цветы, кувшин, сахарница... Между объёмами имеются пустоты, эти пустоты образуют силуэты, другими словами, воздушное пространство имеет силуэт. Всегда проверяйте правильность построения рисунка этими объёмами и силуэтами. Надо стремиться заполнять пространство листа так, чтобы через 10 минут или через один час вы посмотрели на свою работу, и было понятно, что она была построена правильно по формам с самого начала». Также он не любил, чтобы, работая карандашом, мы всё вымеряли, измеряли: «Не стремитесь к идеальным ровным линиям».

Наш учитель давал нам основы. Мы и сейчас пользуемся теми знаниями, которые получили. Мы приезжали по несколько человек на этюды к нему в деревню, в Быковку. Он сам строил свою мастерскую и делился с нами опытом, как организовать своё пространство в мастерской.

Учитель тренировал нашу память на «осмотренность»: раздавал нам вырезки из журналов с отрывками и репродукциями из былин, русских сказок, стихотворений. Давал время на запоминание, и после этого мы должны были воспроизвести по памяти изученный материал и нарисовать всё, что запомнилось.

Сергей Владимирович очень любил Саратов. Обращал наше внимание на старинные дома и маленькие улочки со своим колоритом. Сам он много писал старый Саратов».

По выставкам и многим картинам в доме было понятно, что он продолжал увлечённо работать, экспериментировать и в более поздние годы. Так

появились его работы «У набережной» (2016), «Праздник Покрова» (2012), «Хвалынское» (2015), «Деревня. Жаркие дни» (2012), «В декабре» (2017), «Вечер в Быковке» (2017), «Дальний затон» (2020).

По манере живописи на этих полотнах видно, что у Сергея Кондратьева хорошо «приучен глаз» к верному восприятию цвета, он видит тонкую разницу оттенков и изображает их в целом в своей живописной работе. У художника появилось хорошо развитое колористическое чувство. В его искристых работах присутствуют источники света: свет солнца, ослабленный свет (рефлекс) неба и свет воды, зелени или снега.

Но хочется описать историю одной особенной картины «Монастырь Сергия Радонежского», которую Сергей Кондратьев написал в 2020 году. В селе Алексеевка Базарно-Карабулакского района, недалеко от села Лесная Неёловка, в 80-е годы начали восстанавливать разрушенный Свято-Сергиевский женский монастырь. Здание храма монастыря в честь Преподобного Сергия Радонежского окончательно было восстановлено в 2006 году.

С этим храмом у Сергея Кондратьева связано особое событие в жизни. В 80-е годы вместе с художником Александром Говоровым, который к тому времени уверовал в Бога, Сергей побывал в Алексеевке, молодые художники осматривали окрестности, изучали пещеры в этих местах и оказались на территории монастыря. Их встретил батюшка Калабин, эта встреча дала Сергею Кондратьеву толчок к вере и воспитанию его любви к Богу.

И вот Сергей написал эту картину. После его смерти Марина подарила картину монастырю.

Священник храма во имя Преподобного Серафима Саровского, друг семьи Сергея отец Вадим вспоминает: «Сергей был верующим человеком. Он помогал мне и людям в процессе восстановления часовни в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Казачка Калининского района, храма в честь Святой равноапостольной княгини Ольги в городе Калининске. В Сергиевке художник выводил орнамент на окнах, помогал по хозяйственной части. Познакомил отца Вадима с архитектором, который выливал из гипса балюстрады для часовни. В Калининске в храме выкладывал мозаику над входом вокруг иконы Божией Матери. Сам дробил мозаику, придумывал орнамент». С отцом Вадимом Сергея связывали духовная близость и давняя дружба. Он обращался к нему во времена тревог и поиска правильного пути. Отец Вадим благословил эту пару на венчание.

Сергей неоднократно приезжал в скит батюшки Серафима. Художник участвовал в росписи домового храма в небольшом скиту при монастыре в селе Дивеево Нижегородской области – работал над изображением шестикрылого Серафима. Вот как он описывает в 2008 году в своём дневнике одну из таких поездок: «Конец четвёртого дня моего пребывания в скиту батюшки Серафима. Работа завершена, жду машину из Саратова для обратного пути. Что было? При всей неоднозначности видится неслучайность поездки в святое место. Разговоры с батюшкой и не касались будто бы лично меня, а так, в общем. Что вынесу? Насколько хватит ума, столько и вынесу. Ну, пока хотя бы омовение в источниках, прохождение по Канавке. Мощи преподобного Серафима. Суть поездки может Бог откроет». Сергей из скита ездил в Дивеево в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь и прикладывался к святым мощам Серафима Саровского, проходил по Святой Канавке Царицы Небесной.

По просьбе священника храма великомученика и целителя Пантелеимона отца Дионисия Сергей писал икону святого Пантелеимона и на Рождество Христово участвовал в инсталляции на тему «Рождественский ковчег».

Мне никогда не забудется наша встреча с Сергеем в декабре 2019 года, когда Марина Милавина уезжала в Петербург к сыну, Илье Овчаренко. Мы с мужем Николаем решили её проводить и приехали на вокзал. С Мариной был Сергей Кондратьев.

Мы вчетвером поднялись на второй этаж здания вокзала, в зал ожидания, уютно устроились в креслах зала. Ожидать прибытия поезда предстояло около 30 минут. Марина была хороша собой, вероятно, в преддверии встречи с сыном, внучкой и внуком. В это утро она успела собраться, очень элегантно одеться, приехать на вокзал заранее. В хорошем настроении был и Серёжа.

Я присела рядом с ним на свободное кресло, и тут Сергей внезапно начал говорить. В считанные минуты он раскрылся передо мной, его волновала неопределённость будущего: ему предстояло прожить несколько месяцев одному, без Марины, на съёмной квартире. Возможно, досада на себя, на жизнь, на безденежье вызвали желание выговориться и как-то утвердиться в своей правоте. Мне показалось, что он чувствовал в данный момент, а может, и раньше, бессмысленность своего существования. Он достал из своего рюкзака листок бумаги и сказал, обращаясь ко мне:

– У меня ничего нет. А что нужно художнику? Не нужны ему ни краски, ни кисти, ни палитра, ни холст. Вот – простая бумага, лучше жёлтая, шероховатая, и отточенный карандаш. Рисунок нужно отрабатывать! Вот ты идёшь по саду или парку, вот увидела скамейку, присела, взяла карандаш, набросок сделала – и пошло, пошло... Тут нужно умение быстро схватывать и зарисовывать, передавать сущность момента. Вот осенний лист пролетел – нарисуй его, он уже не вернётся – это мгновение, оно пройдёт, и всё, ты это мгновение потеряешь. Вот перед тобой человек, смотри на руки – о... отмечаешь, руки работающие, жилистые – это трудяга, и всё, зацепилось – создай его образ, чтобы не забыть, двумя-тремя штрихами набросай эти особенности. Ты знаешь, Лена, очень важно наблюдать, делать наброски с натуры, развивать в себе образное восприятие окружающего мира. Хорошо рисунки и по памяти делать. Вот закат увидела, запомнила и нарисуй всё по памяти. Только не нужно передавать досконально всё, что видишь, копировать реальность не надо, а стараться надо, чтобы душа в работе была, чтобы твоя частица в ней осталась. Вот я часто город, улочки, домишки рисую, они, понимаешь, живые для меня, с их историей, трагедиями, ветхостью... А какая весна на Волге, именно ранняя весна, когда тает снег и открываются берега...

Мы оба понимали, что ему надо было высказаться, найти смысл собственной жизни, убедиться в своём предназначении – предназначении быть художником. Было понятно, что ему нечем заполнить пустоту в своей душе, что он потерял что-то главное в жизни. Последние годы, а может, и раньше, какая-то боль разъедала его изнутри. Возможно, эта боль называлась не очень красиво: боль детской обиды, уязвлённого тщеславия, но она была достаточно сильной, и он начал пить, заполняя алкоголем эту пустоту. Он не видел перспективы для себя, не ощущал тот вдохновляющий свет, который некогда вёл его с таким оптимизмом по жизни. Всё же мне верилось почему-то, что ему удастся преодолеть себя. Он верующий, он будет молиться. Его ещё держит на земле любовь к Богу, сыну Сашке, к внучке Алёнке.

В этот момент меня окликнул муж – наступило время идти на перрон к поезду.

Мы, люди, склонны к мистике, особенно когда сталкиваемся со смертью. Но, вспоминая последние дни января из жизни Сергея в 2021 году, эти эпизоды я не могу обойти стороной и не описать. 7 января Марина мне

отправила последние снимки живого Сергея. На одном из них он запечатлён лежащим на диване – худой с закрытыми глазами, заострёнными чертами лица, запрокинутыми за голову, сложенными в локтях руками и уставшим, безразличным выражением на лице. Рядом с ним сидит маленький мишка бежевого цвета – мягкая игрушка, а на заднем плане картина Марины – портрет Сергея, с подстриженной бородкой, в шапочке типа «панамы» и с живой хитринкой в глазах. «Репетиция своей смерти», – подумала я. В Сергее не было жизни на этом снимке, а портрет казался живым.

Перед смертью Сергея, по воспоминаниям Марины, произошёл следующий эпизод. В Саратове стояли сильные морозы в январе 2021 года. 19 января он вышел из дома, сел в свою машину и стал прогревать. Он вышел из машины и посмотрел на Марину, которая провожала его из окна квартиры. Сквозь белый дым Сергей заулыбался и, прощаясь, помахал ей рукой. «Он никогда раньше этого не делал, – вспоминает она, – просто уезжал или уходил, не оборачиваясь». «Последний раз, – прозвучал внутренний голос Марины. – Буду смотреть вслед уезжающей машине, пока она не скроется в арке дома». Больше я его не видела. Он растворился в белом дыму».

...Анализируя жизненный путь Сергея Кондратьева, могу сказать с уверенностью: он занимался тем, что выбрал сознательно, что ему нравилось. Сергей любил изобразительное искусство, любил заниматься живописью, писать картины. Он искал себя не только в ранней молодости, но и, будучи уже художником, искал свой почерк, свою манеру в живописи. И ему это удалось. Дарование художника в полной мере раскрылось в его пейзажах. «Городские и сельские пейзажи лиричны, композиции интересны, а иногда неожиданны. Всё это хорошо подчёркивает состояние природы и находит отклик у неравнодушного зрителя», – писал художественный критик А. Давиденко в 2004 году в своей статье «Дорогу осилит идущий». Такие крылатые строки: «Научиться можно только тому, что любишь» (Иоганн Вольфганг фон Гёте) – как нельзя лучше подходят к выбору его профессии художника. Сергей Кондратьев нашёл себя, своё призвание и состоялся как художник». Сергей оставил после себя более 400 полотен.

На мой взгляд, визитной карточкой Сергея является его работа «Волжские дали» (2005), где изображена наша любимая река Волга. В работе запечатлено такое явление природы, когда на закате солнца в жаркий день речная вода, окрашенная лучистыми оттенками жёлтого, на горизонте переходит в такое же небо, но цвет неба на полтона светлее воды. Вода и небо переливаются друг в друга. На берегу находится пирс, зелёные сваи возвышаются над водой и отражаются в ней длинными тёмными ножками, рядом лодки и рыбаки с удочками. Берега реки мягко покрывает пышная зелёная шаль растительности. Вся картина излучает золотистое тепло и последний блеск летнего дня перед закатом солнца.

Когда рассматриваешь работы Сергея Кондратьева, невольно понимаешь, как он глубоко изучал эту городскую улицу, или дом, или деревенский дворик. Он точно передавал убедительную, вещественную, я бы сказала, сиюминутную жизнь городских или сельских домиков, двориков, крыш, сарайчиков, с их уютными огоньками в окнах, с их жильцами и прохожими на улицах. Глубокие, иногда драматические его живописные работы смотрят на нас и как будто говорят: «Мы не красуемся своей палитрой радостных цветовых гамм, на нас нет блеска лака и украшательства, мы такие, какими захотел нас воссоздать художник».

После смерти художника уже прошло несколько выставок его работ. Так, 11 марта состоялось открытие выставки Сергея Кондратьева «Состо-

яние души» в пространстве арт-кофейни «Кофе и Шоколад»; 8 сентября 2021 года – персональная выставка в Доме работников искусств, посвящённая дню памяти Сергея Кондратьева и Лидии Андриевской «Любимый город на Волге»; 22 февраля 2022-го – совместная выставка работ членов Союза художников Сергея Кондратьева и Марины Милавиной в Музее-усадьбе Н. Г. Чернышевского.

Этот человек ничего для себя не сберёг, не скопил, и, по большому счёту, никакие материальные ценности его не привлекали. Сергей Кондратьев никогда не поклонялся материальному, его по праву можно назвать бессребреником. Жилплощадь, которая принадлежала ему по наследству, он отдал родственникам. Никакими привилегиями как художник он не пользовался, никакие связи с «нужными людьми» не заводил, никогда не использовал дружеские отношения в своих интересах, не говорил о себе и о своих художественных работах с превосходством. Никаких ценностей после его смерти не осталось, кроме его картин. Картины остались!

Да, Сергея нет на этом свете, но его полотна живы, как будто энергия художника переселилась в его картины.

«СВЕТЛОЕ СТРЕМЛЕНИЕ БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ...»

Воспоминания о Сергее Кондратьеве
(1953–2021)

Сергей Кондратьев показал своей жизнью, как в душе человека идёт постоянная борьба между добром и злом, любовью и ненавистью, красотой и безобразием, верой и безверием, сознанием и чувствами. Человеческая душа открывается как поле битвы, где Бог сражается с дьяволом. Сергей был убеждён, что православие – единственное убежище Русской земли от всех зол. Он искренне верил в бессмертие души. И никогда ничего не боялся. Он знал, что без веры в бессмертие жизнь человека – невыносима. Помню его рассуждения о смысле творчества и самой жизни, которая бессмысленна без творчества и без Творца.

Сергей никогда не переставал учиться. Читал хорошую литературу, от всевозможных народных сказок до мировой философии и поэзии. Особенно в последнее время – о художниках, творчестве. Старые советские многочисленные художественные журналы... Постоянно при себе имел любимый блокнот, где рисовал с натуры карандашом и ручкой в любых местах. Группируя, обобщая, выявляя смысл и главное в композиции. Всегда задавал себе вопрос: ради чего?

А вот в его работах нет борьбы, которая шла в его душе. В них особая, ни на кого не похожая поэзия. Умиротворение. Любовь к тому, что впитал в себя с детства, своё, родное... Город с тополями и вязами, со старыми домишками и простыми его жителями. Деревеньки без особняков, без роскоши. Природа, Волга. Людей любил и жалел тех, кому трудно, кому может и должен помочь – старичков, одиноких, детишек, а также тех, кто не может справиться с пагубной страстью. Не любил ничего просить для себя у людей состоятельных. Верил, что Бог и так подаст, когда необходимо. Мог отличить истинную красоту от красоты. Всегда хотел быть незаметным. Поэтому его работы не оставляли равнодушными тех, кто жил искусством.

**Марина Милавина, жена Сергея Кондратьева,
член Союза художников России**

В 2015 году я познакомилась с брутальным, статным художником с красивой улыбкой. Это был Сергей Кондратьев. За годы общения я многому у него научилась, он был учителем, хорошим руководителем, добрым и мудрым. Он любил свой город, жизнь, людей и это показывал в своих работах. Я несколько раз была в его мастерской и всегда восхищалась его светлыми мыслями и грамотными работами.

Лаура Хачатрян, художник

С Сергеем Владимировичем Кондратьевым я познакомилась случайно, когда искала себе хобби в Доме работников искусств, а он встретил меня в фойе и пригласил к себе в мастерскую, чтобы сагитировать меня начать заниматься живописью. Так началось моё погружение во внутренний мир искусства. Сергей Владимирович не только хороший учитель и наставник, но и прекрасный организатор. Когда смотришь на творения Сергея Владимировича, будь то полотно, или кукла, или отреставрированное изделие старины, то испытываешь такие чувства: «Как, как можно было так сделать собственными руками?»

Сергей Владимирович – очень много читающий и изучающий мир со всех сторон, интересный собеседник и, несомненно, талантливый художник. Его творчество – это всегда игра цвета и стиля. Это передача глубокого смысла, и ты всегда погружаешься в его безграничный мир при просмотре полотен.

Ксения Рудь, бухгалтер

Кем для меня является Сергей Кондратьев?

Прежде всего – единомышленником, человеком, тонко чувствующим многогранность бытия, вечно ищущим смысл и правду жизни, часто спорящим, но всегда постоянным в своих убеждениях.

А ещё Сергей запомнился незаурядным рассказчиком (под настроение, правда).

В непринуждённой, почти всегда шутливой форме он вспоминал многочисленные эпизоды из своей жизни, богатой событиями. Чем он только не занимался и где только не побывал?

Бродил по лесу с ружьём егеря, «кормил комаров» на севере в геологоразведке, летал на вертолёте над «зелёным морем тайги», униформистом советского цирка кормил хищников и даже дружил с настоящими лилипутами (артистами, конечно), вместе с верным псом охранял границу Родины, а также изображал Деда Мороза в самодеятельном армейском спектакле.

Всего и не перескажешь. Одно ясно: Сергей мог стать геологом, охотником, учителем, а может, даже дрессировщиком и клоуном и наверняка преуспел бы в любой из перечисленных профессий, но тогда Союз художников потерял бы уникального мастера.

К счастью, Сергей Кондратьев выбрал кисть художника, и мы можем созерцать его произведения, преисполненные поэзией, запечатлевшие хрупкую красоту мира, ускользающую в скоротечном времени...

Сергей Владимирович, ты здесь, рядом, в твоих картинах: в уходящем, увы, старом городе, во дворе, которого нет, в доме, который давно снесли;

шагаешь под сенью вязов, спиленных ныне, мимо подворотен и калиток вместе с простыми обывателями, героями городского пейзажа, воспетого тобою. Долго смотрю тебе вслед через картинную раму...

Павел Руфимский, военный врач

С Сергеем мы познакомились в мастерской В. А. Твердохлебова. Он сразу привлёк внимание своей непохожестью, своеобразием в суждениях. Общась в дальнейшем, поняла, что это ещё и очень чуткий, добрый, способный к поступкам человек. Я очень благодарна Сергею за то, что, когда училась в студии, где он преподавал и проводил пленэры, слышала такие слова: при написании работ нужно отсечь лишнее и выразить главное. Он во всём умел разглядеть красивое, будь то листок смятой бумаги или звёздное небо. А больше всего вспоминается то, как он встречал каждого слушателя – как очень дорогого, хорошего и важного для него человека.

**Надежда Артамонова,
художник-любитель**

Сергей был настоящим мастером своего дела, талантливым художником. Созданные им картины обладают такой же магией притяжения, как и он сам. В его картинах нет академизма, но есть глубина мысли, умиротворение, чувства, которые присущи только ему, и, конечно, особенный колорит, который ни с чем не спутаешь.

В своих картинах Сергей стремится отразить свою внутреннюю жизнь, свои переживания, уловить тонкие связи с реальностью. Через все его работы проходит лёгкая тень грусти, покой и умиротворение, чувствуются интеллектуальное начало и философский подтекст. Способность учиться, по-новому переосмысливать жизнь, открывать в окружающем мире что-то новое, не забывая старое, и колоссальная работоспособность – основные составляющие его творчества.

**Ирина Драгункина,
член Российского авторского общества,
член Союза художников России**

Сергей Владимирович... Помню, как пришла к нему на занятия впервые. Он встретил меня очень доброй улыбкой и усадил пить чай с пирогами. Он умел создать дружескую атмосферу, в которой чувствуешь себя «своим» человеком, где тебя любят и понимают.

Он часто подшучивал над нами, особенно над теми, кто помоложе, но его шутки были вовсе не обидными, даже, наоборот, – раскрепощающими, добрыми и весёлыми. Он знал, как важно художнику для его творчества не испытывать напряжения. Он был прекрасным педагогом, иногда сам становясь как ребёнок, эмоционально откликался на всё живое. Он учил не просто копировать – он учил «видеть».

**Елена Игонина,
врач-стоматолог**

Мы познакомились с Сергеем Владимировичем, занимаясь в студии «Юный художник» при Доме работников искусств, он был нашим преподавателем. Обстановка на занятиях была очень дружественная, домашняя, учиться было интересно, легко и спокойно. Сергей Владимирович запомнился как добрый, позитивный и отзывчивый человек, с которым можно найти решение любой проблемы.

Очень радовало его гостеприимство. В студию можно было зайти в любое время, он всегда был рад, встречал как самых близких друзей, поил чаем и был готов выслушать. С ним можно было говорить не только на художественные темы, а просто – «за жизнь», о том, что тебя волнует. Сергей Владимирович всегда с большим уважением относился к своему собеседнику, кем бы он ни был, и к его жизненной позиции. От встреч у нас остались только хорошие воспоминания.

**Павел Колесов и Тимофей Червяков,
бывшие воспитанники студии «Юный художник»
при Доме работников искусств г. Саратова**

В 2010 я вступила в клуб самодеятельных художников «Вернисаж», которым руководил Сергей Владимирович Кондратьев. Клуб объединял любителей художественного творчества, в основном возрастных людей, ветеранов войны и труда со своей жизненной историей, характером и уровнем мастерства.

Сергей Владимирович Кондратьев вложил много сил и души для успешной работы коллектива. Организовывал образовательные лекции разного формата, мастер-классы по живописи и рисунку, устраивал многочисленные коллективные и персональные выставки с концертными номерами и сердечными поздравлениями юбиляров. Всегда помогал с доставкой картин на выставку. Как правило, сам делал экспозицию выставки, что весьма непросто, учитывая оформление, стилевую и жанровую неоднородность картин. Сергей Владимирович без устали повторял: «Не ленитесь делать видовые наброски». Он всегда спокойно и доступно отвечал на любые художественные и технические вопросы.

**Ольга Карева,
художник-любитель**

Сергей Кондратьев отличался особой серьезностью при решении художественных задач, стоящих перед ним. Тщательная разработка сюжета, композиции, фактуры живописной поверхности и цветовых соотношений, а не свободная импровизация – характерная черта его метода работы. Многочисленные наброски и варианты предваряют окончательную редакцию создаваемой картины.

Поэтическое дарование художника наиболее полно раскрывается в пейзажах, особенно представленных в «малой форме». Этюды следует рассматривать не как черновики более масштабных работ, а как самостоятельные художественные произведения, среди которых часто встречаются настоящие жемчужины. Городские и сельские пейзажи лиричны, композиции интересны, а иногда неожиданны, колорит – чаще сдержанный, даже ласковый. Всё

это хорошо подчёркивает различные состояния природы и находит отклик у равнодушного зрителя. Это камерное искусство сродни романсу: оно наиболее интимное, позволяет передавать тончайшие нюансы человеческих переживаний, состояний души, мелодию чувств. И оно идеально отвечает самоуглублённому, непубличному, даже настороженному характеру художника.

Что касается живописной манеры С. Кондратьева, то она является результатом синтеза многочисленных стилей и течений. Творческие заимствования осуществлялись в широком диапазоне: от классических форм и строгой перспективы, дающей ощущение трёхмерности, до умеренного авангарда, позволяющего художнику оставаться в рамках очевидной предметности. В многочисленных работах легко обнаружить следы экспериментов и в области импрессионизма, с его лёгкими и трепетными мазками, создающими ощущение вибрирующей красочной поверхности, и постимпрессионистские разработки с использованием сдержанного дробления, упрощения и обобщения привычных форм предметов. Впрочем, стилиевые составляющие С. Кондратьева близки не первоисточникам (символизму Пюви де Шаванна или «Набидов», протокубизму Сезанна, примитивизму Гогена), а представлены уже в русской транскрипции (символизм В. Борисова-Мусатова, П. Кузнецова периода «Киргизского цикла» и раннего, дофовистского К. Петрова-Водкина, кубизм и примитивизм «Бубновых валетов» и «Ослиного хвоста»). Революционные крайности отбрасывались, оставлялось то существенное, что наиболее соответствует индивидуальному мироощущению художника. Хорошее знание и богатая практика в области русской иконописи также оказывали и оказывают сильное влияние на светскую живопись, привнося в неё элементы одухотворённости.

При переходе от малых живописных форм этюдного характера к более крупным он развивает положительные результаты, достигнутые в жанре пейзажа и натюрморта. В изображениях природы прочитываются разнообразные душевные состояния самого художника: то безмятежное, то тревожное, меланхоличное и созерцательное или радостное и громогласное. Чаще всего пейзажи проникнуты ощущением лёгкой грусти всевозможных оттенков: светлой, мечтательной, неразделённой, печальной, скорбной. Живописный рисунок то непривлекателен, то затейлив, а сама форма, приобретая некоторую условность, становится всё более обобщённой, заставляя видеть не фотографическую картинку, которая исчерпывается простым и однозначным набором изображаемых элементов, а некоторый психологический портрет натуры, её внутреннее состояние. При этом ощущается некоторая отстранённость художника от изображаемого объекта, которая говорит не о равнодушии, а о созерцательности, о наличии дистанции между творцом и его творением, позволяющей постоянно контролировать творческий процесс.

Александр Давиденко,
художественный критик, коллекционер

Оказывается, я узнала Сергея до того, как познакомилась. Дело в том, что моя внучка в 1990-е годы ходила в студию, которую вёл Сергей. Члены нашей семьи встречали и провожали Аню, и мимолётные встречи с Сергеем всем запомнились. И годы спустя он при встрече здоровался, улыбался этим почти незнакомым людям. Все они вспоминают его с тёплым и благодарным чувством.

Меня он приглашал на открытия выставок художников-любителей. Сначала я относилась скептически к тому, что кто-то может заменить прежнего руководителя, В. Перепёлкина. Потом увидела, что у Сергея складывается удивительный контакт с этими художниками, что он относится к ним с уважением и любовью, и они отвечали ему тем же. Сколько тепла он вкладывал в это дело!

Однажды нас с Людмилой Пашковой он пригласил на свою выставку. Мы смотрели не просто так: он хотел, чтобы мы отобрали что-то для музея и для себя. Помню, что вещи нравились всё больше по мере нашего просмотра. В них была скромность, без поверхностных эффектов, а в глубине – поэзия. Он чувствовал содержательность линии, тонкие отношения цвета. Не могу сказать, что всё было ровно, но немало трогающих, искренних и содержательных работ.

В последний раз я видела Сергея на прощальной встрече в связи с кончиной Николая Бунина. Он сказал, что живёт в деревне, но очень холодно в доме, и Марина (это имя он произнёс с нежностью) просила приехать в Саратов.

**Лидия Краснопёрова,
старший научный сотрудник Радищевского музея**

Сергей Кондратьев – талантливый саратовский художник. Это особенно чувствуется в его городских пейзажах. «Старый Саратов» на картинах Сергея привлекает красивой живописью и уютom, а со вкусом выбранная композиция помогает пережить то настроение, которое когда-то вдохновило автора. Но ему удивительно удаются и деревенские сюжеты, сюжеты о Волге и родной природе.

У Сергея очень красивые натюрморты и интересные портреты, в которых ему не изменяет хорошее чувство гармонии и цвета. О мастерстве художника лучше всего говорят его картины, их способность воздействовать на зрителя, способность передать настроение и заставить сопереживать. Всё это есть в картинах Сергея, они никого не оставляют равнодушным. Тем более жаль, что творчество художника оборвалось так неожиданно и так трагично. Ведь он далеко не исчерпал свои возможности, его любовь к творческой работе дарила вдохновение и жизненные силы. Наверняка были большие планы и надежды, но судьба распорядилась иначе.

Михаил Полушкин, художник

Сергей Кондратьев – друг нашей семьи художников Семёновых-Говоровых. Человек глубокий, отзывчивый и интересующийся. Добрый друг и неординарный собеседник. Талантливый и чуткий педагог, который вёл студию рисования при Доме офицеров, и когда я бывала у него в гостях, то видела, как он находил подход к своим ученикам, ставил им самобытные постановки, вёл беседы, создавал тёплую, творческую атмосферу вокруг себя. Его творческое наследие многолико и интересно, думаю, оно требует более глубокого изучения и оценки.

**Мария Говорова,
искусствовед, художник**

Высокий, красивый, приветливый, улыбчивый человек. Таким он был для меня. Общаться редко, но тепло мы стали совсем недавно. Раньше мастерские у нас были в одном доме – Доме художника на Московской. Я только начинала... Потом пути наши разошлись, и тут вдруг встречаемся на улице и говорим, говорим... Обо всём, о чём чужие люди не говорят. И с этого момента мы общались уже как близкие люди, душевно и с радостью.

Сергей – художник скромный и очень талантливый. Работы его все очень разные, но объединяет их одно – темперамент автора и постоянный поиск нового. Сейчас пишу эти строки и пересматриваю его городские пейзажи. Город наш предстаёт на них маленьким, уездным, и уютным, и родным. Все работы пронизывает тёплый, добрый свет. И как у него это получалось? Цветы, люди – везде присутствуют доброта и любовь к живописи.

**Людмила Маханькова, художник,
председатель Саратовского отделения Союза художников России**

Я испытываю чувство благодарности к Серёже. Он перешёл в иной мир, оставив в моей душе светлый и чистый звук.

В памяти стёрлось, когда мы впервые встретились с ним. Вспоминается 1995 год, его первая поездка на Хвалынские пленэры. Сразу же стало видно, что в нашем «хвалынском движении» появился ещё один сильный, честный, порядочный, любящий живопись и всё, что связано с нею, художник.

Жажда проникнуть в тайны нашей профессии отличала его от многих других художников. Она не покидала его, наверное, до конца его жизни в этом мире. При каждой нашей новой встрече я постепенно осознавал, что Серёжа погружается в очередную, нужную ему в его практической работе книгу.

Гораздо раньше, чем я, Сергей стал посещать храм. Становясь православным человеком, он активно пытался помочь и мне связывать свою жизнь с храмом, с Богом. Это его постепенное погружение в православие и стало, наверное, причиной его крепкой дружбы с художником Павлом Маскаевым. Об их дружбе можно говорить долго. Но главное здесь то, что тяжёлая работа по сохранению саратовской организации Союза художников России, которой занимался Павел, какой-то своей частью была и на его плечах.

**Владимир Мошников,
член Союза художников России,
организатор ежегодного фестиваля «Хвалынские пленэры»**

Вспоминаю первую выставку работ Сергея Кондратьева совместно с Мариной Милавиной в Радищевском музее, экспозицией которой я занималась, задуханные беседы о жизни и творчестве в их мастерской, прогулки с ними на лодке в Волжских далах.

Сергея отличали искренность и цельность – как в жизни, так и в творчестве. В обыденном мотиве он умел видеть красоту и глубокий смысл. Его живопись – это выражение его мировоззрения, где подлинные жизненные и человеческие ценности в простом и главном: труде, природе, уютных улочках родного города, общении... Быт осмыслен как «бытие», но без пафоса

и назидательности. Лиризм и задушевность, жизнеутверждающее начало при-
сущи всем его работам.

Я вспоминаю о нём с теплотой и признательностью.

**Ирина Воронихина,
куратор Музея истории Свято-Троицкого собора г. Саратова**

Скромные реалистичные пейзажи-этюды Сергея Кондратьева обычно окрашены грустным настроением. На них – самые обыкновенные виды: старые саратовские дворики, чёткие силуэты деревьев на фоне заката, деревенские избы, плавные линии степных холмов.

На рубеже тысячелетий его творческой мастерской на несколько лет стал старый дебаркадер в Волжских дачах. Вспоминается одно из путешествий по Волге в жаркий летний день. Настоящий волжанин, Сергей ловко управлял лодкой, направляя её по заросшим протокам к одному из песчаных островов. Вместе с друзьями наловил рыбы, приготовил на костре вкуснейшую уху. И, конечно, успел написать волжский этюд с тёмной водой, освещённой песчаным бережком и бегущими по небу облаками.

Запоминающиеся выставки и жаркие обсуждения проходили в студии художников-любителей «Вернисаж», которой много лет руководил Сергей Кондратьев. В его характере – умение, не стесняя творческой свободы, оценить, поддержать студийцев сочеталось с отзывчивостью, внимательным отношением, доброжелательной критикой.

**Людмила Пашкова,
историк искусства, заслуженный работник культуры**

Сергей Кондратьев – узнаваемый, самобытный, ни с кем не спутаешь. Всегда восхищались его творчеством. Для нашей семьи Сергей Кондратьев был и остаётся одним из лучших и любимых художников Саратова. В жизни – общительный, один из тех художников, с которым всегда было приятно поговорить об искусстве. А вот живопись его, наоборот, молчалива и статична. Остановилось мгновение, замерло... И зритель остановился, задумался.

Творчество Сергея очаровывает своей глубиной, скромное и правдивое, чистое и одухотворённое.

Но всё же осталось ощущение недоговорённости, недосказанности, не увиденного нами в полной мере. Будем надеяться, что в скором времени в нашем Радищевском музее состоится его большая персональная выставка.

Арина, Полина и Евгений Яли, семья художников

«Не дай мне Бог Вас пережить, собратья...»

А. С. Пушкин, 19 октября 1825 г.

Пророческие слова. Так повелось на миру, что есть невозполнимые утраты. Всего 67 лет жизни судьба отмерила Сергею Владимировичу Кондратьеву. Его судьба и жизнь – комета, и всё земное озарение его прошло в длящемся мгновении. К тому же это был последний вздох несбывшихся желаний.

Художники-собратья, как и все близкие люди, особенно остро осознали эту потерю. При всей многосложности его суждений, а как нам быть без этого, он обращался к единственно верному чувству душевого равновесия с природой. Его смысловые и творческие поиски весомо переключались с духовным мировосприятием и откровением Павла Маскаева.

Своим творческим наследием и помышлением Сергей Кондратьев оставил в нашей памяти свет и след исчезнувшей кометы. Вот это и есть удел человека. Он ушёл туда, где талант оценивается на весах у Вечности.

**Виктор Учаев,
член Союза художников России**

Жизнь художника Кондратьева Сергея не была простой и безоблачной. Силы для борьбы с жизненными обстоятельствами, силы для того, чтобы состояться как художнику, Сергей извлекал из своего глубокого отношения к Богу, из светлого стремления быть художником. В характере Сергея совмещались доброта и твёрдость в поступках.

**Маргарита Твердохлебова и Владимир Твердохлебов,
доктор технических наук,
академик Российской академии естественных наук**

Среди этого мира Сергей был светлым и добрым человеком, всегда открытым и готовым к диалогу, художником, тонко чувствующим натуру, очень поэтичным.

**Ирина Мельникова,
член Творческого союза художников России**

Я не входила в тесный круг общения с Сергеем, но, когда смотрела на него со стороны, всегда видела в нём какое-то спокойствие, умиротворение, постоянную потребность в гармонии. И, посмотрев на его работы, я не обманулась.

Его работы действительно несут в себе жажду этой гармонии. Сдержанный, спокойный цвет, гармоничная пластика – всё это не просто так, это сначала нащупать надо. Через простые, натурные, даже бытовые моменты он создаёт настоящий художественный образ. В своих городских пейзажах, деревенских зарисовках, каких-то бытовых сценках он не просто погружается в среду – он погружается в человечность. В них передано состояние человека, который погружается в этот мир целиком.

Мне нравится это его погружение – оно очень тёплое, душевное и человеческое.

Наталья Никифорова, член Союза художников России

Сергей был очень чутким и внимательным человеком. Когда пересекались с ним на вернисажах, во всех коротких разговорах о творчестве и художниках он всегда замечал самые лучшие моменты бытия.

Сам он в своих живописных произведениях отображал светлый и добрый мир, тишину и поэзию жизни. Это и наши старые улочки Саратова, которые в его произведениях до боли знакомы, милые и наполненные ароматом детства, где хочется бродить, мечтать о будущем, и живописные уголки нашей области.

Это человек, глаза которого излучали мягкий свет...

Надежда Шитова, член Союза художников России

Сергей Владимирович был всегда готов сделать для храма что-нибудь хорошее. Помню случай, когда с ним произошло настоящее чудо.

Я служил в церкви Целителя Пантелеимона при 1-й Советской больнице. От времени в храме сильно потускнели росписи, и их нужно было обновить. Я попросил это сделать Сергея Владимировича. Он сразу согласился. А потом с ним произошло следующее. Весь рассказ привожу с его слов.

Вечером дома он ломал голову, как выполнить работу. Дело в том, что у Сергея Владимировича сильно болела нога, почти не сгибалась в коленном суставе. Для того чтобы привести росписи в порядок, нужно было много работать на строительных лесах, карабкаться по ним вверх и вниз. В общем, с больной ногой задача невыполнимая. С этими мыслями он уснул. Во сне к нему пришли три каких-то человека в белых одеждах наподобие медицинских халатов и тремя длинными иглами сделали укол в коленный сустав. Утром он проснулся и пошёл на работу к нам в храм и лишь к обеду понял, что колено совсем не болит, вообще не напоминает о себе.

Так он обновил росписи, а эта история всегда напоминает мне, как быстро и удивительно Господь помогает тем людям, которые с готовностью берутся за благое дело.

**Священник Дионисий Каменщиков,
настоятель Свято-Ильинского храма г. Саратова**

«Поплачь о нём, пока он живой»

В. Шахрин

С Сергеем я познакомился в 1999 году, когда под мастерские отдали бывшее здание Саратовского художественного училища на Советской, 65. Это был уже немолодой, но очень энергичный, ответственный человек. На тот период он взял на себя задачу посредника между администрацией Союза художников России и художниками, заселившими мастерские. Прямой, открытый, справедливый, он активно участвовал в общественной жизни Союза, входил в состав его правления.

Но самым большим открытием в развивающемся знакомстве была встреча с живописью Сергея. Никакого сомнения в том, что общаешься с удивительным, тонким художником, никогда даже не мелькало у меня. Тем более было для меня удивительным отсутствие в этой визуальности какой бы то ни было вторичности. «Тем более» потому, что мне было прекрасно известно, что своим формированием как живописец Сергей обязан М. Ю. Милавиной-Овчаренко – одному из ярчайших мастеров кисти в Саратове, как того периода, так и наших дней. При этом меня восхищало и мастерство Марины Юрьевны как педагога, воспитавшего, не слепого

последователя-эпигона, но сумевшего раскрыть яркую, неповторимую индивидуальность художественных интенций Сергея. Видимо, здесь синтезировалась не только природная одарённость Марины Юрьевны, но и её долгий опыт педагогической работы в стенах Детской художественной школы Саратова.

Юрий Уманец, член Союза художников России

Вспоминаю Серёжу как светлого, постоянно ищущего человека. Ищущего правду, красоту, чистоту, стремящегося к Богу. Его приход в церковь, его большая педагогическая работа, его великолепный взлёт в творчестве последних лет не случайны.

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.*

Эти строки Пастернака как нельзя лучше характеризуют жизнь Сергея. Упокой Господь светлую душу Сергея и даруй ему Царствие Небесное.

Валерий Апин, член Союза художников России

Узнав о его смерти, я заплакала. Это было так дико, так несправедливо: вот только что талантливый и яркий человек жил, работал, страстно дорожил целой художественной вселенной, которой он отважно владел и распоряжаясь, и вдруг его не стало. И такая лютая смерть.

Сергей Кондратьев был загадкой, которую можно попытаться разгадать, лишь глядя на его холсты. Он любил красоту во всех её проявлениях. Он был сгустком эмоций, всё в его душе горело и хлопотало, он был Везувием, соседство с которым притягивало и одновременно страшило. Он любил сказки и старинные, потрёпанные книги, гущу леса, сумрак мастерской, хлопья снега, радугу, древние иконы... Он любил запах ладана, звон колоколов...

И как это ни дико звучит, но такая смерть, смерть в огне, была абсолютно в его стиле. Потому что его жизнь тоже была жизнью в огне. В огне эмоций и страстей. И потому он не из тех, кто умирает «при нотариусе и враче». Это была смерть свободного человека, охотника, добытчика, борца. В нём было что-то... гумилёвское, конкистадорское. Почти первобытное. Он был воплощением противоречий и парадоксов, и талант его родом из этих противоречий, талант его произрос из поисков Бога и себя, и смысла жить, и понимания бессмысленности суеты.

И ещё один потрясающий момент: художника не стало, а его картины остались. В том же доме. Они уцелели. Огонь их не взял. Энергия человека перекочевала в полотна.

Светлана Дементьева, журналист
Публикация подготовлена Кристиной Никитиной

ИТОГИ КОНКУРСА

В 2022 году редакция литературно-художественного журнала «Волга–XXI век» объявляла конкурс литературных произведений, посвящённых 350-летию императора Петра Первого и 300-летию посещения им поволжских городов, в том числе Саратова. Цель конкурса – привлечение внимания авторов и читателей к истории Саратовского края. К рассмотрению принимались произведения исторического и краеведческого характера: статьи, исследования, очерки, художественная проза, тематически связанные с юбилейными событиями.

Редакция журнала благодарит за помощь в проведении конкурса Саратовский Исторический парк «Россия – Моя история», заместителя директора по научной работе Саратовского Исторического парка «Россия – Моя история» Ольгу Васильевну Гришанину, способствовавшую проведению литературного спецпроекта – областной поэтической программы «Император Всероссийский Пётр I и его эпоха. 1689–1725 гг.». Новый проект был приурочен к 350-летию со дня рождения Петра Великого.

27 октября 2022 года победители программы были награждены дипломами с правом публикации поэтической работы в литературно-художественном журнале «Волга–XXI век».

Редакция журнала получила несколько стихотворных и краеведческих работ, тематически связанных с объявленным конкурсом. В 6-м номере нашего издания (декабрь 2022 года) публикуются три лучшие конкурсные работы: стихотворения Дмитрия Зотова, Ольги Колокольцевой и очерк об истории и развитии города Петровска, предоставленный краеведческим музеем города.

**Дмитрий
ЗОТОВ**

ПЁТР

Чтобы стовёрстая равнина
Очнулась, вздрогнув ото сна,
Душа приходит исполина,
Беликих замыслов полна.

Смотрела Русь с укором женским,
Как в кровь пластались мужики.
Ещё в селе Преображенском –
Твои потешные полки.

А ты, хватив дубовой дверью,
Пролив в работе царский пот,
Ушёл к голландцам в подмастерья –
Предвосхитить российский флот.

Чтобы воде кипеть от вёсел,
Крыть парусами облака,
Познать четырнадцать ремёсел
Смогла монаршая рука.

Демидовской отсыпав дробы,
Ты скажешь Карлу: «Кто из нас?
Твой час – двенадцатый в Европе.
А мой в России – первый час!»

На этих землях меркнет слава
Всех, кто идёт сюда с мечом.
Разбился даже змей трёхглавый
О богатырское плечо.

Не в жаркой шубе, а в камзоле
Стоит на топком берегу,
Являя непреклонность воли,
Твой сын – твой город Петербург.

И в нём потомок Ганнибала,
Певец неистовых кровей,
Тебя восславит небывалой
Доселе лирою своей.

Быть по сему! Поправшим змия
В седле, на вздыбленном коне,
Тебя, пришпорившим Россию,
Воздвигнет гений Фальконе.

И не слабеть работной хватке
(Тесьма вокруг чела что нимб!),
Покуда спит в гранитной кладке
Монета с профилем твоим.

Ольга КОЛОКОЛЬЦЕВА

ПЁТР ПЕРВЫЙ И САРАТОВ

Журнальный вариант

Российский император – Пётр Первый...
В военные походы он ходил,
Спускался вниз по Волге на галерах,
Саратов-город дважды посетил.

Тот первый на Азов поход –
Не очень оказался он удачен.
Пётр повелел построить новый флот.
Ура! Вперёд! Нам славный путь назначен!

На верфях споро топоры стучат,
Суда большие строятся умело.
Пока наш флот российский слабоват,
Но Пётр поставил цель – и шёл к ней смело.

По Волге плыл отряд судов,
В низовья Дона стройно направляясь.
Предполагал Пётр крепость взять Азов,
Войска к Азову с суши устремлялись.

Велось строительство галер и стругов,
Плотов для переброски войск,
Пётр вёл осаду с суши, с моря строго,
И до победы был один рывок.

Расширил Пётр империи границы,
В Азове крепость смог он захватить.
И вновь в поход собрался из столицы,
Решил теперь он персов покорить!

И вот уже спустя десятилетия
По Волге вновь плывёт судов отряд.
И Троицкий собор на площади заметен,
С галер прекрасный виден град.

Царь помолился в городе над Волгой
И на судах своих сменил гребцов.
В Саратове пробыл недолго,
Лишь несколько часов – и был таков.

Здесь Пётр встречался с местным воеводой,
Поддержку получил и от купцов,
Когда в начале века им в угоду
Он землю отписал для хуторов.

Легенда местная гласит, что в тот приезд
Пётр восторгался красотой просторов –
И, осмотрев с горы пространство всё окрест,
Он воеводе подарил Зелёный остров.

А воевода Беклемишев был так рад,
Использовал его для рыбной ловли
И для охоты, для иных забав –
Тот остров Беклемишевским был прозван.

Прошли года... Народ Петра встречал.
Сукном красивым взвозы устилали.
Украшен город, освещён причал,
Все в городе в ту ночь не спали.

Горели факелы и плошки без помехи,
И радостный кругом сновал народ.
Шептались: «Государь приехал.
Что за собой визит сей повлечёт?»

Купцы встречали хлебом-солью робко –
Чьи головы, гадали, с плеч слетят.
Вошёл Пётр в город – кланялся народу,
Орудья в честь него на пристани палат.

Историки и краеведы спорят до сих пор:
Саратов сколько раз Пётр посещеньем удостоил?
Но мы гордимся: есть у нас Петровск,
И град сей по Указу государя был построен!

ПЕТРОВСК – ПЕРВЫЙ ГОРОД ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В 2022 году в России отмечается 350-летие со дня рождения Великого императора и реформатора Петра I, внесшего огромный вклад в развитие России. Масштаб личности первого императора в нашей истории настолько значим, что он справедливо назван Великим. И для нас – жителей Петровска – этот юбилей по праву считается значимым событием в истории нашего города.

«На свете много разных городов» (это слова из любимой петровчанами «Песни о Петровске»): мегаполисы и небольшие патриархальные центры, города с богатым историческим прошлым и совсем молодые, с верой и надеждой смотрящие в будущее. Есть города, в которые, побывав в них хотя бы однажды, непременно хочешь вернуться вновь – душа зовёт.

И всё же у каждого человека есть свой город, самый родной и любимый, а значит, самый лучший и красивый – в общем,

тот, в котором родился и вырос. Для нас – это наш родной Петровск, история которого начинается более 300 лет назад, когда в Диком поле, на возвышенном берегу красавицы-Медведицы по царскому указу была построена крепость для защиты вновь заселяемых земель «от воровских и воинских людей», а также для более удобной коммуникации с Нижней Волгой и Доном.

Давайте совершим небольшой экскурс в историю нашей малой родины.

29 июня 1698 года на левом берегу реки Медведицы был заложен город-крепость, названный в честь императора – Петровском. Крепость имела 4-угольную форму и с трёх сторон омывалась рекой. На высоком волу стояло 8 крытых тёсом башен, соединённых двойными дубовыми стенами высотой 6 метров. Две башни имели проезд

Пётр Первый

Крепость Петровск

ды. Вокруг стен шёл глубокий ров. Общая площадь составляла более 7 га. Внутри укрепления разместился первый построенный в нашем городе собор Петра и Павла.

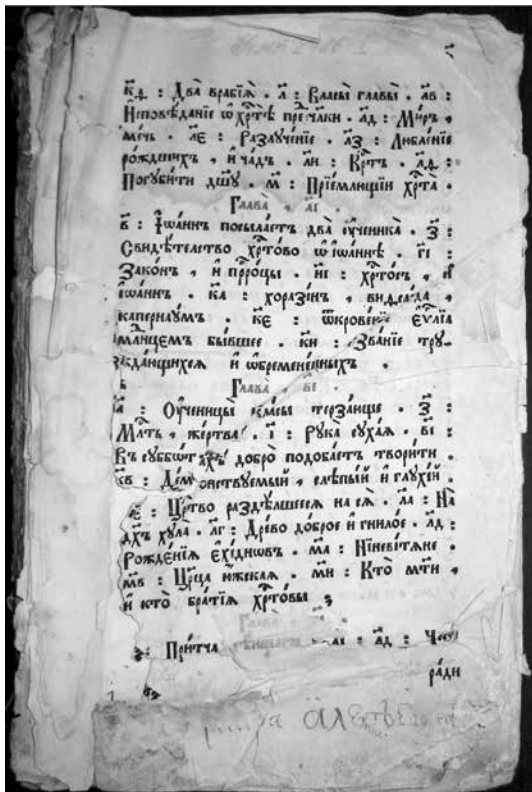
Собор Петра и Павла

В Петропавловском храме более двух веков хранился подарок, пожалованный от царствующего дома Романовых, – Евангелие в роскошном окладе с чеканными серебряными накладками по углам верхней доски. В нижней части начальных страниц сделана надпись: «1699 августа в девятый день по Указу царя и Великого князя Петра Алексеевича Великия и Малыя и Белья России самодержца дана сия книга Святое Евангелие из казны Великого государя в новопостроенный город Петровск в соборную церковь Святых Верховных апостолов Петра и Павла».

Ныне эта реликвия – один из самых ценных экспонатов местного историко-краеведческого музея. К сожалению, в музей она поступила уже без оклада. Там же, в Петропавловском соборе до 1872 года хранились семь воинских знамен, алебарда и бердыш петровского времени. После Политехнической выставки в Москве (1872), где были представлены эти реликвии, их отправили в Артиллерийский музей в Петербурге, в Петровск они больше не вернулись, но взамен были даны протазан и эспонтон – колющее оружие петровской эпохи. Их можно увидеть в экспозиции музейного историко-краеведческого комплекса им. И. В. Панфилова (ранее краеведческий музей Петровского района).

Среди экспонатов эпохи Петра Великого сохранились раритеты, которые вызывают не меньшее восхищение своей уникальностью, их также можно увидеть в местном музее.

За всю историю существования в Петровске насчитывалось 10 церквей и монастырей,

Евангелие Петра

Экспонаты эпохи Петра I

Собор Покрова Пресвятой Богородицы

Рвы вокруг города Петровска

в настоящее время действуют 2 храма – Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в 1884 году, и во имя Казанской иконы Божией Матери, открытый в 1871 году.

В 1797 году Петровская крепость была обезоружена. Старые развалившиеся крепостные строения уничтожены, рвы засыпаны, и к концу 18 века от крепости не осталось никаких следов. Город утрачивает своё стратегическое назначение.

В 1780 году Указом Екатерины II Петровск был назначен уездным городом Саратовской губернии. Расширяется его территория, появляются новые площади, улицы, формируется торгово-промышленный город с развивающимся ремеслом. Население зани-

мается торговлей, земледелием, скотоводством, приобретавшим товарный характер. Были развиты кустовая промышленность, мукомольная, крупяная, карандашная, кожевенная, кузнечная, слесарная, бондарная, сапожная, маслодельная, гончарная.

В ходе развития торговли установились экономические связи с другими городами (Пенза, Саратов и др.). Проходили ярмарки, на которых торговали производимыми вещами, хлебом, фруктами, рыбой, которую вылавливали в реке Медведице.

Центром городской общественной жизни в г. Петровске того времени были торговые ряды. С раннего утра они были полны народу. Пирожники и сапожники, шапочники и портные торговали своим товаром каждый в своём ряду, а всего этих рядов было не более десятка.

Из близлежащих сёл и деревень везли в Петровск зерно и овощи, молоко и мясо, мёд и рыбу. Торговали в лавках и шалашах, с лотков и вразнос.

На торгу встречались, обменивались новостями, ссорились и мирились. Здесь же трубили в рог и выкликали то, что нужно было знать всем горожанам. Пели и плясали скоморохи, водили медведя и показывали куколь-

ные представления. Здесь же совершали публичные наказания и устраивали праздники.

Два раза в год проходили более крупные ярмарки: с 25 по 26 июня – Тихвинская, и с 4 по 6 августа – Преображенская, на них привозили товар из соседних городов и районов.

23 августа 1781 года был утверждён герб города. Он представлял собой щит, разделённый на две части. В верхней изображена эмблема Саратовской губернии: в голубом поле три стерляди, означающие великое изобилие такой рыбы; в нижней части щита эмблема г. Петровска: «в красном поле простёртая из облаков рука, держащая золотые ключи».

Далеко за пределами уезда были известны петровские гончары, кузнецы, жестянщики. Ремесленники и служащие люди, занятые ремеслом, совмещали его с торговлей, работой по найму, земледелием и скотоводством, приобретавшим товарный характер.

Одним из результатов социально-экономического развития города в конце 18 века было формирование купечества, привилегированного сословия, представлявшего собой верхушку посада – городскую торговую буржуазию.

Существовало три гильдии купцов, принадлежность к которой зависела от капитала.

К первой гильдии относились купцы, которые имели капитал на сумму 10 тыс. и более; ко второй – на сумму от 5 до 10 тыс., к третьей – от 1 до 5 тыс. По данным за 1864 год, в г. Петровске купцов первой гильдии было – 1 человек, второй гильдии – 65 человек; третьей (мелочного торго) – 228 человек, а всего 294 человека.

Наши петровские купцы заботились о своём городе, принимали активное участие в постройке храмов, церквей, мостов.

Здание мануфактурного магазина братьев Просянкиных

Женская гимназия

Дом купца Тихонова

Духовное училище. Эвакогоспиталь 16-92

И об этом времени напоминают многие купеческие дома, которые представляют историческую ценность для нас и являются памятниками архитектуры.

В здании магазина «Раймаг», сегодня это магазин «Дизайн», на улице Московской располагалось купеческое собрание, на котором купцы решали, что и где строить, что приобрести для города, какие улицы замостить. Рядом с купеческим собранием жил глава города. Напротив располагались «Номера Соршера», где останавливались гости и купцы на знаменитые ярмарки.

Так, железный мост через реку Медведицу был приобретён управлением Рязано-Уральской железной дороги для железнодорожной ветки «Балашов – Ртищево», но купцы перекупили этот мост, который был построен в Петровске в 1901 году взамен деревянному, который был проломлен, когда по нему гнали стадо волов.

Здание мануфактурного магазина братьев Просянкиных было построено в 1878 году. На пер-

вом этаже размещался их магазин, на втором – купеческое собрание. После революции – театр, а с 1946 года и по настоящее время – районный Дом культуры.

Здание женской гимназии построено в 1901 году. Бывший дом генерала Устинова, в настоящее время это здание администрации Петровского района.

Дом купца Тихонова, год постройки – 1872-й. В первые годы советской власти здесь размещался военный комиссариат, с 1935-го – исполком горсовета, с 1977-го по 1995 год – Дом пионеров и школьников.

Многие здания нашего города были построены в конце 19–начале 20 века.

Здание уездного казначейства построено в 1912 году. В настоящее время здесь находится Россельхозбанк.

Водонапорная башня была возведена в 1904 году.

Здание пожарной охраны – в 1912 году.

Железнодорожный вокзал был построен в начале 20 века, точная дата неизвестна.

Значительные изменения произошли в городе в 20-е годы XX века.

С началом Великой Отечественной войны жизнь петровчан радикально изменилась. 18 тысяч человек ушли из Петровского района на фронт, 7 тысяч петровчан навсегда остались на полях сражений. В городе было развёрнуто 2 госпиталя.

Позже на городском кладбище был установлен памятник на братской могиле воинов, умерших от ран в госпиталях г. Петровска в 1941 году.

8 героев Советского Союза дала нашей стране петровская земля, среди них генерал-майор И. В. Панфилов. 8 мая 1975 года был открыт памятник, расположенный на территории школы № 3.

В память о петровчанах – участниках Великой Отечественной 1941–1945 гг. на площади возведён обелиск 9 мая 1976 года, заложенный в честь 30-летия Победы над фашистской Германией.

Преобразился, вырос и окреп Петровск в послевоенные годы.

В XX веке значительные изменения произошли не только в экономике, но и в развитии народного образования, медицины и в культуре.

Для улучшения медицинского обслуживания петровчан было сделано многое: в городе были открыты поликлиника, туберкулёзный диспансер, станция скорой помощи, санитарно-эпидемиологическая служба.

Центром культуры и отдыха петровчан являются: Дом культуры, городской парк, музейный историко-краеведческий комплекс им. И. В. Панфилова, библиотеки, современный кинотеатр и др. Новое поколение спортсменов готовит детская спортивная школа.

В настоящее время Петровский район является крупным муниципальным образованием Саратовской области.

Сегодня Петровск – красивый, ухоженный город, с прямыми улицами, историческими и современными застройками, центр большого сельскохозяйственного района, многонационального муниципального образования, приобретший статус исторического города области.

(Статья предоставлена музейным историко-краеведческим комплексом им. И.В. Панфилова)

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА

Любовь
ЧИРКОВА

«ПОЭТ РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Анатолий Передреев – один из троих, вместе с Николаем Рубцовым и Юрием Кузнецовым, самых известных поэтов русского поэтического возрождения второй половины XX века, имя которого по праву заслуженно вошло в учебники русской литературы, изучаемой в средней общеобразовательной школе. Глубинное, родниковое, родное поэтическое слово, истинная, не гремущая, а Богом данная поэзия Анатолия Передреева пробилась-таки через засилье иронического, постмодернистского звучания.

Родился поэт 18 декабря 1932 года в деревне Новый Сокур Татищевского района, что в сорока километрах от Саратова. Сегодня этой деревни нет на карте Саратовской области, на этом месте – заросший бурьяном пустырь да пруд с плакучими ивами, опустившими свои ветви до воды. В этом пруду Анатолий с местными мальчишками купался и ловил рыбу. Возможно, эти старые, вековые ивы помнят мальчишку, ставшего известным поэтом. Когда видишь пустырь с заросшими бурьяном ямами (некогда здесь стояли избы), с кучами глины, как напоминание о разрушенных русских печах, трудно поверить, что здесь некогда кипела жизнь: топили бани, пекли пироги, в палисадниках цвели маки, по утрам устраивали побудку петухи, бегали ребяташки... Здесь жили бабушка и дедушка Анатолия, а также многочисленная родня. Ещё не исполнилось и года будущему поэту, как его родители, боясь угрозы раскулачивания (они были крепкие середняки; о раскулачивании узнали от комбедовца), тёмной ночью, взяв детей – четырёх сыновей и пятого, грудничка Анатолия, пешком подались на железнодорожную станцию, чтобы уехать к родственникам в город Грозный.

Став поэтом, Анатолий Константинович увековечил этот эпизод в своём стихотворении под названием «Воспоминание о селе»:

*Сейчас туда
Ползёт туман из балки.
Белеют пруд и Лысая гора...
Там никого,
Ни деда и ни бабки
Нет у меня,*

● Любовь Леонидовна Чиркова – член Союза журналистов России, руководитель Саратовского Рубцовского центра, автор 17 книг поэзии и прозы.

*Ни отчего двора.
Забыв о том, как сеяли и жали,
Давным-давно
Мои отец и мать
Из этой деревеньки убежали,
Едва-едва успели убежать.*

Но связь с Саратовом не была потеряна. В Грозном семья Передреевых обзавелась огородами и бахчами, обильный выращенный урожай кормил большую семью (в Грозном родились ещё двое детей, сын и дочь), но и оставалось на продажу. Продавали выращенную клубнику в Саратове, где проживали их родственники и где на улицах ещё дотаивал снег. Да и на картошку в Саратове был спрос. Отец, государственный служащий, оставался дома с детьми, а мать, взяв с собой лишь одного Анатолия, ехала с ним на саратовский базар. Успешно продав сельхозпродукцию, мать вместе с сыном в обязательном порядке навещала своих родителей и родственников в деревне Новый Сокур. Доехав на автобусе до указателя на трассе, они выходили из него и до деревни шли пешком. Шагая по просёлочной дороге, любуясь окрестностями, будущий поэт впитывал в себя всю красоту родной земли. «Мама, какая у нас красивая деревня! – восторженно говорил Анатолий. – Какая красивая земля!» Позже, когда Анатолий писал о своём друге Николае Рубцове, он со знанием дела отметил: «Про такое «проездом» не скажешь, надо «идти пешком». В одном из стихотворений о своей малой родине поэт выразился так:

*Вы ошиблись, ошиблись, ошиблись...
Не ослепят меня города,
Мне светлей та изба на отшибе,
Что в глаза мне вросла навсегда.
И деревня, и лес, и опушка,
Первый шаг мой по этой земле.
Там живёт золотая кукушка,
Много лет куковавшая мне.*

Деревенская жизнь, ничем не ограниченная свобода и радость общения с первозданной природой навсегда запали в душу будущему поэту. Свою любовь к деревне, в которой он родился, Анатолий выразил и в этих строках: «А эта горсточка домов / Так мало изменялась... / Ей далеко до облаков – / Она к земле прижалась...»

Одно из стихотворений он заканчивает выводом-формулой, которая составляет его кредо:

*И вот над краем дорогим и милым
Кричит петух...
Кого зовёт он так по белу свету,
Как будто знает – песнь его слышна,
И понимает: русскому поэту
Нужна земля
И родина нужна.*

В 1957 году вместе с братом Борисом Анатолий прибыл в Саратов, чтобы поступать в вузы: Анатолий – в государственный университет им. Н. Г. Чер-

нышевского на филологический факультет, а Борис – в автодорожный институт. Поступив, Анатолий совмещал учёбу с работой в оцинковальном цехе на заводе металлоизделий им. В.И. Ленина Саратовского совнархоза, который производил металлические изделия: болты, гвозди, колючую проволоку (сегодня этого завода не существует). Поступив на завод, как отмечено в трудовой книжке, 18 сентября 1957 года, он в короткий срок из ученика подручного в оцинковальном цехе через два месяца становится уже подручным оцинковальщика.

Позже Анатолий Константинович увековечил в своих бессмертных стихах и это место своего пребывания на саратовской земле. О своей жизни и работе в то время он писал:

*Я жил свободно и открыто,
Я делал чистые дела.
И производственная крыша
Над головой моей плыла.
Она была – как купол цирка,
Но не хватало высоты
Парам расплавленного цинка,
Удушью серной кислоты.
И этот дым, и слово «вредник»
Я принимал без лишних слов
И нёс брезентовый передник
Все шесть положенных часов.*

Разрываясь между работой и учёбой, Анатолий Передреев ещё и писал стихи. Особенно преуспел в этом деле, будучи в армии. Вернувшись оттуда снова в Саратов, он продолжил учёбу в университете и работу на том же заводе. В Саратове в областной газете «Коммунист» от 7 июня 1959 года вышла первая подборка его стихотворений, открывшая ему дорогу в профессиональную литературу. Эта подборка появилась на свет благодаря саратовскому поэту, литсотруднику газеты Владимиру Фёдоровичу Бойко, который разглядел первые ростки таланта у поэта Передреева, о чём сказал: «Стихи его были распахнуты настежь... Искренние, простые, полные жизнерадостного духа – настроя, характерного для советской поэзии тех лет. И в то же время в стихах отсутствовали советские штампы слова и мысли, пустое словословие. Я отобрал несколько стихотворений, озаглавил подборку: «Доброго пути, Анатолий Передреев»; написал несколько слов, представляющих молодого автора читателям. В подборке были стихи «Три старших брата были у меня...», «Щель», «В лесу». Первое стихотворение было о погибших в Великую Отечественную войну трёх его старших братьях: «Три старших брата было у меня... / От них остались только имена. / Остались три портрета на стене, Убиты братья на большой войне...»

О всех этих фактах пребывания Анатолия Передреева на саратовской земле узнали мы от литературного критика Александры Ивановны Баженовой, которая написала самую первую биографию поэта. Итогом её двадцатилетней исследовательской работы стала книга «Родина внутри нас».

Появившийся тринадцать лет назад Саратовский Рубцовский центр (СРЦ) включил в свою работу популяризацию творчества своего земляка – поэта А.К. Передреева. Ежегодно проводится около двадцати литературно-музыкальных мероприятий. В каждом ежегодно выпускаемом альманахе «Душа хранит» размещается один-два очерка о Передрееве. Была выпущена книга

А. К. Передреева «Мир поэта» с избранными стихами и очерками. В двухтомнике «Литературные перекрёстки» помещён очерк о поэте-земляке.

Активисты СРЦ побывали на месте бывшей деревни Новый Сокур, стёртой с лица земли в 1985 году. Тесная дружба связывает рубцовцев с братом поэта – Борисом Константиновичем, проживающим в селе Широкополье Саратовской области. Поездки к брату описаны в очерке, опубликованном в татищевской газете «Вестник». Посетили активисты СРЦ и Октябрьский Городок, где будущий поэт был крещён в Никольском соборе, действующем до сих пор, и где в местной школе имеются два стенда с фотографиями, стихами и информационным материалом о поэте.

Побывали рубцовцы и на Востряковском кладбище в Москве, на могилу поэта возложили цветы. На «Передреевских чтениях» в городе Электросталь подарили участникам мероприятия книги и копию газеты «Коммунист» с первой публикацией стихов поэта. Порадовались тому, что в Электростали, где Передреев проживал пять лет, на его доме была открыта мемориальная доска, засвидетельствовавшая этот факт.

Горячо рязанцы почитают своего земляка – поэта Сергея Есенина – и гордятся этим; вологжане счастливы, что их землю прославил великий поэт Николай Рубцов. Но не повезло Анатолию Передрееву – он родился на саратовской земле, где большинство саратовцев даже не слышали его имени. Даже в Год литературы официальные службы не провели вечера воспоминаний о нём, не было издано ни одной книги.

Саратовский Рубцовский центр обратился в комиссию по топонимике о присвоении имени Анатолия Передреева небольшой безымянной площади в Саратове, которая упирается в Сокурский тракт – лучшего места и не придумать, хотя поэт достоин и того, чтобы именем его назвали улицу.

К сожалению, этот вопрос до сих пор остаётся нерешённым...

*Петровск.
Храм в честь Казанской иконы Божией Матери*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:
Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.
Корректор – Е. Н. Березина.
Художник – Сергей Кондратьев.

Подписано в печать 28 ноября 2022 года.
Дата выхода в свет 15 декабря 2022 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/28112.
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2022.
© «Волга–XXI век», 2022.

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА СЕРГЕЯ КОНДРАТЬЕВА

«Снег выпал». 2017 год

«Полдень». 1995 год

«Голубой город». 1996 год

«Волжские дали». 2005 год

